

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 8 2022 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

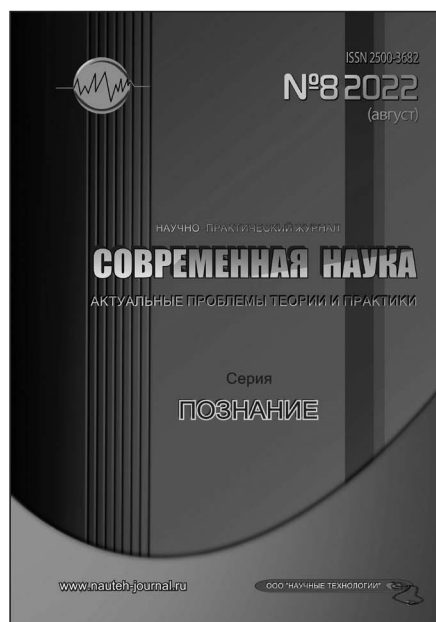
Подписано в печать 22.08.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №8 (август) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Гапоненко Т.Н. – Своеобразие интерпретации М.В. Юдиной Шести интермеццо (соч. 116—119) И. Брамса
Gaponenko T. – The unique interpretation of M.V. Yudina's Six intermezzos (op. 116—119) by I. Brahms. 4

Кириллова Н.Б. – Цифровая культура глобализованного мира и творческое развитие личности
Kirillova N. – Digital culture of the globalized world and the creative development of the individual 12

Саркисов В.А. – Социокультурный фронт музей в виртуальной образовательной среде: постановка проблемы
Sarkisov V. – The sociocultural frontier of the museum in the virtual educational environment: statement of the problem. 18

Шао Цзялин, Цинь Сыин – Исследование особенностей художественно-творческой практики живописца А.А. Мыльникова
Shao Jialing, Qin Siying – Research of peculiarities of artistic and creative practice of the painter A.A. Mylnikov 22

Языков Е.Ю. – Сущность гражданско-правовой культуры как целевого ориентира высшего образования
Yazykov E. – The essence of civil law culture as a target of higher education 26

Психология

Бухлина Л.Ю., Шарина К.А. – Особенности физического «я» у учащихся с отклонениями пищевого поведения
Bukhlina L., Sharina K. – Features of the physical self in students with eating behavior 31

Галиев Р.Р. – Взаимосвязь жизнестойкости с ценностными ориентациями личности
Galiev R. – The relationship of resilience with the value orientations of the individual. 38

Косолапова А.В. – Кросс-культурный анализ проблемы совладания со стрессом
Kosolapova A. – Cross-cultural analysis of the problem of coping with stress 42

Хромова Л.К., Гуревич К.Г., Архангельская А.Н., Цыганков Б.Д. – Типология агрессивного поведения подростков
Khromova L., Gurevich K., Arkhangelskaya A., Tsygankov B. – Typology of aggressive behavior of adolescents 46

Швецова О.Ю., Корчагина А.О. – Восприятие музыки как объект исследований в психологии
Shvetsova O., Korchagina A. – Perception of music as an object of research in psychology 51

Янчиков В.Н., Соловьёва Ю.О. – Психосоматическая травма как причина возникновения аллергии
Yanchikov V., Solovyova Yu. – Psychosomatic trauma as a cause of allergy 57

Философия

Васяев А.А. – Этика и правосудие: проблема взаимодействия
Vasyaev A. – Ethics and justice: the problem of interaction 62

Давыденкова А.Г., Ермилова М.В., Василенкова А.А. – Значение мировоззренческой методологии в воспитательном процессе (критика методологии постмодернизма и посттрансформизма)
Davydenkova A., Ermilova M., Vasilenkova A. – The significance of world view methodology in the educational process (critique of the methodology of postmodernism and post-transformism) 66

Хилтухина Е.Г. – Познание мира – субъективное художественное проявление духа (по Г.В.Ф. Гегелю)
Khiltukhina E. – Cognition of the world is a subjective artistic manifestation of the spirit (according to G.V.F. Hegel) 72

Информация

Наши авторы. Our Authors. 76
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 77

СВОЕОБРАЗИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. В. ЮДИНОЙ ШЕСТИ ИНТЕРМЕЦЦО (СОЧ. 116—119) И БРАМСА

Гапоненко Татьяна Николаевна

*Профессор, Заслуженный артист РФ, Академия Хорового
Искусства имени В.С. Попова
tatiana.gapo@yandex.ru*

THE UNIQUE INTERPRETATION OF M. V. YUDINA'S SIX INTERMEZZOS (OP. 116—119) BY I. BRAHMS

T. Gaponenko

Summary: In this paper, we intend to analyze some aspects of the interpretation of one of the largest representatives of the Soviet pianistic school, Maria Veniaminovna Yudina, of the Six Intermezzos by the great German composer Johannes Brahms. The problem of reading the author's text is great and endless, and, of course, this work does not in any way claim to cover this complex topic comprehensively. We will talk only about some features of the sound of I. Brahms' music performed by M. Yudina.

The first section of the work is devoted to a general description of intermezzo as a genre and its role in Brahms's later work.

The second part characterizes the creative image of Maria Veniaminovna Yudina.

The final section provides a brief analysis of Yudina's interpretation of Six intermezzos of Brahms' late opuses.

Keywords: M.V. Yudina, I. Brahms, six intermezzos, music.

Аннотация: В данной работе мы предполагаем проанализировать некоторые аспекты интерпретации одной из крупнейших представительниц советской пианистической школы — Марии Вениаминовны Юдиной — Шести интермеццо великого немецкого композитора Иоганнеса Брамса. Проблема прочтения авторского текста велика и бесконечна, и, естественно, данная работа ни в коей мере не претендует на всесторонний охват этой сложной темы. Мы будем говорить лишь о некоторых особенностях звучания музыки И. Брамса в исполнении М. Юдиной.

Первый раздел работы посвящен общей характеристике интермеццо как жанра и его роли в позднем творчестве Брамса.

Во второй части характеризуется творческий облик Марии Вениаминовны Юдиной.

В заключительном разделе дан краткий анализ интерпретации Юдиной Шести интермеццо поздних опусов Брамса.

Ключевые слова: М.В. Юдина, И. Брамс, шесть интермеццо, музыка.

В 1892—1893 годах И. Брамс опубликовал четыре сборника фортепианных пьес, куда вошли двадцать небольших произведений, объединенных в опусы 116—119. За исключением Баллады (ор. 118) и Рапсодии (ор. 119), все это — мелкие пьесы, которые Брамс озаглавил Каприччио (3 пьесы) и Интермеццо (14 пьес; по духу им родствен романс, ор. 118). Таким образом, преобладающим жанром в позднем творчестве композитора становится интермеццо.

Известно, что к этому названию¹ Брамс тяготел давно. Впервые мы встречаемся с интермеццо в Сонате, ор. 5 и Квартете, ор. 25. Подзаголовок «Ruckblick» («взгляд назад»), данный Брамсом интермеццо из Сонаты, определял смысл, который композитор вкладывал в это название. Впоследствии тип интермеццо из Квартета (имеющий переходный характер от скерцо к лирическому высказыванию) получил самое широкое распространение в средних частях его инструментальных циклов, часто уже без конкретного названия (так, например, в его 3-й Симфонии).

Интересно проследить, как сочинения этого жанра для фортепиано из пьес «промежуточного, ни к чему не обязывающего характера», превратились в произведения совершенно независимые. Известно, что в ор. 76, состоящем из восьми пьес, небольшие по размеру интермеццо расположены действительно между масштабными каприччио, то есть выполняют роль своеобразных связок; каприччио начинают и заканчивают этот цикл. В ор. 116, включающем то же количество пьес, обрамляющими опять являются каприччио, но в этом цикле интермеццо уже «освобождаются» от неперемного чередования с каприччио, теряя, тем самым, свой первоначальный смысл пьес «переходного характера» (в ор. 116 три каприччио и уже пять интермеццо). В последующих фортепианных циклах каприччио совсем исчезают. Ор. 117 (3 пьесы) целиком состоит из интермеццо. Пьесы этого названия мы находим и в ор. 118 (из 6 произведений, составляющих этот цикл, — 4 интермеццо); три пьесы из четырех соч. 119 написаны в том же жанре.

В небольших пьесах поздних опусов перед нами

1 Интермеццо (итал. — находящийся посреди, промежуточный). 1) Пьеса промежуточного, связующего значения. 2) Самостоятельная характерная инструментальная пьеса. Основоположителем этой разновидности интермеццо является Р. Шуман (6 интермеццо для ф-но, ор. 4, 1832).

предстает Брамс последних лет жизни, может быть, весь Брамс в своих наиболее характерных чертах.

Прослеживая путь развития интермеццо, мы видим, как необычайно расширяется лирический диапазон этих миниатюр, включая драматические, порой трагические или жанро-бытовые элементы.

Если пьесы ор. 116 сразу получили шумановское название «Фантазии», а три интермеццо ор. 117 проблему наименования не ставили, то для ор. 118 и 119 Брамс долго не мог найти заглавие. Вначале он предполагал назвать их «монологами и импровизациями», но потом изменил свое решение, и эти опусы вышли в свет просто как «фортепианные пьесы» (Klavierstücke).

Существует предположение, что в своих «Фантазиях», скорее всего, Брамс использовал наброски, относящиеся к значительно более раннему периоду творчества. Но в то же время эти сочинения уже носят ярко выраженные черты позднего периода творчества. Это и предельная концентрация глубокого содержания в малых по объему формах, и гармоничное единение романтической раскрепощенности высказывания с классической ясностью выражения, и преобладание в музыке философски-элегического тона.

Каприччио этого цикла, полные ярко выраженной «флорестановской» пылкости, написаны в оживленных темпах. Глубоко интимные «эвзэбиевские» интермеццо проникнуты чувством сдержанной печали, сосредоточенных размышлений, возвышенности и покоя.

Именно в интермеццо полнее раскрывается личный, сокровенный и многогранный душевный мир автора. Этим музыкальным миниатюрам Брамс в конце своей жизни доверил самые потаенные движения души и сердца. Сохранив свежесть дыхания и силу чувств великого композитора, они в то же время полны мудрости и высшей простоты, пришедших в конце долгого жизненного и творческого пути.

В этих миниатюрах высочайшее мастерство Брамса в подробной передаче малейших оттенков переживаний сочетается с предельным лаконизмом композиции. В интермеццо композитор изобретательно использует возможности простой и сложной трехчастной формы. Сложное содержание музыки выражено скупыми средствами и прежде всего «говорящим» складом мелодики. Неизмеримо возрастает роль полифонии с появлением многих независимых, выразительных голосов. Обращает на себя внимание своеобразная трактовка ритмического начала: для интермеццо очень характерны зыбко-прихотливые ритмы, часто сочетающие четные размеры с нечетными или причудливо синкопированные.

Интермеццо позднего периода широко включают в себя песенность — основу этического и эстетического идеала творчества композитора. Глубокие корни роднят песенность музыки Брамса с народными истоками: «Да, Брамс и народная песня неразрывно связаны, можно сказать — едины», — пишет М.В. Юдина. «Она буйной полнотой цвела вокруг него, он ее жадно впитывал и лелеял ... И песни пелись: протяжные, заунывные, рыцарские, исторические, революционные, боевые, военные, охотничьи, игровые, плясовые, сатирические, любовные, фантастические, комические, канцонетты, баллады, хороводы, загадки, заклинания.

Песни чешские, венгерские, румынские, сербские, хорватские, моравские, словацкие, словенские, цыганские, немецкие, австрийские, еврейские, итальянские... Материал был поистине необозрим...

Так этот изумительный человек был насыщен жизнью во всех ее аспектах!» [1, 286-287]

Известно, что Брамс не пользовался цитатами из народной музыки, но он был так полон музыкальными впечатлениями от своих многочисленных поездок, — а Брамс любил путешествовать, — что в его музыке звучат как будто бы подлинные сербские, венгерские, цыганские мелодии. Песенное начало пронизывает все творчество композитора — от камерно-инструментальной музыки до симфоний.

Нужно различать два типа песенности, представленных и в поздних интермеццо, хотя сделать это можно весьма условно, так как они часто тесно взаимодействуют, обогащая друг друга. Один тип более связан с непосредственным выражением жанрово-бытовых истоков песни. Другой же — с песенностью в самом широком смысле, то есть с протяженностью мелодической линии, основанной на песенной интонации.

С двумя типами песенности прямо соотносятся и виды варьирования: **вариационность**, основанная на строфичности и прямо связанная с жанром песни (к примеру, интермеццо до-диез минор, соч. 117), и **мотивная вариантность**, основанная на принципе ядра (мотива) и развертывания (интермеццо ми бемоль минор, соч. 118).

Возможность погрузиться в глубинное существование музыкальной идеи, «исчерпать до дна» один образ, одно настроение, осветить, узнать его со всех сторон — именно этого помогает достичь метод варьирования, и Брамс часто избирает его в своих поздних сочинениях.

Исходя из этого, мы можем заключить, что вариационное развитие исходного интонационного материала на протяжении всего музыкального произведения является важнейшей характерной чертой позднего стиля

творчества Брамса.

В подобных интермеццо, представляющих богатейший мир брамсовской лирики, можно услышать бесконечное разнообразие оттенков мыслей и чувств автора: нежное томление (интермеццо Ми мажор, соч. 116), просветленный покой и безмятежность (ми бемоль минор, соч. 118), тревожность, трепет (ми минор, соч. 116), суровую элегичность (до диэз минор, соч. 117) и многое другое.

Иногда в интермеццо явственно проступает определенный жанровый колорит: вальс (середина ми минорного интермеццо, соч. 119), колыбельная (Ми бемоль мажор, соч. 117), баллада (до диэз минор, соч. 117) и т.д. Все эти признаки находятся в теснейшем взаимодействии, в тончайшем и гибком переплетении объединяются и растворяются в едином потоке лирического высказывания.

Завершая краткую характеристику некоторых черт интермеццо поздних опусов, можно сказать, что после произведений малой формы — Ноктюрнов и Прелюдий Ф. Шопена, Музыкальных моментов Ф. Шуберта, фортепианных пьес Р. Шумана — романтическая фортепианная миниатюра приходит словно бы к некой «последней черте», как бы отделяющей поздний романтизм от импрессионизма. «Промежуточные пьесы» — интермеццо Брамса — «полусвязки», «полунамеки». Но эти почти неуловимые мгновения музыки полны самых нежных чувств, самых искренних высказываний. В поздних интермеццо перед нами предстает Брамс — глубочайший лирик, предтеча западноевропейского музыкального импрессионизма.

Известный немецкий музыковед Ф. Шпитта, ознакомившись с пьесами соч. 116—119, написал Брамсу: «Фортепианные пьесы... передо мной, и я вдвойне благодарю Вас: за то, что Вы мне их прислали, и еще больше за то, что Вы их сочинили. Несказанно занимают меня пьесы, которые так сильно отличаются от всего, что Вы написали для фортепиано, и которые, может быть, являются самыми содержательными и глубокими из всех Ваших инструментальных форм, какие я знаю. Они предназначены для медленного высказывания в тишине и одиночестве не только как постлюдии, но и как прелюдии к размышлению, <...> и я думаю, что правильно Вас понимаю, если полагаю, что Вы на что-то подобное хотели намекнуть названием «интермеццо». «Промежуточные пьесы» имеют предпосылки и последствия, которые каждый исполнитель и слушатель может сам вообразить себе в этом случае. <...> Мне только не хотелось бы, чтобы наши виртуозы тащили их в концертный зал. Баллада, романс, рапсодия — извольте! Но интермеццо?» [3, 334]

Эти произведения, исключительное значение которых очень глубоко и точно определил Шпитта, все-таки зазвучали в концертных залах, став высшей пробой духовной зрелости для всех исполнителей. Поздние фортепианные опусы Брамса многие выдающиеся музыканты включили в свой концертный репертуар.

Среди гениальных исполнителей сочинений Брамса выстается крупнейшая, самобытная фигура Марии Вениаминовны Юдиной (1899—1970). Замечательная пианистка, одаренная огромным талантом, она была не только гениальным музыкантом, но и большим человеком. Ее личность представляла собою особое явление в нашем музыкальном искусстве, выделявшем ее из немалого числа талантливых музыкантов-исполнителей.

Для Юдиной, своеобразнейшего интерпретатора, авторский текст чаще всего был толчком для проявления собственной фантазии. Для нее всегда была важна идея сочинения, как она ее представляла. «Я говорила о Болеславе Леопольдовиче Яворском², — писала Мария Вениаминовна, — справедливо требовавшем от музыкантов не изготовления «подобий, а одухотворенности музыкальных элементов и символов. Музыка не копирует эмоцию, не «удваивает» ее, она (как некий символ) указывает на нее! Изготовление «двойников» реальных эмоций (а они в обыденной жизни бывают ведь и неглубоки) — бессмыслица. Истинный вдохновенный артист не подражает эмоциям, а творит ее символ, и его эмоциональность есть, в сущности, прием символической выразительности. Поэтому излишни «страстные» слова о правдивости и прочих выдуманных (в музыкальном исполнении) достоинствах. Наша, музыкантов, задача есть пробуждение слушателя к известной духовной направленности, и в этом смысле соприкосновение с музыкой — толчок к новому пониманию реальности» [1, 302]. Эти слова смело можно назвать творческим credo выдающейся исполнительницы.

В интерпретации Юдиной многие известные музыкальные сочинения разных композиторов появлялись часто в совершенно неожиданном ракурсе. Это, конечно же, не значит, что Юдина просто игнорировала авторские ремарки, отнюдь, нет. Это различие выражалось в проявлении свойственной каждому артисту специфической исполнительской инициативы и соответствующих исполнительских средств. Характерной чертой творчества Юдиной являлось то, что источником для ее фантазии в определении образа какого-либо сочинения была, в основном, не непосредственно музыка данного произведения, а ее общее ощущение творчества композитора, исторические сведения об эпохе, глубоко субъективные ассоциации с творчеством представителей смежных видов искусства — поэзии, живописи, театра.

2 Б. Л. Яворский (1877—1942) — пианист, музыкант, теоретик, педагог, профессор Киевской и Московской консерваторий.

К неповторимым особенностям исполнительского искусства М.В. Юдиной относится редкая образность ее интерпретаций. Художественный образ создавался прежде всего своеобразной выразительностью интонирования, глубоко индивидуальным, буквально чародейством красок звучания. Какое-то удивительное богатство тембров для различных звуковых пластов позволяло Юдиной достигать невозможного: в звучании полифонии Баха, Хиндемита или Шостаковича каждый голос имел свой тембр, хотя это кажется практически невыполнимой исполнительской задачей. Ее неповторимая звуковая палитра, совершенно изумительное звучание пиано и пианиссимо — одно это рождало представление о необычайных, далеко еще не раскрытых возможностях и тайнах пианизма.

Манера высказывания Юдиной на фортепиано всегда воспринималась как человеческая речь, речь страстная, патетическая, величавая, сдержанная, но никогда не сентиментальная. Исполнительское искусство этого большого художника более всего характерно, на наш взгляд, присутствием в нем слова. Все творчество Юдиной — непрерывное высказывание человеческого духа, исполненного высокой мыслью и глубокого чувства.

Творческая воля Марии Вениаминовны настолько мощна, настолько импульсивна, что в ее интерпретациях нет и намек на некий «объективизм» (да и возможен ли он вообще в музыке?!). Могучая личность Юдиной всегда властвует над музыкальным развитием, властвует открыто, ярко, подчеркнуто.

Своеобразие интерпретации романтической музыки пианисткой заключалось в том, что в богатом комплексе исполнительских средств пианистки почти не было тех откровенных признаков, которые, собственно, для многих являются необходимыми для так называемого романтического пианизма вообще. В ее игре не встретишь ярко выраженного превосходства педально-колористического начала, мало мягкости и певучести. Ее интерпретациям не были свойственны какая-либо зыбкость, неопределенность, салонное изящество, сентиментальные закругления и смягчения. Отход от привычных традиций романтической школы в исполнительской манере Юдиной очевиден, и все же очень многое и существенное в ее искусстве находится в сфере романтизма.

Прежде всего речь идет о динамике как важнейшем средстве выразительности. Неожиданные сопоставления акцентов разной силы, стремительные увеличения или затухания звучности — те необходимые средства выражения, с помощью которых Мария Вениаминовна добивается выпуклости декламационного рисунка своих интерпретаций, не говоря уже об общей приподнятости динамического уровня исполняемых сочинений.

В прочтении Юдиной сочинений различных композиторов очень часто можно найти значительные изменения авторской формообразующей динамики. Чаще всего это связано со спецификой исполнительской манеры пианистки — цельностью, фресковой масштабностью. Нередко динамические коррективы вызваны сопоставлениями различных темпов произведения. Изредка встречаются и понижения уровня динамики, связанные со стремлением к углублению образной контрастности. Весьма часто пианистка прибегает к замене какой-либо динамической ремарки автора на диаметрально противоположную: *crescendo* заменяется на *diminuendo*; или же для подчеркивания напряженности — на *dim.* и *rit.* — в результате музыка приобретает большую выразительность, звучит затаеннее и сильнее.

В интерпретациях Юдиной огромное, часто определяющее, значение приобретал темп исполняемого произведения. Известно, что пианистка очень любила пользоваться крайними темпами, т. е. медленную музыку она играла очень медленно, медленнее обычного; быструю — крайне быстро. Невзирая на это, исполнение Юдиной по-своему всегда в высшей степени убедительно. Гармоническое сочетание содержательности и волевой эмоциональности с ясными конструктивными достоинствами исполнения Юдиной делали убедительным предложенный пианисткой темп сочинения, любое движение музыки.

Ораторская манера высказывания, выразительное декларирование теснейшим образом связаны у Юдиной с пластикой и гибкостью ритма, с импровизационностью исполнения. Ритм всегда служил для пианистки важнейшим средством создания выпукло-рельефных образных характеристик.

В исполнительском искусстве Юдиной исходной точкой являлось внутреннее горение, полное слияние с исполняемым сочинением, поразительная убежденность своих толкований. Игра пианистки была всегда непредсказуемой, музыка рождалась всякий раз сиюминутно, заново. Автору этих строк посчастливилось неоднократно слышать М. В. Юдину в сольных и камерных выступлениях, в ее просветительских лекциях-концертах, и удивительное искусство Юдиной, искусство музыканта, открывающего неизвестное в уже знакомой музыке, всякий раз ошеломляло и покоряло.

В почти безграничном репертуаре Юдиной — от Баха до новейшей музыки — сочинения Брамса занимали почетное место. Пианисткой неоднократно исполнялись его три фортепианные Сонаты (ор. 1, 2, 5), Вариации и fuga на тему Генделя (ор. 24), десять Интермеццо (ор. 116—119), Каприччио (ор. 76) и др.

Музыка Брамса привлекала М.В. Юдину на протяже-

нии всей ее жизни. В своем исполнительском творчестве она вновь и вновь возвращалась к его сочинениям. Мария Вениаминовна всегда восхищалась Брамсом и любила его, видя в нем не только гениального романтика, но и верного хранителя и продолжателя традиций самого дорогого и близкого ей композитора — великого Иоганна Себастиана Баха. Личность Брамса — композитора и человека — стала особенно близка Юдиной на закате ее жизненного пути. Мария Вениаминовна думала написать монографию о Брамсе, но, к сожалению, этот замысел не успел осуществиться.

Перед нами пластинка с записью в исполнении М.В. Юдиной Шести Интермеццо Брамса, ор. 116—119 (D023884) и ее работа, озаглавленная «Шесть интермеццо Иоганнеса Брамса». Эта статья представляет огромный интерес не только по существу вопроса, но и с литературной точки зрения. Мария Вениаминовна обладала, безусловно, еще и громадным литературным талантом. Известный музыковед В.Д. Конен, близко знавшая Юдину, впоследствии писала о том, что эпистолярное наследие (равно как и устные выступления Марии Вениаминовны) являли собой «редкий синтез слова о музыке, поэзии и философии. Это было словотворчество, созданное подлинным поэтом; в его основе чувствовалась интуиция большого художника и знания, которые могли принадлежать только выдающемуся музыканту, интимно знакомому с каждой «нервной клеткой» рассматриваемого произведения. Таким мне вспоминается ее «слово» об интермеццо Брамса. Сама «музыка слова» вызывала в памяти звучание этих пьес. Одновременно в нем оживал их художественный строй через ассоциации и прямые связи с философией, поэзией и жизнью. Я не боюсь сопоставить его по силе впечатления с пастернаковскими строками о музыке» [1, 77].

Читая статью Юдиной «Шесть интермеццо Иоганнеса Брамса» и слушая ее записи этих пьес, мы сделаем попытку рассмотреть некоторые вопросы интерпретации выдающейся пианистки интермеццо позднего творчества композитора.

Интермеццо ля минор, соч. 116 № 2

Музыка носит отчетливо выраженный импровизационный характер. Пьеса написана в простой трёхчастной форме. Обратимся к статье М.В. Юдиной, она пишет: «Перед нами сербская песня, грустная, смиренная, покорная. Одна из бесчисленных «Песен девушки», покинутой, обманутой или выданной за нелюбимого...» [1, 285]. Печаль, тоска, безысходность... Но мы слышим, как сильный, мужественный дух пианистки вступает в противоречие с ею же изложенной программностью данной пьесы. Юдина пишет «смиренная, покорная», но «непокорность» у нее уже заложена в чеканном звуке, декламационности интонаций мелодического голоса,

«говорящих» басах, приподнятом общем динамическом тоне. Мария Вениаминовна укрупняет фразы единым нюансом, у нее практически отсутствуют многочисленные указания мелкой динамики (<...>, *cres.*, *dim.*). Целые эпизоды Юдина играет крупным звуком на *mf*, опуская ремарки *P—pp* (как в тексте). С декламационными интонациями мелодии тесно связана гибкая агогика, основанная на глубоко спрятанной, но сильной воле. Музыка звучит печально, но не сломленно, гордо и мужественно.

Нам кажется, что слова о «смирности и покорности» больше подошли бы к характеру интерпретации этого интермеццо Э.Г. Гилельсом [1]. В его исполнении, на наш взгляд, присутствует та самая «покорность», даже, скорее, печальная безысходность. У Гилельса тише, приглушённое звучит рояль; он играет более длинным, спокойным звуком, почти сглажены реплики баса. Агогика значительно менее прихотлива, музыка звучит в более мерном движении, а от этого и рождается чувство неотвратимости, глубокой печали.

О среднем эпизоде интермеццо Юдина пишет: «Мы имеем здесь «интермеццо в интермеццо»: в центре пьесы ритмическое поле сжимается, вместо 3/4 появляются 3/8, и в безутешном кружении шестнадцатых, в зигзагах и изломах высоко помещённых интонаций, наподобие умоляющих рук обиженной или жемчужного ожерелья слез, до удушья сжимающих сердце, мы как бы слышим «почему, почему, почему?! Стенания о непостижимости, незаслуженности своей скорбной участи...» [1, 284].

Интерпретация Юдиной середины интермеццо совпадает с ее «словом» о ней. Мы слышим, как пианистка играет шестнадцатые в быстром темпе, все на *non legato*. В звучании рояля полностью исчезает чувственная выразительность, в музыке появляется напряженность, даже какое-то исступленное отчаяние. Но в исполнении Юдиной и в этом отчаянии слышится протест сильной природы (вспомним, для сравнения, как медленнее, печальнее, отрешённое, на сплошном *legato* звучит середина у Гилельса).

Вернемся к тому, что пишет Мария Вениаминовна: «затем (после середины. — Т.Г.) 9 тактов — призрачное утешение в *A-dur*, фата-моргана надежды; она не сбывается, 6-тактовый аккордовый ход в щемящем хроматизме — и снова изначальная безутешная доля. Композиция закругляется, возвращается в неизбежной обиде...» [1].

Исполнение Юдиной Ля мажорного эпизода подтверждает «призрачность утешения, невозможность надежды: вопреки динамической ремарке Брамса — *mf*, музыка звучит очень тихо, возвышенно-просветленно. (В исполнении Гилельса Ля мажор предстает сдержанно-гимнического характера, мужественно, с надеждой. Тем

контрастнее у пианиста возвращение минора в репризе). У Юдиной общий драматизм пьесы не нарушается ничем, мажор-«призрак» не оставляет никакой надежды.

Интермеццо Ми бемоль мажор, ор. 117

«Колыбельными своих страданий» назвал Брамс три пьесы, входящие в этот цикл. Первым в 1882 г. появилось интермеццо Es-dur.

Музыка этой прекраснейшей миниатюры Брамса полна покоя и тишины. Своими интонациями и ритмическим рисунком она напоминает колыбельную песню, а середина — хоральную прелюдию. «Плывет в полноте бытия мелодия в разных голосах, в имитациях, в прозрачных аккордах, убаюканная колыбельными шестью восьмыми» [1, 285], — пишет М. В. Юдина.

Если обратиться к исполнению Марией Вениаминовной Ми бемоль мажорного интермеццо, то здесь, как нам кажется, «слово» пианистки об этой музыке несколько расходится с характером ее интерпретации. Прежде всего это связано с декламационной манерой, присущей Марии Вениаминовне вообще и проявляющейся, в частности, в этом интермеццо в интонировании мелодического голоса. Юдина использует речевые приемы выразительности путем отдельного произнесения звуков мелодии. Обращает на себя внимание небольшая как бы «запинка» начальных интонаций (приходящихся на сильные доли). Такой исполнительский прием лишает течение мелодии мерности и плавности, сообщает ей речевую интонацию. Эти с усилием «одолеваемые» изгибы ритмо-интонации покрывают обрамляющие части (первую и третью) интермеццо тончайшей сетью агогических нюансов. (Вспомним исполнение этой музыки Д. Башкировым [1, 88]. Светла и прозрачна фактура, мелодия звучит со значительно более сглаженными элементами декламационности, стройно. Башкиров успешно использует богатейшие темброво-регистровые возможности фортепиано. Музыка интермеццо звучит завораживающе красиво, объемно, с глубокой pedalю, тонко и сердечно).

В средней части пьесы М.В. Юдина меняет динамику — и появляется другой смысл образа середины. Так, в тексте указано почти все время *pianissimo* и *dolce*, а пианистка играет эту музыку крупно, мужественно, в приподнято-декламационной манере. Таким образом, нежная безутешность ми бемоль минора, «образа слез» превращается в сдержанную скорбь гордого, не сломленного человека. Надо отметить и своеобразную трактовку Юдиной репризы интермеццо. Вся она должна звучать (по воле авторских ремарок *p* и *dolce*) тихо, нежно, утешающе. Но Мария Вениаминовна иначе чувствует этот образ. «Вся музыка поднимается в верх клавиатуры, парит в высоких регистрах, украшается орнаментом

шестнадцатых, словно ликованием певчих птиц, празднично звенят аккорды, все преобразовано и умиротворено. Перед нами идиллия, гимн, славословие» [1]. Так это и звучит в исполнении Юдиной, лучше и не скажешь, чем она сама.

Интермеццо си бемоль минор, соч. 117 №2

Эта пьеса принадлежит к числу сочинений, в которых ясно представлен один из распространенных типов брамсовского тематизма. Тема си бемоль минорного интермеццо основана преимущественно на интонациях постепенного хода (излюбленный символ Брамса, идущий от Баха, — символ высшей простоты выражения). Тема растворяется в прелюдийных фигурациях — фактуре, очень близкой Баху и типичной и для Брамса. Мелодический голос часто не выписывается отдельными штилями от сопровождения (баховский прием скрытой полифонии). В реальном звучании музыки тема как бы высоко «парит» над арпеджированными фигурациями тридцатьвторых.

В своей статье М.В. Юдина, сближая характеристики си бемоль минорного интермеццо с ми минорным (соч. 119), пишет: «И в том и другом интермеццо как бы исчезает земное тяготение. Интермеццо в b-moll находит свою тонику лишь в предпоследнем такте сочинения, в такте 84-м, скитаясь в загадочно-сумрачных, то горьких и горестных, то мгновенно-неожиданных, призрачно-светлых интонациях. Сквозь все сочинение слышится тревога» [1, 288].

Это интермеццо Юдина исполняет чрезвычайно свободно. В партии правой руки ярко звучит речитативная мелодия с очень выпуклыми интонациями. Время, «украденное» расставленной речевой декламацией мелодического голоса, возвращается ускоренным движением в арпеджированных фигурациях тридцатьвторых в партии левой руки. Таким исполнительским приемом Юдина достигает большой ритмической прихотливости, подчеркивающей глубокую внутреннюю энергию музыки.

В среднем разделе интермеццо Юдина продолжает линию, начатую в начале: звучание музыки мужественное, крупное, без мелких < и >, *piano*, обозначенное в тексте, приближается к *mf*.

Сравним с записью си бемоль минорного интермеццо Вальтера Гизекина [1]. Этот выдающийся пианист ближе к авторским указаниям, в результате звучит совсем иная музыка, предстает иной художественный образ. Гизекин играет интермеццо медленнее и спокойнее, ровнее и непрерывнее следуют друг за другом тридцатьвторые. Менее дифференцированно (в динамическом и ритмическом плане) звучат партии обеих рук. Сдержаннее и тише представлена середина пьесы.

Всё интермеццо предстает печальным, просветленным, очень спокойным.

Интермеццо Ля мажор, соч. 118 №2

Характеризуя ликующую музыку гимнического окончания Ми бемоль мажорного интермеццо (соч. 117), Мария Вениаминовна пишет о Ля мажорном: «В еще большем равновесии, счастья, уже претворённом в блаженство, звучит интермеццо соч. 118, A dur № 2 (1892). Здесь мы уже не на пути, не на пороге мировой гармонии, а как бы в ней самой. <...> Но и здесь мы имеем некий «синтезис», и здесь трехчастная форма, и здесь «интермеццо в интермеццо» — эпизод в *fis moll*. В нем же пред нами — идея Памяти. Вечной памяти.

<...> И здесь мы вспомним с вами, слушая это интермеццо, именно этот эпизод *fis moll* — Просветленное былое. И здесь изумительное конструктивное мастерство Брамса помогает нам постигнуть смысл сокровенных чертогов единства ума и сердца» [1, 285-286].

В исполнении Ля мажорного интермеццо Мария Вениаминовна придерживается авторских указаний динамики и агогики в большей степени, чем в записи предыдущих интермеццо. И все-таки «узнать» творческий самобытный почерк пианистки можно сразу. Вспоминая ее слова о «большем равновесии, счастье, уже претворенном в блаженство», можно было бы ожидать более спокойного темпа, большей нежности и покоя. Но Юдина остается верна себе: счастье и блаженство у нее — чувства деятельной, волевой природы. На наш взгляд, это ощущение рождается из-за подвижного темпа *andante*, очень свободной и своевольной агогики, подчиненной речитативно-декламационной манере пианистки, из-за укрупненности фраз (без мелких динамических подробностей).

Как и во всех остальных интермеццо, очень интересно звучит в исполнении Юдиной полифоническая фактура. Но в Ля мажорном мы не слышим никакого отдельно звучащего верхнего голоса (хотя музыка, в принципе, гомофонна), он ясно слышен, но главный мелодический голос — «в партитуре», в общей системе звучания: слышен и бас, слышны все линии. В этом интермеццо Юдина делает носителем экспрессии каждый элемент фактуры.

Если мы сравним интерпретацию интермеццо A dur другого гениального мастера — Г.Г. Нейгауза, то услышим, что контраст, бесспорно, велик [1]. Нейгауз, как обычно, следуя своему излюбленному афоризму — «подчиняться — овладевать», очень близок авторскому тексту во всех подробностях. Своеобразие его исполнения заключается прежде всего в красиво льющемся звуке, более дифференцированном звучании мелодического голоса и сопровождения, отчего музыка приобретает

восторженно-экстатический характер. Вся пьеса звучит очень гибко, романтично.

Интермеццо ми бемоль минор, соч. 118 № 6

Форма сочинения простая трехчастная; принцип развития — вариации на *soprano ostinato*. Основное интонационное ядро — тема «*Dies irae*», напев, «кружением» опевающий звук тонической терции. Первоначально основная тема звучит одногласно. В дальнейшем трагическая экспрессия нагнетается широкими волнами фигурации, терцовыми удвоениями (выразительный и один из излюбленных приемов Брамса), хроматическим контрапунктом. Но неизменность звучания основной мысли-напева придает музыке трагическую скованность.

Середина со звучанием героической фанфары противостоит безысходному трагизму первой части и вызывает огромную динамизацию основной темы в репризе. Напряженность звучания кульминации подчеркивает нонаккорд двойной доминанты. Тема, опираясь на него, появляется в высшей кульминационной точке и звучит с подлинным трагизмом.

Короткая лирическая кульминация очень быстро сменяется прежним состоянием, еще более мрачным и трагичным.

Предельно выразительно высказывание М.В. Юдиной об этой музыке: «Во множестве ритмических модификаций, в перестановках центров тяжести, в перемещениях интонаций, в нагромождении чужеродных гармоний мы слышим подобие отчаяния души и человеческой судьбы об участи своей утрачиваемой жизни. Неправильное, несправедное былое терзает память и сердце. Но этими огромными дугами аккордов через всю клавиатуру, в немислимом диапазоне стремительных модуляций — истерзанная личность, вернее, ее обломки, даже опилки, подбираются примиряющими гигантскими крылами архангелов. В миноре, в тоске минора, в *pianissimo* под самый конец «вселенской драмы» собираются осколки едва ли не запоздавшего раскаяния в необозримую сокровищницу Всепрощения» [1, 288].

В записи ми бемоль минорного интермеццо Юдиной обращает внимание «антиромантическое» прочтение. Музыка звучит аскетично, с большой сдержанностью. Пианистка пользуется педалью очень экономно (чтобы не сказать — скупо), вся фактура сопровождения в партии левой руки слышна очень отчетливо, без романтических педальных «наплывов». Сглажены, не «катастрофичны», на наш взгляд, градации звучности между крайними нюансами — *pp* и *ff*, динамически очень сдержанно звучит лирическая кульминация в репризе. Музыка интермеццо в интерпретации М.В. Юдиной полна мужества,

сдержанности, высокой скорби гордой личности.

Исполнение той же пьесы А. Рубинштейном настоящему романтично [1]. Интереснейшими звуковыми находками он подчеркивает полярность состояний. Тема у Рубинштейна звучит бесстрастно, ровно, без педали — так подчеркивает пианист страшную символику мотива «Dies irae». Партия сопровождения противопоставляется скованной, бескрасочной теме: она звучит, как тихий, но объемный «вздых», как мягкая, живая, гулкая волна, окруженная «обертонным ореолом». На таком звуковом контрасте построена вся первая часть интермеццо. Рубинштейн подчеркивает огромный динамический диапазон в репризе. Рояль у пианиста звучит красиво, очень романтично.

Интермеццо ми минор соч. 119 № 2

В статье М.В. Юдиной мы читаем: «в интермеццо... тревога даже превращается в дрожь в рисунке и конструкции повторяемых хрупких аккордов 16-х. Однако и в этом интермеццо мы слышим проблеск надежды в эпизоде E-dur. Он звучит для нас даже типологически отголоском характера немецкой романтической музыки, ее светлой тоски о бесконечном... И всё-таки даже этот эпизод сравнительно менее значим, ибо вся-то музыка в основном скользит, бьется, трепещет в шепоте, шорохе, в шелесте ночи, в потемках, в неведомом... [1, 289].

Юдина исполняет ми минорное интермеццо в весьма подвижном темпе, очень взволнованно, со свободной агогикой. Музыка обрамляющих частей подобна страстной речи с коротким, прерывистым дыханием, приподнято-декламационного характера.

Середина в Ми мажоре звучит медленнее, светло и спокойно, объемны тембры всех регистров фортепиано. Воспринимается этот эпизод как свободное высказывание, воспоминание о счастливых мгновениях прошлого... В исполнении Юдиной, заключение интермеццо, звучащее философски-умудренно и светло, примиряет с горестным настоящим.

Итак, мы кратко рассмотрели некоторые аспекты интерпретации М.В. Юдиной Шести интермеццо И. Брамса. История интерпретаций любых музыкальных сочинений — это ряд непрекращающихся новых истолкований, новых исполнительских открытий. По существу, вся история исполнительства — это путь к возможности раскрытия индивидуального, личностного начала, а с его помощью — подлинного авторского замысла. Личность исполнителя как средоточие индивидуального, «собственного» является достоянием, сутью самого исполнительского творчества. И чем крупнее личность музыканта-интерпретатора, тем глубже и значительнее мир музыкальных образов сочинения.

Гениальная творческая индивидуальность М.В. Юдиной создала свой, совершенно неповторимый мир музыки великого композитора, помогла услышать «необычного» Брамса. Не всегда соглашаясь с автором, Юдина играет с такой захватывающей силой убежденности, что заставляет верить своему прочтению, покоряет властью огромного таланта. Закончим эту работу словами известного музыковеда А.С. Рабиновича: «Мария Вениаминовна Юдина из числа тех исполнителей, которые по плечу самому композитору!» [1, 65].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мария Вениаминовна Юдина. Статьи, воспоминания, материалы. Всесоюзное издательство «Советский композитор» Москва. 1978.
2. Воспоминания о Болеславе Леопольдовиче Яворском. «Б. Яворский Статьи. Воспоминания. Переписка.» Москва., 1972.
3. Е.М. Царёва. Иоганес Брамс. Музыка. 1986

© Гапоненко Татьяна Николаевна (tatiana.gapo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА ГЛОБАЛИЗОВАННОГО МИРА И ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Кириллова Наталья Борисовна

*Д.культурологии, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
urfo@bk.ru*

DIGITAL CULTURE OF THE GLOBALIZED WORLD AND THE CREATIVE DEVELOPMENT OF THE INDIVIDUAL

N. Kirillova

Summary: The object of analysis in the article is the specificity of digital culture as a concept of the globalized world and its influence on the creative formation of personality. A factor in the era of globalization is the impact of digital technologies on the development of culture, politics, economics and education, due to which new socio-cultural practices and creative environments for the creative development of a person appear. The author proves that the study of the processes of creativity and creative activity of a person is based on an interdisciplinary approach that integrates the methodology of various humanities: cultural studies, philosophy, art history, and pedagogy.

Keywords: globalized world, digital culture, creative process, sociocultural practices, Internet technologies, blogosphere, creative person.

Аннотация: Объектом анализа в статье является специфика цифровой культуры как концепта глобализованного мира и ее влияние на творческое формирование личности. Фактором эпохи глобализации стало и воздействие цифровых технологий на развитие культуры, политики, экономики и образования, благодаря чему появляются новые социокультурные практики и креативные среды для творческого развития человека. Автор доказывает, что исследование процессов творчества и творческой активности личности базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методологию разных гуманитарных наук: культурологии, философии, искусствоведения, педагогики.

Ключевые слова: глобализованный мир, цифровая культура, творческий процесс, социокультурные практики, интернет-технологии, блогосфера, творческая личность.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что глобализация стала качественно новым этапом общественного развития, основанным на универсализации и унификации практик жизнедеятельности человека. Глобальные процессы оказывают влияние на развитие культуры, науки, политики, экономики и образования. Развитие информационных технологий привело к созданию инфотехносреды, которая потребовала от человека освоения новых социокультурных практик.

Проблемы глобализации – в объекте исследований Г.М. Маклюэна, Д. Белла, М. Кастельса, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, У. Элвуда и др. Существуют разные подходы к пониманию данного явления. Так, Г.М. Маклюэн еще в начале 1960-х годов отметил, что новые технологии привели к «информационному взрыву» [16, с. 5], благодаря чему мир превратился в «глобальную деревню» [там же, с. 7]. Д. Белл в 1973 г. писал о том, что в грядущую постиндустриальную эпоху решающим средством управления выступают интеллектуальные технологии. Значительную роль при этом будет играть обработка информации, то есть превращение интеллектуальных технологий в ключевой инструмент системного анализа [5]. Э. Тоффлер, автор исследований о происходящих в мире трансформациях и перспективах постиндустриальной эпохи, продолжая и развивая идею Д. Белла о технических моди-

фикациях в будущем, делает свой вывод: «...Умственные способности и творчество не являются человеческой монополией» [22, с. 232]. Информационная эпоха, по его мнению, нуждается в творческих стратегиях, творческих людях, творческой среде и новых технологических помощниках [21; 21]. Мир, как итог информационной революции, по Тоффлеру, не идиличен, полон коллизий и противоречий, но главная его особенность в том, что сменились приоритеты власти. На первый план выходит власть знания, информации, власть интеллекта [21, с. 574]. Один из главных теоретиков интернет-культуры М. Кастельс утверждает, что Интернет, как и компьютерные сети, став «становым хребтом всех современных обществ по всему миру», будучи не только средством «глобальной коммуникации» [13, с. 5], становится «метафорой свободы и творчества как образа жизни» [там же, с. 7].

Глобализация культурных процессов проанализирована и в работах отечественных ученых: О.Н. Астафьевой, Э.В. Барковой, Т.Г. Богатыревой, К.Х. Делокарова, В.К. Егорова и др. Так, О.Н. Астафьева рассматривает глобализацию как «все более усложняющийся процесс трансграничных взаимодействий разных уровней, включающий интенсификацию контактов между культурами и социальными формациями в области экономики, политики, культуры» [8, с. 432]. В связи с этим, по ее мнению, в эпоху глобализации наблюдается усиление роли

образования и культуры как ответственных за развитие креативной природы человека [там же]. То есть глобализационные процессы актуализируют проблематику творчества, субъектом которого всегда выступает личность, обладающая стремлением к самоактуализации и самосовершенствованию.

Таким образом успешность современного человека во многом зависит от наличия у него совокупности тех способностей, в числе которых креативность является одной из важнейших. Креативность стала активно изучаться во второй половине XX века и находится в центре внимания как зарубежных, так и отечественных исследователей из разных областей знания.

Для П.А. Уайтхеда «креативность» – созидательная энергия и творческая новизна [23, с. 28]; Р. Флорида считает, что креативность – это способность, благодаря которой личность может иметь конкурентные преимущества как ответ на вызовы современного мира [25, с. 20]. Интересна и точка зрения И. Пригожина, который утверждает, что креативность – «ядро современного нестабильного мира», когда многовариантный универсум ожидает от человека креативного участия в процессе конструирования времени [17, с. 46-52]. Е.П. Ильин считает, что «креативность» обозначает отказ от «стереотипных способов мышления» [12, с. 156]. Для А.И. Столетова креативность является показателем качества личности, то есть «особым состоянием субъекта, предваряющим творческий процесс, возможность отрыва от существующего в попытке создания нового [19, с. 52]. Креативность как концепт «есть способность человека к моделированию нового, к инновациям, фокусации на проблеме с целью ее разрешения на основе интегрального подхода с включением имеющегося знания и выходом за его пределы» [20, с. 118].

Глобализационные процессы актуализируют исследование творчества, креативности, необходимых при решении задач в условиях изменчивости и неопределенности. На рубеже XX-XXI веков творчество исследуется во взаимосвязи с изучением искусственного интеллекта и динамичным развитием медийных технологий. В результате поставлена под сомнение монополия человека на творчество, так как интеллектуальные системы, созданные на основе искусственного интеллекта, демонстрируют способность решать в том числе и творческие задачи.

В современную эпоху исследование проблем творчества имеет не только теоретическое значение, но и оказывается знаковым для интеллектуального роста, поэтому гражданское общество должно заботиться о том, чтобы культура, в том числе и «виртуальная», способствовала формированию «творческого человека» [32, с. 143-144].

Исходя из сказанного, целью данной работы является исследование механизмов воздействия цифровой культуры на формирование творческой активности личности.

Результаты исследования

Культура, ее трансформация в условиях глобализации и цифровизации, находится в исследовательском поле ученых из разных областей знания. При этом цифровизация, стремительная смена медиатехнологий, стирание временных и пространственных границ, становление нового типа коммуникаций посредством сетевого сообщества стали глобальной исследовательской проблемой, концентрируя внимание на новых концептах и парадигмах. К примеру, Г. Дженкинс применительно к комьюнити, общению в виртуальной среде, ввел термин «культура участия», сущность которого состоит в совокупности четырех компонентов – экспрессии (новых способах выражения эмоций), коллаборации (работе в команде), трансляции (информационного потока), аффилиации (общению в сообществе) [31, с. 3]. Для большинства современных исследований сущность культуры заключена в понятии «цифровая культура», введенном в научный оборот Ч. Гиром [29]. Ряд исследователей, например М. Шварц [34], К. Вельтманн [6], оперируют понятиями «электронная культура», но самым распространенным является термин «виртуальная культура».

В отечественной гуманитарной науке исследованием цифровой культуры и ее воздействия на личность занимаются многие ученые: О.Н. Астафьева, Т.Г. Богатырева, Е.Е. Елькина, Н.Б. Кириллова, Е.В. Никонорова, К.Э. Разлогов, Д.О. Усанова, А.В. Федоров, О.В. Шлыкова, Е.Т. Ярославцева и др.

И можно согласиться с теми исследователями, кто считает, что «цифровая культура влияет на смыслы бытия, вносит значительные трансформации в жизнь человека» [3, с. 46]. Ее специфические особенности связаны с изменением восприятия пространства и времени, новыми формами и способами коммуникаций и стилей поведения, установок повседневного бытия, процессов идентификации личности [там же, с. 47-48].

Распространенный подход к пониманию цифровой культуры состоит в обосновании медиатехнологий как системообразующего элемента новых форм социальных институтов: «электронное государство», «медиафера», «online образование», «виртуальный музей» и др.

Цифровая культура, являясь частью «человеческого и технологического капитала», обладает способностью наполнять «...сетевые мультимедийные пространства смыслами и ценностями» [3, с. 52]. Это то главное, что в условиях глобальной цифровизации позволит уберечь

общество от ценностно-смыслового хаоса, утраты человеческого на новом этапе социокультурного развития. Акцент, как считают исследователи, должен быть смещен в сторону понимания цифровизации как ресурса формирования «культурного человека», а не «человека цифрового», что созвучно культурной парадигме развития гражданского общества.

Благодаря междисциплинарности, пересечению достижений в области цифровых технологий и различных наук с новыми социокультурными практиками, определяются актуальные подходы, векторы в исследованиях субъекта творчества.

В связи с тем, что электронные медиа играют значимую роль в развитии и креативном формировании человека цифровой эпохи, можно отметить созидательную функцию медиакультуры, выделяя ряд ее важных аспектов:

- «субъект-объектный» характер взаимосвязи в системе «человек-медиа-реальность-социум» посредством понятий «влияние», «воздействие»;
- медиасреда является ресурсом направленной социализации и одновременно свободного самоопределения;
- многообразии медиасред, среди которых особо выделяются обучающая сфера, досуговая и игровая среда, в которых значимым является социокультурный аспект деятельности [15, с. 9-10].

Медиасфера как сотворенная реальность и одновременно реальность с большим созидательным потенциалом, актуализует проблему координации усилий таких социальных институтов как школа и семья в формировании человека с развитым критическим мышлением, креативного, способного минимизировать риски свободных виртуальных коммуникаций, умеющего использовать медиасреду как виртуальную платформу приложения своих творческих сил [там же].

Существенная особенность эпохи глобализации состоит в трансформации традиционной логики формирования идентичности, когда человек, вписываясь в изменяющийся мир, перестраивает себя внутренне, чтобы быть способным к коррекции жизненной стратегии, гибкому реагированию.

В цифровой среде процесс познания личностно ориентирован, оказывая воздействие на поведение человека, формирование его «Я», то есть является мотивационным пространством, средой больших возможностей и самореализации. Создаваемые сообщества в виртуальной среде, как новое явление, рассматриваются как результат творчества людей, владеющих совокупностью компетенций моделирования, проектирования, ИКТ-компетенций. Цифра как ключевая, универсальная

позиция, в условиях глобализации ставится в один ряд с другими «культурными полями», такими как алфавит, счет, печать, Интернет и др. В этом отношении цифровой эквивалент, как и другие, является собой способ, который позволяет фиксировать мир культуры [1, с. 37]. Вместе с тем, в контексте творчества следует говорить о персонализации виртуальных сетей коммуникации, отвечающих настроениям, идеям, что делает реальным конструирование индивидуальной линии творческого бытия человека.

Блогосферу также можно рассматривать как творческое пространство. В 1990-е годы появились первые блоги – online дневники. Сегодня это масштабное явление с широким функциональным полем и возможностями для творчества – самопрезентация, социальные связи, саморазвитие, рефлексия, продвижение идей, творческого продукта, масштабность аудитории. Успех творческого бытия в виртуальной среде зависит во многом от креативных способностей личности, ее коммуникабельности, умения работать в условиях изменчивости и неопределенности. Большая роль отводится этике блогера.

Г. Рейнгольд, исследуя «smart mob» (умную толпу), определяет ее как форму социальной организации на основе информационных технологий. «Умная толпа» или «мобильная ситуативная общественная сеть», понимаемая как новая, появившаяся благодаря gadget и SMS, форма социальной организации связала воедино «вычислительную технику – связь – систему репутаций – пространственный фактор». Ситуативность рассматривается исследователем как организация людей с применением мобильной связи, а образовавшаяся по этому принципу социальная сеть или «умная толпа» как общественное орудие [18].

Цифровая культура обогатила бытие новыми понятиями: «Digital Humanities» как область гуманитарного знания с использованием ИТ (например, «цифровая гуманитаристика», «компьютерная лингвистика», «медиаэстетика» и др.); «Art & Science» как «интерактивное смысловое пространство» с сетевыми коммуникациями в научной и образовательной средах; «Digital Art» – цифровое искусство, отличающееся от традиционного наличием кода, сетевым пространством, интерактивностью [10, с. 28]. Цифровая культура с новыми практиками и средами требует владения человеком динамично развивающимся новым инструментарием, тем самым включения в процесс непрерывного образования.

С одной стороны, цифровая культура как система знаков и символов наделяет творчество новыми смыслами, создает новое пространство творческой деятельности. Вместе с тем, цифровая среда, представляя собой глобальное информационное пространство и имея широкую аудиторию пользователей, является безграничным

презентационным полем (виртуальные музеи и галереи, мультимедийные реконструкции истории, электронные библиотеки и др.) для творца: художника, писателя, ученого.

Безграничные возможности для творчества представляет собой Интернет как новая, сотворенная человеком субстанция, где технологические решения органично вплетены в ткань цифровой культуры, благодаря чему появляются новые культурные практики и среды для развития творческого потенциала человека.

Особенности Интернета, технологий виртуальной реальности, их роль в жизнедеятельности людей предвидел и описал в своих работах еще в 1960-е гг. Г.М. Маклюэн. «Главная особенность электрической эпохи, – констатировал исследователь, – состоит в том, что она создает глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему...», что дает возможность нам реагировать на мир как единое целое» [16, с. 400]. Введя термин «кибернетизация», Маклюэн предположил, что сервомеханизм и компьютер станут не только ускорителями информации, но и «хранилищем» или «памятью» [там же, с. 404]. Дж. Ланье ввел термин «виртуальная реальность» [33], заявив об этом в интервью журналу «Scientific American» в 1984 году; а Ф. Хэммит доказал, что за виртуальной реальностью будущее науки и всего человечества [30].

Д.О. Усанова, характеризует виртуальную реальность как реальность субъективно-переживаемую, несуществующую, непознанную, идеальную, имитационную, как медийную среду культуры, опосредованную техническими средствами. Виртуальная реальность претендует на иную методологию ее исследования. «Транзитная методология» нацелена на исследование новой культурной ситуации, основанной на компьютерных технологических решениях. Методология основана на трех принципах – «доминирующей процессуальности», «субъективно-креативного конструирования реальности» и «перформативного взаимодействия» [24].

Таким образом, без концептов «виртуальная реальность», «киберпространство», «виртуальная культура», «online образование» сегодня трудно представить социокультурную сферу – будь то теоретические исследования или практика реального бытования [14].

Однако именно М. Кастельс, как идеолог интернет-культуры, выявил социокультурные факторы, доминирующие ценности, обусловившие ее феномен как «технологии свободы и творчества»: открытость коммуникации, демократизм, коллективный субъект творчества, инновационность, поддержку талантов и др. Даже этику «хакерской» культуры Кастельс определил как «свободу творить, свободу использовать любые до-

ступные знания и свободу распространять их в любом виде и по любому выбранному каналу. Главное состоит в открытом обмене идеями как условия успеха и креативных online-коммуникаций» [13, с. 57-58]. Для Кастельса «хакер» – понятие позитивное, это не «крэкер» (взломщик), а «творец». Культура «хакеров» начинается с «...индивидуального импульса к творчеству», ее отличие – «внутреннее наслаждение от процесса творчества», что аналогично искусству. Еще один фактор – дух сообщества, организованного на авторитете создателя проекта и по принципу «неофициальной общественной организации», с господством самоуправления, свободы и равенства всех» [там же].

Благодаря Интернету возникает и «культура глобального диалога». По мнению О.Н. Астафьевой, современная культурная политика способна осуществляться в Интернет-пространстве, где творится иная стратегия двухуровневого диалога – глобального и локального – посредством сетевых Интернет-коммуникаций [9, с. 7]. Контент многих сайтов неупорядочен и слабо структурирован, но при этом служит фоном, на котором возникают новые ценности и смыслы как элементы культуры.

В современной России значимость цифровизации как общемирового тренда, ее место определены такими документами, как Закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, программа «Цифровая экономика Российской Федерации», где обозначены преимущества эпохи Интернет, ожидаемые перспективы.

Вопросам выявления места и роли Интернета в обществе был посвящен ряд исследований, например, «Цифровая Россия: новая реальность» [27], проведенное компанией McKinsey Global Inc (2017), Всероссийский репрезентативный опрос «Люди в цифре: эпоха «постправды» (14.06.2019), проведенный ВЦИОМ [7].

Интернет становится пространством репрезентации творчества – арт-галереи, виртуальные 3D выставки, творческие конкурсы по разным видам искусства – это реалии сегодняшнего бытия. Новые компьютерные технологии трансформируют характер деятельности, делая привычные операции творческими, наделяя их свойством «интеллектуального» развлечения.

Изменяется соотношение между сознанием и творческим мышлением, что объясняется передачей части формально-логических функций мозга интеллектуальным системам и расширением за счет этого неформализованной сферы – сферы творчества. Так, «Атлас профессий» [4], разработанный Агентством стратегических инициатив (Москва, Сколково, 2014) на основе глубоко-

го анализа рынка труда и проведенного исследования, служит навигатором в мире профессий на ближайшие двадцать лет. В перечне надпрофессиональных компетенций способность действовать в условиях неопределенности, владение технологиями в области искусственного интеллекта, умение решать задачи разного уровня сложности, развивать творческие способности и креативность, коммуникабельность.

Трансляция посредством Интернет различных социокультурных практик, трансформация ценностей в условиях глобализующегося мира актуализирует проблему выбора моделей и стратегий творчества. О.А. Жукова считает, что применительно к культуре современности уместно говорить о «...вариантах, или версиях художественного творчества, соотносимых по ценностно-смысловым основаниям с той или иной парадигмой искусства и творческого опыта» [11, с. 119-120].

Интеграция Интернета, СМИ и социальных сетей явилась основанием престижа блогов, часто определяемых «узлами» Интернет-коммуникации: «...блоги стали особым средством коммуникации и самопрезентации, сформировалась отдельная субкультура блогеров» [2, с. 81]. Интегральная характеристика блогосферы может быть представлена совокупностью свойств, таких как: доступность и мобильность, интерактивность и диало-

гичность, возможность создания образа виртуального «Я». Многофункциональность блогов позволяет их рассматривать как виртуальную площадку творческих активностей акторов, действующих в соответствии со своими мотивами, интересами, ожиданиями.

Выводы

Подводя итоги исследования, следует отметить, что в условиях глобализации с характерными для нее свойствами изменчивости и неопределенности творческий потенциал человека оказался особо востребованным, выйдя на иной уровень бытия. Цифровые технологии оказали влияние на процесс творчества, породив иного субъекта творчества. Бытие современного человека неотделимо от Интернета, благодаря ресурсам которого появились иные возможности для его творческой самореализации. Интернет активно включен в повседневную жизнь, его технологические решения служат основой удовлетворения потребностей человека в образовании, коммуникациях, творчестве. Интернет как творческий продукт человека, в свою очередь, благодаря цифровым On-line ресурсам (мобильный банк, on-line обучение, on-line конференции, электронная торговля, on-line религиозные ритуалы и др.), высвободил время человеку для творчества, дал возможность конструирования индивидуальных стратегий и траекторий творческого бытия.

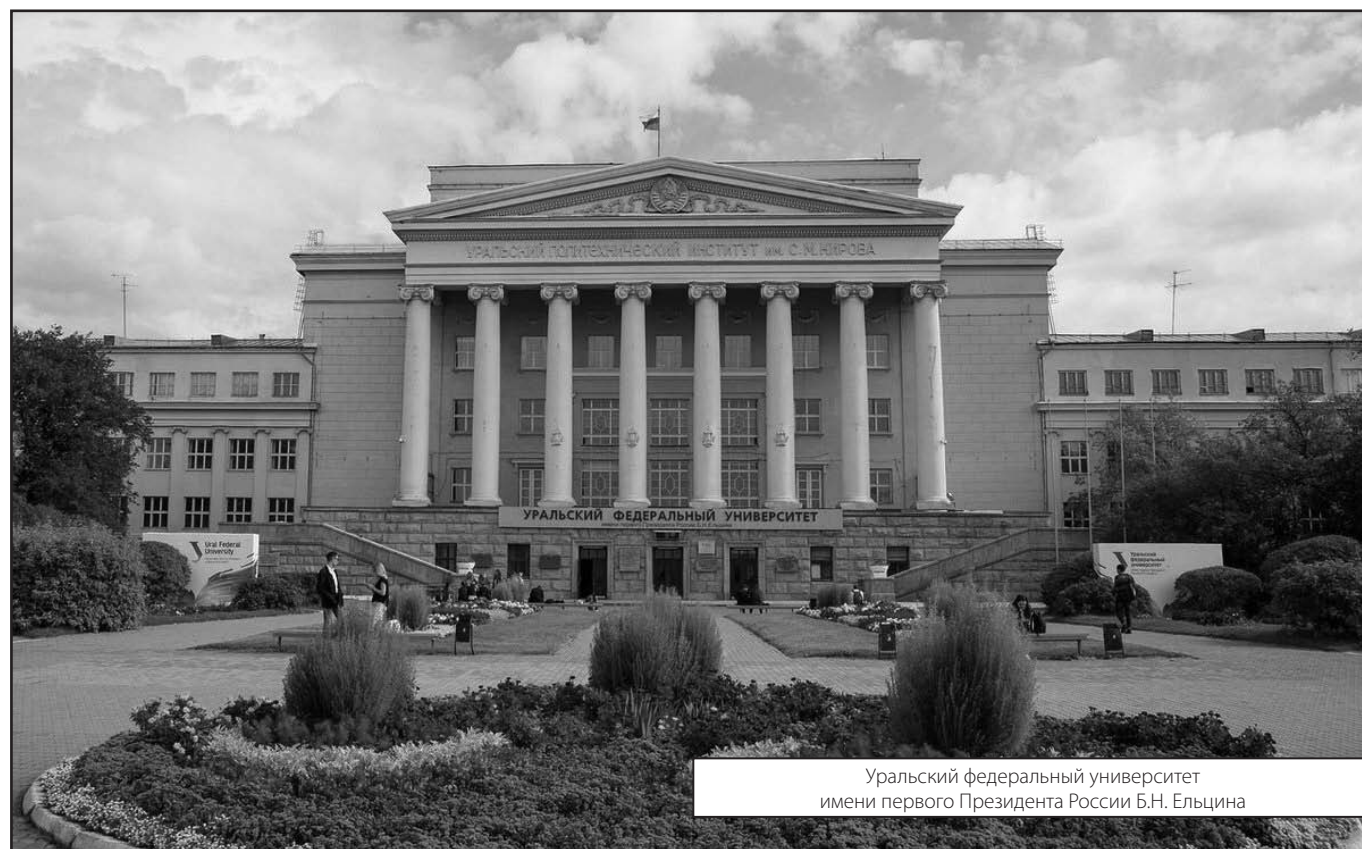
ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов А.А. Культурно-философские основания цифровой культуры // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 2 (34). С. 37–44.
2. Ануфриева Н.А. Блогосфера как открытое информационное пространство: опыт классификации // Поволжский педагогический поиск. 2016. № 1 (15). С. 81–84.
3. Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Цифровая культура: новый этап трансформации и осмысления стратегии smart-будущего // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / Отв. ред. Н.Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 46–68.
4. Атлас профессий. Москва: Сколково, АСИ, 2014. 164 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://asi.ru/reports/34983/> (дата обращения: 25.07.2022).
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. Москва: Академия, 2004. 783 с.
6. Вельтманн К. Электронная культура: достижения и перспективы // Информационное общество. 2002. Вып. 1. С. 24–30.
7. Всероссийский репрезентативный опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения «Люди в цифре: эпоха постправды» (14.06.2019) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-06-25_psihologicheskaya_oborona.pdf (дата обращения: 02.07.2022).
8. Глобализация: синергетический подход / Под ред. В.К. Егорова. Москва: РАГС, 2002. 432 с.
9. Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации: Материалы Межд. научной конференции, 24–25.04.2020 г. / Под ред. Н.Б. Кирилловой, И.Я. Мурзиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 80 с.
10. Елькина Е.Е. Тенденции развития цифровой культуры в сетевом обществе: социально-философский анализ // Человек. Общество. Инклюзия. 2019. № 1 (37). С. 28–37.
11. Жукова О.А. Искусство свободного выбора: ценностные трансформации современной культуры // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 6 / Отв. ред. М.С. Киселева. Москва: ИФРАН, 2012. – С. 119–127.
12. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. Москва-СПб.: Питер; 2009. 444 с.
13. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманит. ун-та), 2004. С. 328 с.
14. Кириллова Н.Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 5. С. 524–531.
15. Кириллова Н.Б. Парадоксы медийной цивилизации: Избр. статьи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 452 с.

16. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В.Г. Николаева. Москва-Жуковский: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
17. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
18. Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. Москва: Фаир-пресс, 2006. 416 с. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Rein/07.php (дата обращения: 03.07.2022).
19. Столетов А.И. Сущность креативности и ее типы // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 4 (17). С. 43–52.
20. Томюк О.Н. Философские основания творчества как феномена культуры. Дис. на соиск. уч. степени канд. филос. наук. Москва: РАНХиГС, 2020. 188 с.
21. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Москва: АСТ, 2003. 668 с.
22. Тоффлер Э. Шок будущего. Москва: АСТ, 2002. С. 232.
23. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / сост. И.Т. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. Москва: Прогресс, 1990. 716 с.
24. Усанова Д.О. Виртуальная культура как феномен современности и ее репрезентация в субкультурных практиках // Теория и практика обществ. развития. 2013. № 11. С. 395–396. Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/11/kulturologiya/usanova.pdf (дата обращения: 12.07.2022).
25. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва: Классика–XXI, 2005. 430 с.
26. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. Москва: АСТ, 2007. 588 с.
27. Цифровая Россия: новая реальность. Исследования компании McKinsey Global Inc. Июль 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (дата обращения: 01.07.2022).
28. Элвуд У. Глобализация. Москва: Книговек, 2013. 208 с.
29. Gere Charlie. Digital Culture. London: Reaktion Books, 2008. 248 p.
30. Hammet F. Virtual Reality. New York: Straus Ed. 1993. 213 p.
31. Jenkins H., Clinton K., Purushotma R. etc. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century, 2006. 70 p. Режим доступа: https://www.macfound.org/media/article_pdfs/jenkins_white_paper.pdf (дата обращения: 01.07.2022).
32. Kieran M. Creativity as a Virtue of Character // The Philosophy of Creativity: New Essays / Edited by Elliot Samuel Paul and Scott Barry Kaufman. Oxford University Press, 2014. Pp. 125–144.
33. Lanier J. Eoy are not a gadget. London: Penguin Books, 2012. 240 p.
34. Schwarz M. E-Culture: Crossovers and Challenges. Режим доступа: <http://eculturefactory.de/download/schwarz.pdf> (дата обращения: 01.07.2022).

© Кириллова Наталья Борисовна (urfo@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФРОНТИР МУЗЕЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Саркисов Вячеслав Александрович

К.культурологии, доцент, Краснодарский
государственный институт культуры
dekan-fndo@yandex.ru

THE SOCIOCULTURAL FRONTIER OF THE MUSEUM IN THE VIRTUAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: STATEMENT OF THE PROBLEM

V. Sarkisov

Summary: The article poses the problem of studying the socio-cultural frontier of the museum in a virtual educational environment. The object of the research is a virtual educational environment. It identifies the interdisciplinary problem area and the main problems. The concepts of the socio-cultural frontier of the museum and the virtual educational environment are explicated in the interdisciplinary culturological discourse. The productivity of the explication of the category socio-cultural frontier in museology and interdisciplinary research related to the study of the modern museum is substantiated.

Keywords: cultural studies, museology, virtual educational environment, socio-cultural frontier of the museum, typology, cultural attribution.

Аннотация: В статье осуществляется постановка проблемы исследования социокультурного фронта музея в виртуальной образовательной среде. Объектом исследования является виртуальная образовательная среда. В нем обозначены междисциплинарная проблемная область и основные проблемы. В междисциплинарный культурологический дискурс эксплицированы понятия социокультурный фронт музея и виртуальная образовательная среда. Обоснована продуктивность экспликации категории социокультурный фронт в музееведение и связанные с изучением современного музея междисциплинарные исследования.

Ключевые слова: культурология, музееведение, виртуальная образовательная среда, социокультурный фронт музея, типология, культурологическая атрибуция.

С конца прошлого века за рубежом и в России ученые активно пишут о виртуальных музеях [17–20; 8–13; 15; 16]. Цифровизация экономики и общественной жизни предложила новые способы наращивания музеями своего просветительского потенциала. Однако, отмечаются и проблемы, связанные с интеграцией цифрового музейного потенциала в образовательную среду [11; 20]. Совершенствование информационно-коммуникационных технологий требует актуализации изучения проблемы потенциала музея в виртуальной образовательной среде — постоянно расширяющихся перспектив коммуникации музея в контексте его просветительских и образовательных функций. Представляется очевидным, что потенциал музея в новой оформившейся среде не может оставаться статичным, а будет развиваться. Поэтому, на наш взгляд, к его описанию применима категория социокультурного фронта [1; 6]. Она, с одной стороны, позволяет определять предмет исследования посредством не одного, а нескольких понятий, фиксируя протяженность наблюдаемого феномена, а с другой — включать в орбиту исследовательского внимания, в том числе, и противоречивые определения, не задаваясь целью их диалектического синтеза, т.е. фиксировать предельные значения протяженного явления [1, с. 270].

Объектом нашего внимания является виртуальная образовательная среда, которая интенсивно наращива-

ется современной российской школой.

В качестве предмета мы определяем социокультурный фронт музея в формирующейся новой образовательной среде.

Целью исследования является проблематизация изучения социокультурного фронта музея в виртуальной образовательной среде, поскольку подвижность (фронтность) потенциала музея в этой среде в существующих исследованиях до последнего времени не была обозначена.

Для достижения цели постараемся решить две, имеющие для любого исследования первостепенное значение, задачи: во-первых, ввиду междисциплинарного характера проблемы необходимо уточнить опорные понятия; во-вторых — наметить основные проблемы (задачи) дальнейшего исследования. Решение этих задач предполагает обнаружение достаточных оснований экспликации категории социокультурный фронт в музееведение и связанные с изучением современного музея междисциплинарные исследования.

Прежде всего необходимо разобраться, что собой представляет виртуальная образовательная среда и какое место в ней занимает музей.

Обобщая опыт отечественных и зарубежных ученых, Г.В. Бакуменко и А.Г. Лугинина отмечают, что ворвавшийся из инженерного тезауруса в гуманитарную сферу термин «виртуализация» в целом не претерпевает значительных изменений и определяется как «помещение некоторого процесса в автономную цифровую среду (в виртуальную реальность) для его автоматизации и завершения без участия человека» [1, с. 267].

Виртуальную образовательную среду, следовательно, необходимо понимать как автономную цифровую среду, обеспечивающую максимально возможный уровень автоматизации и завершения образования без непосредственного участия педагога. Очевидно, что интенсивное создание вузами собственной информационно-образовательной среды (ИОС) требует активного участия педагога лишь на предварительном этапе программирования процесса образования и насыщения новой среды дидактическим материалом [15]. Дальнейшая виртуализация (цифровизация) образования предполагает снижение участия педагога в образовательном процессе. Мода на ИОС отражает новейшую парадигму персонифицированного образования, продиктованную цифровизацией [9, с. 93]. ИОС отдельного вуза, с одной стороны, призвана максимально персонифицировать образование, исходя из «пользовательского» запроса, запроса обучающегося, а с другой — максимально автоматизировать образовательный процесс, включая контроль его качества. Рациональной целью здесь является снижение издержек образовательного процесса до уровня, который обеспечивал бы рентабельность непрерывного самообразования специалиста с учетом коренных изменений в обществе, происходящих все с большей интенсивностью и скоростью [3].

В перспективе виртуальная образовательная среда складывается из двух основных компонентов: 1) компонент машинного образования, основанный на максимальном исключении педагога из образовательной среды обучающегося; к нему стремится оптимизация системы образования; 2) компонент просветительских инициатив, основанный на конкурентоспособности человеческого интеллекта в состязании с машинным; он образуется в результате вытеснения педагога-просветителя из машинной образовательной среды.

Соотношение машинного образования, подчиненно-технологиям искусственного интеллекта (ИИ), и ресурса человеческого интеллекта, для которого ИИ остается лишь инструментом, является одной из проблем в плане изучения социокультурного фронта музея в виртуальной образовательной среде.

ИОС отдельного вуза не исчерпывает собой виртуальную образовательную среду обучающегося, которая, по мысли О.А. Рудецкого, остается открытой и включает

наряду с ИОС вуза различные компоненты цифрового медиапространства, в том числе и виртуальные музеи [11, с. 121]. В качестве довода О.А. Рудецкий апеллирует к концепции глобальной сети обучения Г. Драйдена и Дж. Вое [7], в которой практически любой источник информации включается в дидактическую область образования.

С другой стороны, как отмечает Е.Г. Саркисова: «Учитывая общую динамику цифровизации современного общества, следует указать, что отсутствие качественного образа регионального музейного комплекса в глобальном музейном медиапространстве равнозначно отсутствию региона на карте мира» [14]. Это означает, что музей как традиционный институт, развивая собственное виртуальное просветительское пространство, отвоевывают часть цифровой образовательной среды обучающегося. В частности, Е.Г. Саркисова подчеркивает, что от степени субъектности каждого конкретного музея в реализации культурной политики региона непосредственно зависит способность музея в новых условиях наращивать ценностный потенциал объектов хранения, включая их в социальную жизнь.

Музей оказывается зависим от степени своего участия в виртуальной образовательной среде. Однако, в этой связи возникает проблема демаркации в общем цифровом медиапространстве просветительских, образовательных и иных виртуальных элементов.

Эта задача видится не простой и требует детального изучения. Следует указать, что примитивного юридического разграничения регламентированного стандартами образования и свободного от подобных ограничений просветительства явно недостаточно. За бортом стандартов оказываются экспериментальные, а порою и самые передовые педагогические технологии, традиционные веками апробированные формы народного образования, ориентированные на непосредственное применение результатов формы корпоративного обучения и пр. Одновременно, учитывая необратимый процесс вытеснения педагога из образовательного процесса формами машинного обучения в просветительскую среду, следует определить её как альтернативное ограниченное вузовским ИОСам широкое пространство знаний. Границы между просветительскими, образовательными и иными виртуальными элементами в общем цифровом медиапространстве остаются подвижными, что характеризует их фронтальность. И образовательная система, регламентированная государственными стандартами, которые по инерции апеллируют исключительно к содержательной стороне образования (т.е. к идеологии контента), остается на «островке» бурного информационного потока общего цифрового медиапространства. В таких условиях дополнительные, корпоративные и экспериментальные формы образования доминируют в виртуальной обра-

зовательной среде. И музей, особенно учитывая многообразие его современных форм, оказывается одним из ведущих субъектов этого доминирующего сегмента виртуальной образовательной среды.

Безусловно, типология традиционных и инновационных форм современного музея является одной из важных задач дальнейшего исследования его социокультурного фронта в виртуальной образовательной среде. В частности, Е.Г. Саркисова отмечает, что статистика и отчетность по музейной деятельности в регионах России собирается и анализируется преимущественно по учреждениям культуры, в то время как помимо них музейная жизнь охватывает библиотеки, вузы, школы, бизнес и частных коллекционеров [14]. Вся совокупность субъектов музейной деятельности и составляет социальный институт музея, который в условиях цифровизации и информатизации не ограничивается виртуальными формами, хотя и такие есть, существующие исключительно в цифровой виртуальной среде. В настоящее время, как показал период беспрецедентных мер по самоизоляции и социальному дистанцированию, скорее не имеющие собственного следа в Интернете музеи являются исключением из правил. Преобладают не исключительно виртуальные музеи, а синтетические формы. Реальность музея дополняется виртуальными формами: виртуальные экскурсии, лекции, каталоги и пр.

Социокультурный фронт музея в виртуальной образовательной среде — явление многоплановое, многогранное, протяженное. Достаточно сложно установить его устойчивые границы ввиду, по меньшей мере, двух основных факторов: во-первых, подвижной (т. е. социокультурным фронтиром) остается виртуальная образовательная среда; во-вторых — социальный институт современного музея составляют разнородные субъекты культурной жизни общества, способные генерировать как просветительский, так и образовательный контент, постоянно расширяя виртуальную образовательную среду. Помимо объективных факторов, следует учесть и неоднозначные оценки цифровизации, а следовательно, и виртуализации образовательной среды [9].

Интенсивность происходящих на наших глазах изменений, как обращают внимание И.Я. Мурзина [9], Г.В.

Бакуменко [2; 4] и др., связана с переживанием обществом культурной травмы. В частности, Г.В. Бакуменко подчеркивает, что «от культурологической атрибуции происходящих в современных культурах изменений на различных уровнях (индивидуальный, организационный, институциональный, национальный, межнациональный) и в различных сферах деятельности зависит скорость социокультурного развития общества: с одной стороны — скорость его адаптации к изменениям, а с другой — способность, сохраняя и усиливая свою системную сложность, созидать новое и обуславливать посредством инноваций процессы, поддающиеся контролю и управлению» [5, с. 95]. В этой связи представляется ценной культурологическая атрибуция форм музейной деятельности в рамках типологии современного музея в виртуальной образовательной среде.

Таким образом, продуктивность экспликации категории социокультурный фронт в музееведение и связанные с изучением современного музея междисциплинарные исследования определяется эвристическим потенциалом наблюдения взаимосвязи сложных и слабо изученных явлений современной жизни на пересечении проблематики виртуализации музея и образования. Среди наиболее актуальных проблем, попадающих в орбиту предлагаемой исследовательской оптики, следует отметить: 1) проблему соотношения развивающихся технологий машинного образования с ресурсами человеческого интеллекта; 2) проблему типологии традиционных и инновационных форм современного музея; 3) проблему культурологической атрибуции происходящих в музейной коммуникации «изменений на различных уровнях (индивидуальный, организационный, институциональный, национальный, межнациональный)».

В целом складывается междисциплинарная программа исследования, предполагающая применимость результатов в педагогике, в практиках социокультурной деятельности и управления музейной коммуникацией. На наш взгляд, постановка проблемы изучения социокультурного фронта музея в виртуальной образовательной среде раскрывает перспективу приращения научного знания в слабо изученной, пока еще формирующейся проблемной области гуманизации цифровых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакуменко Г., Лугинина А. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // Журнал Фронтальных Исследований. 2022. № 1 (7). С. 265–293.
2. Бакуменко Г.В. Пределы культурной травмы в условиях COVID-19 // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: мат. междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 1–3 апреля 2021 г.) / Отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 61–66.
3. Бакуменко Г.В. Проблемная область культуры научной коммуникации // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде: Сб. науч. трудов Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 24–25 марта 2021 г.) / Отв. ред. В. В. Петров. Новосибирск: НГУ, 2021. С. 39–45.
4. Бакуменко Г.В. Традиция и новация в символизации успеха духовных практик // Социальные смыслы спортивной духовности: мат. II Всерос. науч.-практ.

- конф. с международным участием (Армавир, 13–14 ноября 2020 г.). Армавир: АГПУ, 2021. С. 8–14.
5. Бакуменко Г.В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2021. 276 с.
 6. Бакуменко Г.В., Устрижицкий О.В. О практической значимости теоретического конструкта «социокультурный фронт» / Г.В. Бакуменко, О.В. Устрижицкий, В.П. Грицкевич // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 2 (77). С. 127–131.
 7. Драиден Г., Вое Дж. Революция в обучении: Научить мир учиться по-новому / пер. с англ. Е. Сигаева, В. Чупин. М.: Парвинэ, 2003. 671 с.
 8. Кострюков А. Социально-воспитательная работа в ОГУ // Высшее образование в России. 2007. № 12. С. 64–69.
 9. Мурзина И.Я. Гуманитарное сопротивление в условиях цифровизации образования // Образование и наука. 2020. № 10. С. 90–115.
 10. Позднякова И.Р., Таранова Т.Н. Виртуальный музей как открытое образовательное пространство / И.Р. Позднякова, Т.Н. Таранова, И.В. Мищерина // Педагогика искусства. 2020. № 3. С. 77–84.
 11. Рудецкий О.А. Образовательный потенциал музея (в аспекте этнической культуры) // Высшее образование в России. 2011. № 3. С. 121–125.
 12. Саркисов В.А., Саркисова Е.Г. Музей в социокультурном пространстве современного города // Культурологический журнал. 2020. № 3 (41). С. 5 [Электронный ресурс]. URL: http://cr-journal.ru/files/file/09_2020_11_57_13_1601456233.pdf (дата обращения 25.03.2022). DOI 10.34685/HI.2020.55.52.001
 13. Саркисова Е.Г. Коммуникационные практики музеев в период пандемии // Культурологический журнал. 2020. № 4 (42). С. 4 [Электронный ресурс]. URL: http://cr-journal.ru/files/file/12_2020_19_16_19_1607444179.pdf (дата обращения 25.03.2022). DOI 10.34685/HI.2020.28.88.006
 14. Саркисова Е.Г. Музейный комплекс Краснодарского края: состояние и перспективы развития // Журнал института наследия. 2021. № 1 (24). С. 13. [Электронный ресурс]. URL: http://manage.nasledie-journal.ru/files/file/22_03_2021-17_47_04_hij_2021_1_sarkisova_pdf_1616424424.pdf (дата обращения 25.03.2022). DOI 10.34685/HI.2021.30.69.003
 15. Силина Т.С. Методы внедрения информационно-коммуникационных технологий в профессиональном геофизическом и геоэкологическом образовании // Образование и наука. 2010. № 3. С. 97–104.
 16. Филатова И.В. Экспериментальное исследование влияния учебно-педагогического взаимодействия на становление коммуникативной образованности студентов педагогического колледжа // Человек. Спорт. Медицина. 2007. № 6 (78). С. 87–93.
 17. Daniela L. Virtual Museums as Learning Agents // Sustainability. 2020. Vol. 12. Is. 7. P. 2698. DOI: 10.3390/su12072698
 18. Hedgcock E.M. Pohjoinen Valo Museo: Visualizing Light through a Virtual Museum // Journal of Interior Design. 2004. Is. 30. P. 23–33. DOI: 10.1111/j.1939-1668.2004.tb00523.x
 19. Miller G., Hoffert E. The virtual museum: Interactive 3D navigation of a multimedia database / G. Miller, E. Hoffert, S. E. Chen [and etc.] // The Journal of Visualization and Computer Animation. 1992. Vol. 3. Is. 3. P. 183–197. DOI: 10.1002/vis.4340030305
 20. Paquin M.G. The Virtual Museum of Canada's learning objects: why do French Canadian teachers and their students use them so little? // Museum Management and Curatorship. 2015. Vol. 30. Is. 2. P. 100–116. DOI: 10.1080/09647775.2015.1008739

© Саркисов Вячеслав Александрович (dekan-fndo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ЖИВОПИСЦА А.А. МЫЛЬНИКОВА¹

Шао Цзялин

Доцент, Хэйхэский университет
389241926@qq.com

Цинь Сыин

Профессор, Хэйхэский университет
1377267760@qq.com

RESEARCH OF PECULIARITIES OF ARTISTIC AND CREATIVE PRACTICE OF THE PAINTER A.A. MYLNIKOV

**Shao Jialing
Qin Siying**

Summary: The article is devoted to the description of the life of the outstanding Russian artist and teacher of the second half of XX - the beginning of XXI centuries A.A. Mylnikov, as well as the consideration of the unique features of his artistic practice. The main attention is given to the artistic and creative thought of the artist and the analysis of his artwork. The work explains in detail the national and decorative features of the composition of paintings in the artistic and creative practice of the artist. The author concludes that the artist's work has influenced the development of Chinese folk painting.

Keywords: A.A. Mylnikov, creative practice, ideological features, creative language features.

Аннотация: Статья посвящена описанию жизненного пути выдающегося русского художника и педагога второй половины XX – начала XXI века А.А. Мыльникова, а также рассмотрению особенностей его художественной практики. Основное внимание уделяется художественно-творческой мысли художника и анализу его художественного творчества. В работе подробно разъясняются национальные и декоративные особенности композиции картин в художественно-творческой практике художника. Автор приходит к выводу, что работы художника оказали влияние на развитие китайской народной живописи.

Ключевые слова: А.А. Мыльников, творческая практика, идеологические особенности, творческие языковые особенности.

Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к анализу художественного творчества выдающегося художника А.А. Мыльникова. Школа А.А. Мыльникова оказала влияние на развитие живописи КНР. Как утверждает исследователь Бо Нин, художник А.А. Мыльников внес большой вклад в развитие живописи китайского изобразительного искусства [3, с. 45]. Как отмечает китайский архитектор г-н Ша Айдэ, именно в творческом наследии А.А. Мыльникова воплощается целостность, органичность и единство, которое воплощается в порядке слов, красок, вещей и звуков [4, с. 81].

Целью статьи является описание особенностей художественного творчества живописца А.А. Мыльникова. Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы на занятиях по живописи в высших учебных заведениях, а также при организации конференций и при подготовке методических материалов, посвященных описанию художественного творчества А.А. Мыльникова.

Андрей Андреевич Мыльников (1919–2012) был крупным мастером реалистической живописи в России и в мире. Художник родился в богатой семье в городе Покровске Российской Федерации. Его отец умер очень рано, поэтому мать была вынуждена одна воспитывать сына [6, с. 82].

В детстве юный живописец занимался под руководством известного советского художника К.С. Петрова-Водкина, русского и советского живописца И.Э. Грабаря, реставратора и искусствоведа В.М. Орешникова и др. великих деятелей искусства.

В 1946 году А.А. Мыльников окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. В 1948 году он обучался в аспирантуре АХ и продолжал занятия в творческой мастерской.

Художественная практика А.А. Мыльникова является самобытной и уникальной. Его картины вобрали в себя особенности западного и отечественного художественного творчества. На основе этого художнику уда-

¹ Данная статья является результатом ключевого научного проекта планирования образования и науки провинции Хэй-лунцзян 2022 года, номер проекта: GJB1422635.

лось создать свой уникальный художественный стиль, который воплощается в его картинах с собственным субъективным художественным мировоззрением в его многолетней практике. Эти особенности художественного творчества являются ценным творческим опытом и художественным богатством, которому необходимо обучаться современным живописцам.

1. Идеиные характеристики художественного творчества А.А. Мыльников

Художественные произведения живописца А.А. Мыльникова являются воплощением эстетических чувств европейского классического искусства и некоторых приемов русского критического реализма. Как художник второй половины XX века, Мыльников жил в разнообразной мировой художественной среде, поэтому он испытал влияние различных художественных школ конца XIX и начала XX века.

По мнению В.А. Леднева, А.А. Мыльников совершил прорыв в искусстве реалистической живописи [1, с. 57]. В работах А.А. Мыльникова объединены многие художественные идеи, формирующие самобытный и неповторимый стиль художника.

Этот субъективно-экспрессивный стиль наделяет произведения живописца глубокими коннотациями, что оказывает влияние на национальный дух, социальную действительность и постоянное новаторство художественного языка А.А. Мыльникова.

Художественное творчество Мыльникова условно можно разделить на три этапа [7, с. 81]. Первый этап – это период «социалистического реализма», для которого были характерны определенные тематические и символические сюжеты, а также чувство священной и высокой социальной ответственности.

Второй этап заключается в том, что в условиях потрясений и перемен в обществе художественное творчество должно в большей мере отражать глубокую озабоченность и размышления о человеческой природе, а произведения искусства должны быть идеальным своеобразием критического реализма.

Третий этап – этап художественного творчества А.А. Мыльникова в средний и поздний период после распада Советского Союза. В это время живописец использует, в основном, лирические фигуры и пейзажи.

В 1950 году А.А. Мыльников написал картину «На мирных полях». Эта работа изображает стремление советских людей к мирной жизни сразу после окончания Великой Отечественной войны. На картине изображена группа крестьянок с плугами и граблями в ясный осен-

ний день, энергично и радостно идущих по полю, на котором под белыми облаками колосится золотая пшеница. Эта картина символизирует гимн труду, жизни и красоте земли. В этой работе живописец точно уловил пульс времени. В годы Великой Отечественной войны Россия пожертвовала слишком многими юношами, а женщины потеряли отцов, сыновей и мужей, но все равно жили с духом упорства и оптимизма.

В условиях потрясений и перемен в обществе и распада бывшего Советского Союза художественное творчество живописца отражает заботу о человеческой природе, а его произведениям присущи черты критического реализма: отражение переживаний человека, его проблем и забот [5, с. 76].

Художественное творчество Мыльникова на втором и третьем этапах претерпело огромные изменения, сосредоточившись на гуманистической заботе и красоте природы. Творческие идеи живописца в этот период тяготеют к даосскому и естественному воплощению, поскольку он стремится передать красоту природы при описании природных пейзажей, выражая расслабленное и неторопливое состояние души и делая упор на воплощении правды, добра и красоты.

2. Особенности языка художественного творчества А.А. Мыльникова

А.А. Мыльников был представителем искусства социалистического реализма в советский период. Масляные пейзажи А.А. Мыльникова сохраняют некоторые черты классической живописи в технике выражения и форме. Некоторые работы живописца отражают плоскостные композиционные правила современного абстракционизма, но еще не отказываются от традиционной классической лепки, требующей сжатого контраста и напряжения крупномасштабных картин.

Исследование формального языка А.А. Мыльниковым расширило языковую категорию реализма и более четко определило, что реализм и фактографизм – не одно и то же понятие.

Работы А.А. Мыльникова показывают его наблюдательность, мышление и понимание мира и жизни, отражая взаимосвязь сознания художника и действительности. В то же время Мыльников был и лирическим художником, чьи пейзажи полны поэтической красоты.

Художник развил новый живописный язык на основе реалистической живописи. Среди них наиболее типичными, инновационными и репрезентативными являются следующие особенности художественного творчества живописца:

1. Инновационный язык композиции изображения

Работы А.А. Мыльниковы обладают высокой степенью обобщения, в котором воплощаются все прежние формы реалистической живописи.

Общий метод написания «*сначала цвет, потом образ*»: В творческой теории А.А. Мыльниковы «*сначала цвет, затем образ*», «образ» относится к конкретной форме картины, а индукция цветового блока является важнейшим содержанием языка живописи художника, поскольку он интегрирует цветное, черное и белое.

Метод «силуэта»: новаторским нововведением в картинах А.А. Мыльниковы является особый акцент на заметной роли «силуэтных» цветовых блоков в композиции. Самым главным средством воплощения силуэта является обобщение и тщательное подведение итогов. Художник использует такие приемы, как: упрощение деталей для усиления контраста и усиление единства предметов в «силуэте» для создания и приумножения художественной привлекательности картины.

Метод укладки «Искусство-Hard Edge»: в практике художественного творчества Мыльников часто использует прямые линии для работы с внешней структурой картины, в которой воплощается эффектом жесткой прямолинейности.

В качестве примера можно привести следующие приемы: обобщение очертания, выбор высоты линии и введение края в прямую линию, художественная обработка. Этот метод живописи представляет собой работу с сильными визуальными эффектами.

2. Лирический образный язык живописи А.А. Мыльниковы

Необходимо отметить, что в творческом наследии А.А. Мыльниковы присутствуют лирические черты, поскольку с детства живописец играл на природе, где струились волны бурлящей реки в родном городе, была старинная церковь, бескрайний луг и дремучий лес, которые оставили отпечаток в его поздних пейзажах.

Например, в работе «Лето» живописец изображает несколько женщин, купающихся в деревенском пейзаже, изображая спокойствие и мир природы лирическими красками и кистью, успокаивая душу органичной интеграцией человека и природы. Поэтическая экспрессия часто встречается в масляных картинах Мыльниковы, в которых художник изображает большой энтузиазм по отношению к жизни, природе и идеалам, ощущение любви к живому и прекрасному миру.

Художественная концепция восточного искусства, особенно китайской живописи, несомненно, раскрыва-

ется в картинах А.А. Мыльниковы. Художник обращает особое внимание на искусство китайской живописи и считает, что «китайская живопись есть самый настоящий реализм» [2, с. 9].

В 1970-е годы А.А. Мыльников в своих картинах заимствовал многие творческие элементы китайской живописи тушью, что придало его работам сильную образность и лирические черты.

3. Особенности национального искусства и художественные особенности декоративно-прикладного творчества А.А. Мыльниковы

Россия всегда была страной с сильным чувством национальной гордости, поэтому в крови каждого человека всегда течет национальный художественный дух, и в работах художника А.А. Мыльниковы тоже есть явные национальные черты.

Хотя живописец воспринял многие западные художественные идеи, но он не следовал за тенденцией западного искусства, а встал на путь национализации и локализации после обучения. Ему удалось сформировать художественный облик с чертами своей национальной живописи. Картины Мыльниковы унаследовали одну из общих черт русской живописи – декоративность.

Краски, используемые живописцем, являются яркими, чистота красок довольно высокая, цветовая гамма также чрезвычайно широка, что сильно отличается от колористических привычек многих русских живописцев. Сам цвет, используемый А.А. Мыльниковым, имеет декоративную красоту. В частности, художник отказался от многих приемов светотеневой лепки и часто применяет для завершения своих работ плоский живописный язык. Это высокоуровневое обобщение и является творческим приемом, часто используемым в декоративной живописи.

Основные выводы

Мыльников – мастер живописи с почти вековым стажем, и особенности его художественной практики оказали глубокое влияние на развитие живописи в России и даже в мире. А.А. Мыльников, как ведущий профессор государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, внес большой вклад в художественное образование в России и мире.

Как страна, чье искусство находится на стадии развития, Китай должен продолжать постигать мир искусства мастера всем сердцем, впитывать художественную сущность практики художественного творчества мастера и предоставлять новые ценные ресурсы для нашего местного художественного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леднев В.А. Свет Учителя // Леднев В.А. Река жизни. СПб., 2015. С. 41-44.
2. Мильников А.А. Талантливое произведение искусства – вклад в советскую культуру // Искусство. 1977. № 7. С. 9-11.
3. Нин Бо. Китайские выпускники Института имени И.Е. Репина – носители и продолжатели традиций ленинградской академической художественной школы: дисс. ... к. искусствоведения. СПб., 2010. 317 с.
4. Сунь Тао. Красота может спасти мир. М.: «Народное искусство». 2009. 250 с.
5. Ша Аид. Мильников. М.: Шанхайское народное издательство изящных искусств, 2009. 230 с.
6. 全山石 艺术常青树//济南: 山东艺术学院出版社, 2007. 页81-93. (Цзинь Шаньши. Вечнозеленое дерево искусства. Цзинань, 2007. С. 81-93).
7. 孙涛 外国大画家-梅尔尼科夫. 南昌: 江西美术出版社, 2007. 页81-85. (Сунь Тао. Великий зарубежный художник – А.А. Мильников. Наньчан, 2007. С. 81-85).

© Шао Цзялин (389241926@qq.com), Цинь Сын (1377267760@qq.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хэйхэский университет

СУЩНОСТЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЦЕЛЕВОГО ОРИЕНТИРА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Языков Евгений Юрьевич

Преподаватель, Краснодарское высшее военное училище
им. генерала армии С.М. Штеменко
Yasjazzikov@gmail.com

THE ESSENCE OF CIVIL LAW CULTURE AS A TARGET OF HIGHER EDUCATION

E. Yazykov

Summary: This article analyzes the essence, foundations, functions of such phenomena as "civil culture", "legal culture", "civil law culture" in order to determine their structural components, which in turn will allow them to be filled with modern content in accordance with the specifics professional community of military personnel. The purpose of this study is to consider the concept of civil law culture from two positions and to form the most relevant interpretation of the concept under study from the point of view of professional identity. On the one hand, civic culture acts as a basic phenomenon, the basis of civic self-identification, and legal culture acts as a meaningful component of civic culture. With another on the other hand, legal culture is an integrative quality of the individual, the basis of legal socialization, and civil culture reflects its attribution, non-professional, general social perspective.

Keywords: civic culture, legal culture, educational process, military personnel, individual rights, citizenship, legal culture, patriotism.

Аннотация: В данной статье проводится анализ сущности, оснований, функций таких феноменов, как «гражданская культура», «правовая культура», «гражданско-правовая культура» с целью определения их структурных компонентов, что в свою очередь позволит наполнить их современным содержанием в соответствии со спецификой профессионального сообщества военнослужащих. Целью данного исследования является рассмотрение понятия гражданско-правовой культуры с двух позиций и формирование наиболее актуальной трактовки исследуемого понятия с точки зрения профессиональной идентичности. С одной стороны, гражданская культура выступает как базовый феномен, основа гражданской самоидентификации, а правовая культура выступает содержательным компонентом гражданской культуры. С другой стороны, правовая культура является интегративным качеством личности, основой правовой социализации, а гражданская культура отражает ее атрибутивность, внепрофессиональный, общесоциальный ракурс.

Ключевые слова: гражданская культура, правовая культура, воспитательный процесс, военнослужащие, права личности, гражданская позиция, правовая культура, патриотизм.

Гражданско-правовая культура личности представляет собой системное качество, интегрирующее гражданское и правовое содержание. Глобальную связь между правовыми характеристиками и гражданскими качествами личности обосновывает Г. Казинян, исходя из современного определения понятия «гражданское общество», согласно которому субъекту гражданского общества априори свойственна реализация прав, выполнение обязанностей в рамках единого для страны закона и правопорядка. Именно в ипостаси члена гражданского общества человек является участником общественных отношений, важнейшими из которых представляются правовые отношения (которые, кстати, пронизывают и все остальные виды общественных отношений – экономических, административных, трудовых и пр.) [10]. Автор отмечает, что сама возможность существования гражданского общества в значительной степени обуславливается тем, что каждый человек выступает в нем как правовое существо, носитель правовой культуры, поскольку «основным интегрирующим фактором гражданского общества является право (и государственность)» [10].

Аналогично охарактеризованным выше дефинициям, относящимся к человеку как члену гражданского общества и как правовому существу, исследования, ин-

тегрирующие два этих аспекта, также различаются по предмету изучения. Среди них наибольший удельный вес занимают работы, раскрывающие гражданско-правовую культуру и компетентность, гражданское правосознание (гражданско-правовое сознание). Рассмотрим их более подробно. Сразу заметим, что авторы, характеризуют указанные феномены, опираются на сущность и содержание родовых понятий: соответственно, сознание, культура, компетентность и т.д.

Гражданское правосознание изучается в общечеловеческом и в профессиональном аспектах. И.Ф. Габидуллин, работы которого относятся к первому из названных направлений исследований, раскрывает сущность гражданского правосознания, опираясь на представление о правосознании как качестве личности, интегрирующего правовые знания и отражающее оценку реальности с позиции правовых категорий и феноменов (правотворчество, правоприменение, реализация прав).

В его понимании термин «гражданский» указывает на принадлежность человека к конкретному государству и отражает оценку правовых взаимосвязей личности и государства. Предметами оценки выступают: гарантированность и реальная действенность демократических прав и свобод человека, верховенство права, взаим-

ная ответственность гражданина и государства, равноправие всех граждан, этно-религиозная толерантность, патриотизм и пр. Данные характеристики составляют ключевое содержание гражданского правосознания личности, трансформируясь в контекстные знания и убеждения, ценности и установки [5].

Гражданско-правовую культуру, как интеграцию гражданственности и правовой культуры личности, раскрывает О.А. Соколова. Определяя ее как социально-профессиональное качество личности, автор трактует его через категорию готовности; это – нравственно-обусловленная готовность «к созидательной социально-значимой деятельности в условиях становления гражданского общества; реализации гражданских прав и свобод; соблюдению и уважению законов; исполнению обязанностей в целях самореализации и достижения жизненного успеха на основе овладения социально-ответственными способами решения личных, гражданско-правовых и профессиональных задач» [13]. В работе отмечается, что элемент «гражданственность» представляется как результат осознания себя правоспособной личностью, гражданином государства, активным участником гражданских процессов при добровольном согласии руководствоваться в жизнедеятельности моральными нормами и ценностями общества. А правовая культура выступает показателем социально-правовой адаптированности личности и необходимым условием «сознательного осуществления гражданином своего долга перед обществом, качественное, компетентное выполнение профессиональных обязанностей, проявление во всех сферах общественной жизни творческой активности, добросовестности, порядочности, честности» [13]. Примечательно, что О.А. Соколова представляет правовую культуру личности как своего рода критерий сформированности гражданственности; таким образом, гражданский аспект представляется автором базовым компонентом изучаемого качества.

Иначе соотносит данные категории И.Ф. Габидулин, определяя гражданско-правовое сознание основой гражданской культуры и ценностно-целевым ориентиром гражданского поведения. Исследователь характеризует гражданско-правовое сознание как «осознание ... себя как гражданина, своих прав, свобод и обязанностей, сознательное включение личности в социально-значимую деятельность на основе представлений и самооценок, собственного видения перспектив развития общества» [5].

В профессионально-ориентированном аспекте рассматривает гражданское правосознание Г.Ш. Бибарсова. Применительно к личности будущих юристов она отмечает, что гражданско-правовое сознание определяет их «готовность к активной профессиональной деятельности, направленной на защиту прав и свобод граждан,

на укрепление и развитие гражданского общества» [4]. В качестве базового содержательного компонента автор определяет гражданственность, наделяя ее существенным правовым наполнением («Гражданственность выражается в добровольном и сознательном следовании законам государства, в уважении органов власти в стране, в умении противостоять антиобщественным и антигосударственным влияниям»). В число ведущих показателей сформированности искомого качества она включает: политическую культуру и гражданско-патриотическую ответственность, коллективизм, целеустремленность и настойчивость, готовность к эмпатии, чувство собственного достоинства, справедливость [4].

В ряде работ встречается понятие «гражданско-правовая позиция» личности, как ценностно-ориентировочное качество, связанное с уважением, соответственно, феноменов гражданского общества и правового государства. Среди таких феноменов, в частности, называют институты государства и гражданского общества, демократические нормы и правила, права и свободы личности, человеческое достоинство и общественное благо, справедливость и равенство людей перед законом, толерантность, плюрализм и патриотизм, готовность к разумному компромиссу и др. Заметим, что С.В. Басюк далее раскрывает сущность данного качества, максимально совпадающую, на наш взгляд, с трактовками гражданско-правовой культуры (а в некоторых представлениях – сознания, компетентности и пр.). По мнению автора, данное качество интегрирует: гражданско-правовые компетенции (как система знаний); личностные качества и способности, необходимые для выполнения социально-ценностных функций в гражданском обществе, а также для предупреждения и устранения противоправных действий окружающих [2].

В работе Е.В. Трубицыной представлена трактовка гражданско-правовой культуры личности как качества, объединяющего «признание ценностей человека и гражданина, прав и свобод личности и общества; проявление гражданских и патриотических чувств; реализацию актуальной гражданской позиции в социально-ориентированной и личностно значимой деятельности, в защите ценностей демократического общества» [14].

Культурологический и личностно-психологический смысл гражданско-правовой культуры личности определяется Д.В. Шамсутдиновой в том, что она выступает интегратором ценностно-нормативных и духовно-смысловых ориентаций человека, детерминирующих его мотивационную и практическую готовность защищать и реализовать права и свободы на конструктивной основе, а также определяющих его самоидентификацию как представителя своей Родины, пробуждающее неравнодушное, ответственное отношение к ее настоящему и будущему. Сформированность гражданско-правовой

культуры проявляется в сознательном, добровольном, активном участии личности в социальной практике, общественной деятельности, конструктивном взаимодействии как на межличностном уровне, так и на уровне «человек-общество-государство». Значимость ее формирования у современной молодежи обосновывается с позиции актуальности в новых социально-политических реалиях «специфического спектра жизненных стратегий молодежи, мировоззренческой доминантой которых должна стать защита свободы, чести и достоинства личности, обеспечение реального равенства человека перед законом, независимо от его статуса в социальной иерархии, готовность и способность осуществлять свои права в соответствии с нравственно-обоснованными нормами и ожиданиями социума» [15]. А вот Е.А. Зорченко функцию гражданско-правовой культуры видит не столько в детерминации правомерной социальной активности человека, сколько в обеспечении ориентации на собственные интересы в противовес навязываемым коллективным, в противодействии игнорирования личностью собственной индивидуальности, ее безусловно-подчинения коллективу, профилактике формирования государственно-властных императивов и т.п. [8].

Сущность качества, заложенная в определении Д.В. Шамсутдиновой, позволяет считать его фактором и детерминантом повышения конструктивной общественно-политической активности современной молодежи, преодоления и профилактики правового нигилизма [15]. Это обеспечивается содержанием мотивационного, мировоззренческого и деятельностного структурных элементов, находящихся в уровневой взаимосвязи. Указанное содержание включает: «личностная значимость ценностей прав и свобод; конструктивная установка по отношению к институту права, формирующаяся на информации, полученной по академическим и образовательным каналам и из сетевых источников; ответственность и гражданская позиция личности, качество ее участия в институциях гражданского общества; конструктивный характер взаимодействия человека в структуре социума и осознанное включение личности в решении социально значимых проблем» [15].

В ряде исследований интегративная сущность гражданско-правовой культуры раскрывается через цели и задачи гражданского и правового воспитания, как единого комплексного процесса. Так, Г.А. Андреева взаимосвязь демонстрирует в виде представленности правовых конструктов в категориях гражданского воспитания и гражданских – в правовом воспитании обучающихся. Так, задачи правового воспитания включают формирование правовых знаний, уважения к закону и правопорядку как социальным ценностям и установки на противодействие правовому нигилизму, развитие гражданских ценностей; его целью и сущностью выступает правовая социализация личности. В свою очередь, гражданское

воспитание ориентировано на формирование представлений о государстве и обществе, личности гражданина; становление гражданской самоидентификации; обеспечение адаптации в гражданском обществе, в социальных реалиях; развитие сознательного деятельного патриотизма и пр. [1].

В целом не противоречит вышесказанному мнению Л.В. Земляченко, которая, однако, четко фиксирует доминантность, базовость гражданского аспекта в данном интегративном конструкте. Так, опираясь на идеи Н.М. Воскресенской, В.А. Сластенина и др., автор называет гражданско-правовое воспитание компонентом гражданского образования, нацеленного на становление гражданственности, и специфически проявляющегося в формировании у обучающихся представлений о себе как о юридически, нравственно, социально, экономически дееспособном субъекте [7]. За эту специфику и «отвечает» правовой аспект гражданско-правового воспитания. Цели-результаты целостного, гражданско-правового воспитательного процесса (которые условно можно рассматривать как достояние гражданско-правовой культуры личности) достаточно четко структурированы на составляющие:

- гражданские – интериоризированные гражданские ценности, усвоенные и принятые нравственные нормы (доброта, взаимопонимание, терпимость, трудолюбие, уважение к старшим и т.д.), самоуважение, объективная самооценка, социальная активность;
- правовые – осмысленное сознательное отношение к собственным правам и обязанностям, интериоризированные ценности прав и свобод окружающих, реализация ненасильственных форм поведения и защиты прав и свобод;
- интегрированные – морально и юридически обоснованная саморегуляция поведения, уважительное отношение к людям не независимо от их национально-религиозной принадлежности, законопослушное социально полезное – правомерное - поведение.

Несколько иные представления защищают Я.В. Зубова, С.А. Берзегова и др. Так, Я.В. Зубова определяет «обеспечивающую» роль гражданско-правовой культуры как механизма правовой социализации – более глобального, чем гражданские процессы явления, феномена. При этом в трактовке самого качества (гражданско-правовой культуры) автор называет исключительно правовые по сути элементы: интериоризация и экстериоризация в поведении и деятельности правовых ценностей, идей, норм общества; осознанное усвоение правовых знаний и умений; уважение к закону [9].

С ней, по сути, солидарна С.А. Берзегова, не использующая при описании элементов гражданско-право-

вой культуры термина «гражданский», хотя многие из представленных ее составляющих явно подразумевают или допускают соответствующую трактовку. Так, автор определяет гражданско-правовую культуру как овладение личностью правом в своей деятельности и ее правосознание (профессионально-ориентированное рассмотрение данного качества, как еще одна авторская особенность). Косвенно, гражданский аспект культуры проявляется во включении в ее содержание интериоризированных ценностей, «которые призваны помочь в создании справедливого, свободного и более совершенного гуманного общества» [3].

То есть, гражданское содержание в представлении вышеназванных ученых либо абсолютно вторично, либо принимается априори, будучи, наоборот, первичным до аксиоматичности (поскольку, вероятно, понятие права и законности может рассматриваться исключительно в рамках государства и его граждан) [3, 9].

Е.В. Меркель раскрывает гражданско-правовую культуру в двух смыслах: широком и узком, которые, в нашем представлении, описывают ее сущность и структуру-содержание. Сущность, или гражданско-правовая культура личности в узком смысле заключается в ее представлении как части общей культуры личности, которая формируется в процессе гражданско-правового образования, обеспечивает становление гражданско-правового сознания и реализуется в позитивном гражданско-правовом поведении. Интересно, что гражданскую культуру в узком смысле автор определяет через гражданско-правовую компетентность (на наш взгляд, это не корректно, поскольку синонимизируются два различных феномена), и раскрывает через компоненты: *когнитивный* (гражданско-правовое образование), *эмоционально-оценочный* (гражданско-правовое сознание) и *социально-деятельностный* (позитивное гражданско-правовое поведение) [11]. Но в работе также называются неструктурированные качества и характеристики личности как содержание гражданско-правовой культуры: доверие к окружающим (к «своим»), политическая грамотность и гражданско-политическая лояльность, социально-ролевая интегративность, рациональная социальная и политическая активность, знание, соблюдение и защита своих прав и пр.

Во многих исследованиях красной линией проходит идея о взаимообусловленности прав и свобод с одной стороны, и обязанностей, и активности, с другой. В частности, отмечается, что осознанные и освоенные современной молодежью личности ценности личных прав и свобод для своей полноценной реализации в обществе требуют от личности гражданской активности, обеспечивающей соблюдение этих прав государством [6].

Итак, гражданско-правовая культура может трактоваться с двух позиций:

— гражданская культура как базовый феномен – интегративное качество личности, основа гражданской самоидентификации и конструктивной активности, а правовая культура выступает содержательным наполнением гражданской культуры;

— правовая культура как базовый феномен – интегративное качество личности, основа правовой социализации, а гражданская культура отражает либо ее атрибутивность как характеристики представителя гражданского общества или просто гражданина государства (и, соответственно, ориентированность на участие в социальных процессах), либо – ее внепрофессиональный, общесоциальный ракурс и значение.

В нашем исследовании мы опираемся на второй аспект трактовки феномена «гражданско-правовая культура личности». Под гражданско-правовой культурой мы понимаем правовую культуру гражданина

как представителя государства и общества, причем правового государства и гражданского общества; ее видимым проявлением является сознательная, активная, целесообразная, конструктивная деятельность человека в условиях реализации своих гражданских прав и свобод, содействия их реализации для остальных членов общества. Она имеет, преимущественно, одинаковое содержание у всех граждан одного государства, хотя специфика отдельных видов профессиональной деятельности может обуславливать наличие определенных, не характерных для остальных граждан, запретов, либо допустимых действий, относящихся только к данной конкретной общности (ограниченность свободы слова для политических работников, для военнослужащих; допустимость выбора насильственных действий для защиты прав окружающих, свойственная военнослужащим, сотрудникам МВД и т.п.). Кроме того, для некоторых профессий могут оказаться доминантно-значимыми и, наоборот, маловажными определенные ценности из общего для всех граждан списка гражданско-правовых ценностей (военнослужащий – значимость патриотизма вынужденное принижение личных интересов, собственной безопасности). Преобразуя слова С.А. Саркисовой [12], отметим, что гражданско-правовая культура есть проявление правовой культуры в гражданской сфере в форме социально-активного поведения, базирующегося на нормах права, которые имеют не только юридическое, закрепленное законом основание, но и моральную, ценностную обоснованность. В свою очередь, социально-активное поведение предполагает участие в делах, процессах государства и общества.

Резюмируем, что детальный анализ сущности, оснований, функций и т.п. феноменов «гражданская культура», «правовая культура», «гражданско-правовая культура»

тура» практически всех исследователей выводит на когнитивно-компетентностные, аксиологические, эмоционально-оценочные, мотивационно-регулятивные, поведенческие аспекты (в различных их сочетаниях) рассмотрения ее содержания. Это позволяет подойти

к четкому определению ее структурных компонентов и наполнить их современным содержанием, определив его специфику для будущих военнослужащих, и как представителей профессионального сообщества, и как граждан России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Г.А. Гражданско-правовое воспитание как фактор развития личности / Андреева Г.А. // Человека преступление и наказание. 2013. № 3 (82). – С.158-162
2. Басюк, С.В. Воспитание гражданско-правовой позиции старшеклассников средствами гуманитарного знания: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Басюк Светлана Викторовна. – М.: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. – 21 с.
3. Берзегова, С.А. Правовая культура государственных служащих в контексте развития гражданского общества: дисс...канд.соц.наук / С.А. Берзегова - Майкоп, 2016. -157 с.
4. Бибарсова, Г.Ш. Формирование гражданско-правового сознания студентов-юристов: автореф. дисс. ... канд. пед. наук 13.00.08 / Бибарсова Гульнара Шпхмуратовна. – Ставрополь: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ставропольский государственный университет», 2006. – 26 с.
5. Габидуллин, И.Ф. Концепция и модель развития гражданско-правового сознания студентов вуза: автореф. дисс. ... докт. пед. наук: 13.00.01 / Габидуллин Ильгиз Фанирович. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2015
6. Гуляев, И.И. Гражданская и правовая культура российской молодежи: учебное пособие для вузов / И.И. Гуляев. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 124 с.
7. Земляченко, Л.В. Гражданско-правовое воспитание младших школьников в контексте традиционной культуры региона / Л.В. Земляченко // Гуманитарные науки. Педагогика. – 2009. – № 2 (10). – С.85-93
8. Зорченко, Е.А. Правовая культура личности как цель и средство формирования правовой государственности и гражданского общества [Электронный ресурс] / Е.А. Зорченко - Режим доступа: <http://mosi.ru/en/node/4980>
9. Зубова, Я.В. Правовое образование в развитии правовой культуры формирующегося гражданского общества в современной России: автореф. дисс. ... докт.соц. наук / Я.В. Зубова. - Майкоп, 2010. - 52 с.
10. Казинян, Г.С. Правовое воспитание и обучение в гражданском обществе как важнейшее условие гармонизации межнациональных отношений / Г.С. Казинян // Вестник Ереванского университета. Правоведение, 2016 № 1 (19). – С.22-27
11. Меркель, Е.В. Формирование гражданско-правовой культуры обучающихся в основной и старшей школе как фактор их успешной социализации: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Меркель Елена Вячеславовна. – М.: Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова, 2014. -23 с.
12. Саркисова, Н.А. Правовая культура личности и ее роль в совершенствовании политической системы общества / Н.А. Саркисова // Философия права. – 2015. – № 3 (70). – С. 46-49.
13. Соколова, О.А. Формирование гражданственности и правовой культуры студентов в образовательном процессе вузов социокультурной сферы: автореф. дисс. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Соколова Ольга Александровна. – Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2011. – 25 с.
14. Трубицына, Е.В. Формирование гражданско-правовой культуры инновационного типа у современных школьников / Е.В. Трубицына // Педагогика и психология образования. – 2012. – № 1. – С.41-48
15. Шамсутдинова, Д.В. Парадигмы социокультурного воспитания гражданско-правовой культуры молодежи / Д.В. Шамсутдинова // Вестник КАЗГУКИ. – № 1. – 2018 – С.129-134

© Языков Евгений Юрьевич (Yasjazzikov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО «Я» У УЧАЩИХСЯ С ОТКЛОНЕНИЯМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

FEATURES OF THE PHYSICAL SELF IN STUDENTS WITH EATING BEHAVIOR

L. Bukhlina
K. Sharina

Summary: The article presents the research results of the spread of eating behavior deviations among students of different age groups; comparative empirical facts of the study of the physical "I" are given as the degree of satisfaction with the image of one's own body, body mass index, assessment of the physical "I" depending on deviations in eating behavior; Attention is drawn to the need for psychological work with students of different age groups in order to prevent deviations in eating behavior.

Keywords: eating behavior deviations, physical self, body image, body mass index, students.

Бухлина Лариса Юрьевна

Доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза
layr111@mail.ru

Шарина Кристина Алексеевна

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза
kristinsharina@gmail.com

Аннотация: В статье излагаются результаты исследования распространения отклонений пищевого поведения у учащихся разных возрастных групп; приводятся сравнительные эмпирические данные исследования физического «Я» как степени удовлетворения образом собственного тела, индекса массы тела, оценки физического «Я» в зависимости от отклонений пищевого поведения; обращается внимание на необходимость психологической работы с учащимися разных возрастных групп с целью профилактики отклонений пищевого поведения.

Ключевые слова: отклонения пищевого поведения, физическое «Я», образ тела, индекс массы тела, учащиеся.

Психологическая проблема отклонений в пищевом поведении (далее – ПП) сегодня приобретает все большую актуальность. В настоящее время мы сталкиваемся с агрессивным маркетингом в области пищевых продуктов, который приводит к переяданию из-за внешнего стимулирования сенсорных систем, и стандартов красоты тела, что оказывает отрицательный эффект на восприятие физического «Я» молодого поколения, а именно подростков. Проблема усугубляется тенденцией к виртуализации, что в свою очередь влечет снижение двигательной активности учащихся. Подобное и психологическое, и физическое состояния, связанные с неэффективными формируемыми стереотипами ПП, оказывает негативное влияние на здоровье молодого поколения.

Важное значение в регуляции процесса питания имеет пищевое поведение. Известный психолог Абрахам Маслоу относил пищевое поведение к категории «истинных» или первичных потребностей (физиологических нужд) человека, удовлетворение которых необходимо для формирования потребностей более высокого уровня. Он писал: «Если человеку нечего есть и если ему при этом не хватает любви и уважения, то все-таки в первую очередь он будет стремиться утолить свой физический голод, а не эмоциональный» [7, с. 114].

В.Д. Менделевич под пищевым поведением понимает «ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в обыденных условиях и в ситуации стресса,

ориентация на образ собственного тела и деятельность по его формированию» [8, с. 406].

Физическое «Я» является продуктом самосознания и одним из компонентов в структуре Я-концепции человека. Р. Бернс понимает под образом физического «Я» единство восприятия, установок, оценок, представлений, связанных и с телесной внешностью и функциями тела, включающее в себя когнитивную, аффективную и поведенческую составляющие [1].

Анализ современных исследований показал, что данная предметная область обычно рассматривается в связи с развитием ожирения у детей различных возрастных групп и при вопросах разграничения нормы и патологии ПП. Так, Гирш Я.В. пишет, что формирование нарушений ПП начинается с 5-летнего возраста, а с нарастанием массы тела увеличивается и число комбинаций различных вариантов ПП [4].

Звягин А.А. говорит о том, что каждый второй ребенок с ожирением и избыточной массой тела контролирует свое пищевое поведение, а у каждого второго отмечаются его нарушения [5].

Михайлова А.П. пишет об отсутствии четких критериев нормы и патологии в ПП, которые позволили бы дифференцировать нарушения в исследуемой области. В своей работе она делает акцент на необходимости расширения типологии вариантов пищевого поведения и

разработки диагностического инструментария, основанной в том числе на психологических категориях [9, 10].

Булатова Е.М. в своем исследовании выявила ряд неблагоприятных факторов, а именно неправильно выстроенную систему питания в семьях, которые способствуют формированию неэффективных стратегий ПП и являются предиктором ожирения [2].

Последние зарубежные и отечественные исследования освещают проблему орторексии у разных возрастных групп. Ими делается вывод об увеличении тенденции подобных нарушений у мужчин, они сравнялись по количеству с женщинами [12].

Упор в исследованиях делается также на влияние пандемии на увеличение количества пищевых нарушений у населения. Так результаты итальянцев показали, что во время данной мировой ситуации участились приступы переедания из-за повышенной тревожности, а терапевтическая помощь медицинских работников в подобной ситуации эффекта не оказало [13].

На сегодняшний день имеется множество исследований, связанных с проблемой пищевого поведения и образом физического «Я» у различных возрастных групп. Однако, до сих пор отсутствует определение и критерии здорового пищевого поведения, в исследованиях не построены возрастные границы и в недостаточной степени описаны особенности физического «Я» именно подростков с особенностями пищевого поведения, которое в разных источниках может иметь название гармоничного или адекватного. При этом особенности отклоняющегося ПП описаны достаточно подробно, что позволяет норму от патологии отделить только методом исключения.

В предпринятом нами эмпирическом исследовании выявлялись различия в образе физического «Я» у учащихся разных возрастных групп с отклонениями в пищевом поведении и без них, так меньшая удовлетворенность образом собственного тела, более неадекватная оценка своего Физического «Я» и избыточный индекс

массы тела присущи учащимся с отклонениями пищевого поведения относительно их здоровых в пищевом поведении сверстников.

Методическим инструментарием исследования отклонений в ПП послужил Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ), выявляющий ограничительное, эмоциогенное и экстернальное пищевого поведения. Для исследования физического «Я» использовались разные методы. Опросник образа собственного тела (авторы О.А. Скугаревский, С.В. Сивуха), оценивающий степень неудовлетворенности внешностью как составного компонента образа тела. Проективная методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан, основанная на непосредственном шкалировании учащимися ряда личных качеств. Данная методика была адаптирована под цели исследования. К оценке физического «Я» - красивый – некрасивый, стройный – полный, спортивный – неспортивный. Индекс массы тела (ИМТ) как величина, позволяющая оценить степень соответствия массы тела и роста, тем самым косвенно судить об избыточности (25 и более), нормативности (18,5–25) или недостаточности (18,5 и менее) массы тела.

Для получения информации об ИМТ в разных возрастных группах были использованы дополнительные методы. В школе был проведен анализ медицинской документации, а именно личной медицинской карты школьника с согласия администрации и участников исследования. Для студентов была разработана анкета, состоящая из вопросов необходимых для получения данных об их ИМТ.

Исследование проводилось на разновозрастных группах, в связи с этим было выбрано две базы исследования МБОУ СОШ №49 г. Пенза и ПГУПИ им. В. Г. Белинского ФППиСН. Общая выборка составила 161 человек, из которых 71 девочка и 93 мальчика четырех возрастных категорий: младший подростковый 43 человека, старший подростковый 49 человек, ранний юношеский 50 человек и студенты 17 человек.

Отклонения ПП выявлено во всех возрастных группах учащихся. Причем увеличивается количество уча-

Таблица 1.

Результаты по Голландскому опроснику пищевого поведения у разных возрастных групп (в %)

Возрастные группы	Выраженность отклонений в пищевом поведении		Φ _{эмп}
	Выражено	Не выражено	
Общая выборка	69	31	4.022**
Младший подростковый возраст	65	35	1,638
Старший подростковый возраст	59	41	1,053
Ранний юношеский возраст	80	20	3.702**
Студенты	82	18	2,367**

щихся с нарушением ПП от младшего возраста к студенческому. Так, в первых двух группах статистических различий между младшими и старшими подростками с выраженными нарушениями ПП и условно здоровыми нет [$\varphi_{\text{эмп}} = 1,638; 1,053$], а группах старшеклассников и студентов преобладают учащиеся с отклонениями ПП [$\varphi_{\text{эмп}} = 3,702^{**}; 2,367^{**}$]. Это свидетельствует о том, что преобладание отклонений в пищевом поведении над условно здоровыми отношениями с едой начинается с раннего юношеского возраста и преобладает достоверно по всей выборке [$\varphi_{\text{эмп}} = 4,022^{**}$].

Пищевые отклонения проявляются тремя типами ПП, их средние арифметические значения представлены в табл.2. Во всех возрастных группах доминируют ограничительный и эмоциогенный типы ПП, проявляемые контролем питания в форме диет и частыми переживаниями на негативном эмоциональном фоне, с которым учащиеся не могут справиться альтернативными способами. Экстернальный тип ПП во всех возрастных группах находится в пределах нормы. Он представляет собой повышенную реакцию на внешние пищевые раздражители, которая склоняет к переяданию не зависимо от наличия или отсутствия чувства голода.

У младших и старших подростков наблюдается похожая ситуация в распределении типов ПП. У старших подростков выраженность экстернального и эмоциогенного типов пищевого поведения становится несколько ярче. Показатели выраженности ограничительного и эмоциогенного типов выходят за границу нормативных значений при этом значения по последнему типу существенно превышает нормативное, что свидетельствует о преобладании переяданий на фоне стресса в описываемых возрастных группах.

У старшеклассников и студентов мы можем констатировать достоверно большее отклонение от нормы в области ограничительного пищевого поведения [$t_{\text{эмп}} = 2,8$ при $p \leq 0,01$] относительно подростковых групп. Эмоциогенное находится так же, как и у предыдущих групп за пределами нормы, но в меньшей степени. Это говорит о том, что старшеклассники в большей мере склонны ограничивать свой рацион питания и пере-

едать на фоне стресса. Это значит, что данная категория учащихся из-за притупления естественного чувства голода диетами, может ощущать сытость преимущественно от механического наполнения желудка. Значимых различий выраженности эмоционального типа между подростковыми и юношескими группами не обнаружено. При этом у них нормативная чувствительность к внешним пищевым раздражителям.

На рисунке 1 отражено распределение типов ПП и их комбинаций в разных возрастных группах, из которого следует нарастание комбинаций двух или трех типов ПП от младшего подросткового возраста к студенческому. Так, в группах студентов [$\varphi_{\text{эмп}} = 2,4; 4,6$] и старшеклассников [$\varphi_{\text{эмп}} = 2; 4,2$] достоверно больше учащихся с комбинацией ПП относительно подростковых групп.

Об усложнении нарушений ПП к юношескому возрасту также свидетельствует достоверное преобладание среди старшеклассников и студентов испытуемых со смешанным типом ПП [$\varphi_{\text{эмп}} = 3,4; 3,3; 8,2$] над чистыми ПП (эмоциогенное и ограничительное). В подростковых группах значимых различий в преобладании испытуемых со смешанным и чистым ПП не обнаружено.

Далее приводятся результаты исследования степени удовлетворенности учащихся в разных возрастных группах образом собственного тела, их самооценки и уровня ИМТ в зависимости от наличия или отсутствия у них отклонений в ПП.

Результаты исследования физического «Я» как образа собственного тела по методике О.А. Скугаревского, С.В. Сивуха представлены в таблице 3.

Из данных, представленных в табл. 3, следует, что испытуемые подростковых групп в среднем удовлетворены своим телом, иная картина представлена в юношеской группе, где доминирует неудовлетворенность своим телом, что проявляется в искажении образа собственного тела и переживаниях по поводу своей внешности. Они склонны ощущать себя полнее, чем есть на самом деле в сравнении с подростковой группой.

Таблица 2.

Типы пищевого поведения у учащихся разных возрастных групп (средние значения)

Типы пищевого поведения	Ограничительное	Экстернальное	Эмоциогенное
	нормативные значения		
	2,4	2,7	1,8
Младшие подростки	2,7	1,4	2,3
Старшие подростки	2,7	1,7	2,4
Старшеклассники	3,1	1,9	2,2
Студенты	3,2	1,9	2

Соотношение учащихся всей разновозрастной выборки по степени удовлетворенности образом своего тела, имеющих или не имеющих отклонений ПП отражено в табл.4.

В группе испытуемых с отклонениями ПП обнаруживается приблизительно равное распределение учащихся удовлетворенных или неудовлетворенных своим телом. В группе испытуемых без отклонений ПП достоверно преобладают учащиеся, удовлетворенные своим телом [ϕ эмп = 2.938**]. Соответственно наличие отклонения ПП является лишь одним из факторов снижающим степень удовлетворенности своим телом, так как среди учащихся с отклонениями ПП и без, есть испытуемые как удовлетворенные, так и не удовлетворенные своим

телом. Стоит отметить, что в группе учащихся с отклонениями ПП значимо больше [ϕ эмп = 2.938**] не удовлетворенных своим телом, чем в противоположной.

Интересным представляется возрастной аспект удовлетворенности своим телом в зависимости от наличия или отсутствия отклонений в ПП. Так, среди младших подростков преобладает удовлетворенность своим телом вне зависимости от ПП, среди старших подростков [ϕ - эмп = 1.685*] и старшеклассников [ϕ - эмп = 1.787] с отклонениями ПП уже преобладают неудовлетворенные своим телом, в студенческой группе [ϕ - эмп = 0,779] преобладает неудовлетворенность вне зависимости от ПП. Таким образом, фиксируется увеличение числа учащихся неудовлетворенных своим телом сначала с привязкой

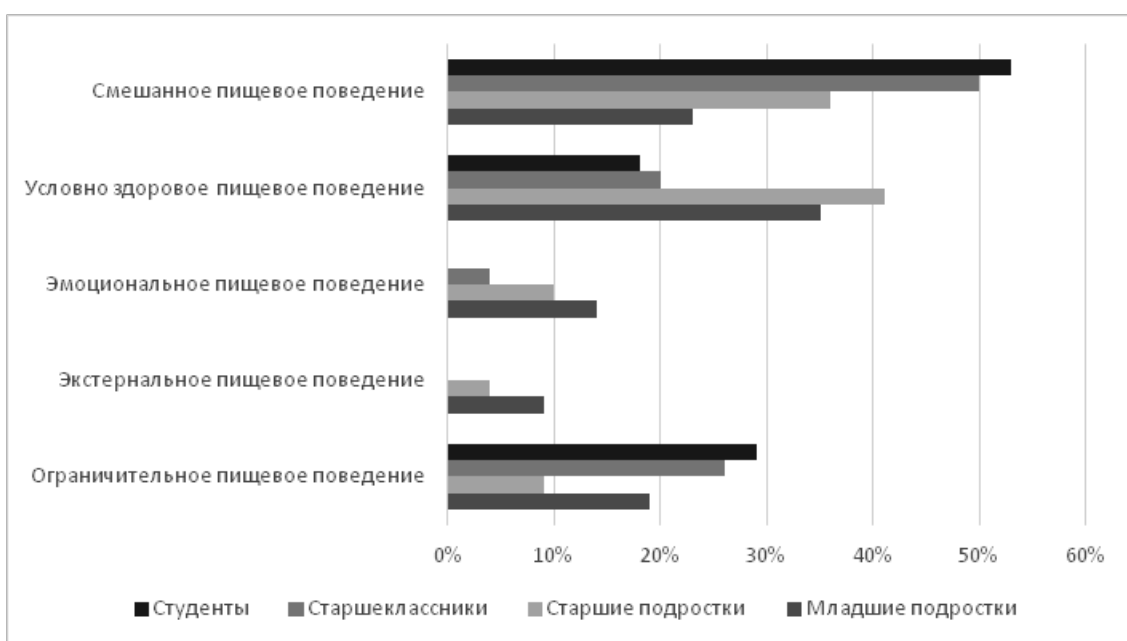

Рис. 1. Распределение типов пищевого поведения в разновозрастных группах

Таблица 3.

Степень удовлетворенности образом собственного тела у учащихся разных возрастных групп (средние значения)

Категории учащихся	Степень удовлетворенности	
	Удовлетворены	Не удовлетворены
Младшие подростки	12,76	-
Старшие подростки	11,06	-
Старшеклассники	-	14
Студенты	-	14

Таблица 4.

Степень удовлетворенности образом собственного тела у учащихся с разным пищевым поведением (%)

Степень удовлетворения	Имеют отклонения в пищевом поведении		Не имеют отклонений в пищевом поведении		ϕ - эмп
	чел	%	чел	%	
Удовлетворен	58	52	38	76	2.938**
Не удовлетворен	53	48	12	24	

к ПП, а потом вне его.

Результаты исследования индекса массы тела представлены в табл. 5.

Данные из табл. 5. свидетельствуют об отсутствии избыточного ИМТ в группах учащихся, не имеющих отклонений ПП за исключением группы старших подростков [ф эмп = 1.318], у которых различий показателей ИМТ в зависимости от ПП выявлено не было.

Для последующего анализа были выделены две группы учащихся – с нормативным и избыточным ИМТ.

Исходя из данных, представленных в табл. 6 следует, что достоверно больше учащихся с избыточным ИМТ [ф эмп = 2,336*], имеющих отклонения ПП относительно испытуемых группы без отклонений ПП. Это говорит о том, что наличие отклонений ПП способствует набору веса из-за неэффективных поведенческих паттернов в питании, в том числе провоцирующих переизбыток. Описываемые результаты подтверждает исследование Гирша также свидетельствующее, что с нарастанием массы тела увеличивается и число комбинаций различных вариантов отклонений ПП [4].

Из таблицы 7 следует, что большинство учащихся с

нормативным ИМТ удовлетворены образом своего тела больше в сравнении с меньшинством учащихся с избыточным ИМТ [ф эмп = 2,014*].

Исследование уровня оценки образа своего физического «Я» учащихся выявило ее адекватность независимо от наличия или отсутствия отклонений ПП в разных возрастных группах.

По уровню оценки физического «Я» достоверно подтверждено [ф эмп = 2,689**; 2,418**], что для испытуемых с избыточным ИМТ характерна более негативная оценка физического «Я» в отличие от испытуемых с нормативным ИМТ. Повышенная критичность в отношении своего тела у испытуемых с избыточным ИМТ исходит из низких значений по шкалам «стройный-полный», «спортивный-не спортивный» и «красивый - некрасивый».

Таким образом, мы выявили нарастание и усложнение отклонений ПП к юношескому возрасту, различия в образе физического «Я» у разных возрастных групп с отклонениями ПП и без них, свидетельствующие о том, что меньшая удовлетворенность образом собственного тела, более неадекватная оценка своего физического «Я» и избыточный индекс массы тела присущи учащимся с отклонениями ПП относительно их здоровых в ПП сверстников.

Таблица 5.

Показатели индекса массы тела учащихся с разным пищевым поведением (%)

Индекс массы тела	Имеют отклонения ПП		Не имеют отклонений ПП	
	норматив	избыточность	норматив	избыточность
Младшие подростки	71	29	100	-
Старшие подростки	76	24	90	10
Старшеклассники	72	28	100	-
Студенты	71	12	100	-

Таблица 6.

Результаты выраженности пищевого поведения учащихся с разным индексом массы тела

ИМТ	Выраженность отклонений в пищевом поведении				φ эмп
	Выражено		Не выражено		
	чел	%	чел	%	
Норматива	88	65	46	35	2,19*
Избыточность	23	85	4	15	

Таблица 7.

Степень удовлетворенности образом собственного тела учащихся с разным индексом массы тела

Степень удовлетворенности	Норматив		Избыточность		φ эмп
	чел	%	чел	%	
Удовлетворен	84	64	12	43	2,014*
Не удовлетворен	48	46	16	57	

Выводы

Отклонения ПП выявлены во всех возрастных группах учащихся. Причем увеличивается количество учащихся с нарушением ПП от младшего возраста к студенческому. Преобладание отклонений ПП начинается с раннего юношеского возраста и преобладает достоверно по всей разновозрастной выборке.

Во всех возрастных группах доминирует эмоциогенное ПП. Так, уже с младшего подросткового возраста характерен неэффективный эмоциональный копинг реагировать на стресс перееданием.

Склонность к ограничительному ПП постепенно усиливается от младшего подросткового к юношескому возрасту. Последние в большей степени склонны к ограничениям и контролю питания. У старшеклассников и студентов мы можем констатировать достоверно большее отклонение от нормы в области ограничительного ПП относительно подростковых групп.

Комбинация двух или трех типов ПП увеличивается от возраста к возрасту и в большей степени присутствует у студентов. У юношеских групп стратегии отклонений ПП усложняются относительно подростковых.

Испытуемые подростковых групп в среднем удовлетворены своим телом, в юношеских группах доминирует неудовлетворенность своим телом.

Зафиксировано увеличение числа учащихся по мере взросления неудовлетворенных своим телом сначала с привязкой к отклонению ПП, а потом вне его. У младших подростков преобладает удовлетворенность своим те-

лом вне зависимости от ПП, среди старших подростков и старшеклассников с отклонениями ПП уже преобладают неудовлетворенные своим телом, в студенческой группе преобладает неудовлетворенность вне зависимости от ПП.

Во всех возрастных группах учащихся адекватное оценивание физического «Я» преобладает над неадекватным.

Во всех возрастных группах учащиеся с избыточным ИМТ имеют отклонения ПП. Испытуемые с нормативным ИМТ удовлетворены своим телом больше в сравнении с теми, чей ИМТ избыточен. Последние склонны к более негативной оценке своего физического «Я».

Результаты исследования могут представлять интерес для родителей, педагогов и психологов, работающих в образовательных организациях или в консультировании. Важно осознание значимости здорового пищевого поведения в жизни подрастающего поколения, его влияния на формирование физического тела и его образа в представлении детей. Негативный образ физического «Я» в период взросления может инициировать проблемы с физическим и с психическим здоровьем. В подростковом возрасте, возможно и ранее, требуется интенсивная работа по формированию эффективных копинг-стратегий по совладанию со стрессом, что будет ослаблять закрепление эмоциогенного способа преодоления стресса, и как следствие не будет приводить к нарастанию ограничительного ПП, создающего угрозу в ряде случаев к манифестации возрастнo-специфических расстройств пищевого поведения – анорексии, булимии, компульсивного переедания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 361с.
2. Булатова Е.М., Бутько П.В., Шабалов А.М. Нарушение пищевого поведения как предиктор ожирения и метаболического синдрома: возможна ли профилактика? // Педиатр, 2019 - 10 (3) - С. 57 - 61
3. Бухлина Л.Ю. Социально-психологические проблемы самовосприятия телесного образа в современных условиях // Психология телесности: теоретические и практические исследования: Сборник статей II международной научно-практической конференции / Под общей ред. Е.В. Буренковой. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2009. С. 251–257.
4. Гирш Я.В., Юдицкая Т.А. Сравнительный анализ пищевого поведения детей различных возрастных групп // Бюллетень сибирской медицины, 2018 - 17(2) - С. 21-30.
5. Звягин А.А., Фроландина Е.О. Оценка пищевого поведения по голландскому опроснику DEBQ у детей и подростков с ожирением и избыточной массой тела // Медицина: теория и практика, 2019 - №1 - С. 249 - 254.
6. Малкина-Пых И.Г. Терапия пищевого поведения. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.
7. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А.М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия. 1999. 338 С.
8. Менделевич, В.Д. Руководство по аддиктологии: монография / В.Д. Менделевич. - СПб.: Речь, 2007. - 768 с.
9. Михайлова А.П., Штрахова А.В. Пищевое поведение в норме, в условиях стресса и при патологии: библиографический обзор / А.П. Михайлова, А.В. Штрахова. – Ж. Психология. Психофизиология. – 2018. – С. 80 – 94
10. Михайлова А.П., Иванова Д.А., Штрахова А.В. Вопросы квалификации и психологической диагностики пищевого поведения в норме и при его нарушении // Психология. Психофизиология, 2019 - №1 - С. 97 - 117

11. Eliassen E. The Impact of Teachers and Families on Young Children's Eating Behavior // *Young Children*. 2011. P. 84-89.
12. Grammatikopoulou M. G., Gkiouras K., Markaki A. Food addiction, orthorexia, and food-related stress among dietetics students // *Eating and Weight Disorders - Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity*, 2018 - P. 459-467
13. Colleluori G., Goria I., Zillanti C. Eating disorders during COVID-19 pandemic: the experience of Italian healthcare providers // *Eating and Weight Disorders - Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity*, 2021 - P. 2787-2793

© Бухлина Лариса Юрьевна (layr111@mail.ru), Шарина Кристина Алексеевна (kristinsharina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пензенский государственный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ С ЦЕННОСТНЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ ЛИЧНОСТИ

Галиев Рустам Ринатович

Адъютант, Саратовский военный ордена Жукова
Краснознамённый институт войск национальной
гвардии Российской Федерации, (Саратов).
rusgaliyev185@mail.ru

THE RELATIONSHIP OF RESILIENCE WITH THE VALUE ORIENTATIONS OF THE INDIVIDUAL

R. Galiev

Summary: Currently, the troops are equipped with a contingent with special independence and independence, as well as awareness of their rights and freedoms guaranteed by the Constitution of the Russian Federation and ratified by international agreements. In this regard, the importance of the collective and its influence on the development of military personnel as one of the components of the successful fulfillment of the tasks facing the troops increases. Military personnel within the framework of traditional mechanisms become indifferent to innovations, professionally passive, the threat of psychological confrontation and conflict problems increases. The article analyzes the concepts of "resilience" and "value orientations of personality". The interdependence of these concepts is considered. A number of aspects of the resilience and value orientations of the personality of cadets of military universities are revealed. The conclusion is formulated that the resilience of cadets and their value orientations intersect in the field of educational and professional activity.

Keywords: resilience, man, cadets of military universities, values, value orientations of personality, system of value orientations, adaptation factor.

Аннотация: В настоящее время войска комплектуются контингентом с особой независимостью и самостоятельностью, а также осознанием своих прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ и ратифицированных международными соглашениями. В связи с этим усиливается значение коллектива и его влияние на развитие военнослужащих как одной из составляющих успешного выполнения задач, стоящих перед войсками. Военнослужащие в рамках традиционных механизмов становятся безразличными к нововведениям, профессионально пассивными, возрастает угроза психологического противостояния и конфликтных проблем. В статье анализируются понятия «жизнестойкость» и «ценностные ориентации личности». Рассмотрена взаимообусловленность этих понятий. Раскрыт ряд аспектов жизнестойкости и ценностных ориентаций личности курсантов военных вузов. Сформулирован вывод о том, что жизнестойкость курсантов и их ценностные ориентации пересекаются на поле учебно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова: жизнестойкость, человек, курсанты военных вузов, ценности, ценностные ориентации личности, система ценностных ориентаций, адаптационный фактор.

Человек в своей жизни ежедневно сталкивается с какими-то проблемами, попадает в сложные ситуации, ему приходится делать выбор и принимать серьезные решения, находить выход из затруднительных положений. Каждый сам учится преодолевать негативное влияние последствия депрессии и стресса. Жизнестойкость – важное качество индивида в современном мире.

Жизнестойкость зависит от многих факторов: от характера и темперамента личности, от его индивидуальных качеств, воспитания, бытовых условий и социального окружения, а также от ценностных ориентаций личности. Человеческие ценности меняются от эпохи к эпохе. Мы живем в эпоху интернета, селфи и сложной эпидемиологической ситуации. Ценностные ориентации молодежи кардинально отличаются от ценностей старшего поколения. Рассмотрим особенности взаимосвязи жизнестойкости с ценностными ориентациями личности. Категория, которая нас больше всего интересует, – курсанты военных институтов. С одной стороны,

курсанты – это то самое поколение селфи, с другой – молодежь, обучение которой происходит в соответствии с традициями и устоями военного образования, в ходе которого идет формирование определенных ценностей, таких как патриотизм, любовь к Родине, коллективизм, законопослушность, единоначалие, чувство долга, духовность, взаимовыручка, защита Отечества и др. В непростое для России политическое время (специальная операция на Украине, санкции, агрессия со стороны ряда стран, невозможность спортсменам выступать на различных спортивных Олимпиадах и на различных чемпионатах мира под российским флагом, угроза международного терроризма и т.д.) нашей стране очень важно иметь постоянную армию, хорошо владеющую не только современными оружием и спецтехникой, но и сильную духом, морально-устойчивую и нравственно развитую. Все это определяет актуальность настоящей статьи.

Цель статьи – провести теоретический обзор исследований, посвященных взаимосвязи жизнестойкости с ценностными ориентациями личности и выявить спец-

ифику этой взаимосвязи.

Для начала разберемся в сути исследуемых понятий. Это очень важно для выявления взаимосвязей между ними и понимания особенностей этих взаимосвязей.

Немного из истории становления понятия жизнестойкости. Первые психологические исследования в области жизнестойкости появились в 80-х годах XX века в Америке. Исследователь С. Мадди, первым обратил внимание на жизненные силы человека, помогающие ему в трудных ситуациях, и ввел термин «жизнестойкость». Он определял ее как личностное качество, опосредующее влияние стрессоров, и помогающее в ситуации стресса сохранять психологическое здоровье и достигать успешности деятельности. Он основывался на взглядах Г. Олпорта и Г. Мюррея, а также на идеях экзистенциальной психологии. По мнению С. Мадди, жизнестойкость является той областью, где проходит борьба личности со стрессовыми воздействиями. Жизнестойкость – это катализатор поведения индивида, который позволяет перерабатывать отрицательные эмоции и впечатления в необходимые возможности, и представляет собой совокупность трех тесно взаимосвязанных между собой элементов: вовлеченности, контроля и принятия риска [1].

Четко уловил суть понятия жизнестойкости Ф. Брентано: «собственный жизненный опыт индивидуума, который сознается самой личностью» [2]. Безусловно, жизнестойкость в основе своей содержит личный опыт индивида и умение применять полученные знания в экстренных ситуациях или же рационально осмысливать эту ситуацию.

Современные ученые трактуют жизнестойкость как ресурс преодоления трудных жизненных ситуаций (Н.В. Калинина, Ю.Н. Дмитриева, Т.В. Володина), как психобиографическую характеристику субъекта жизни (Р.А. Ахмеров, Ю.Ю. Пикушева), как составляющую личностного потенциала (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова), как «установку индивидуума справляться с жизненными трудностями с верой в будущий успех, не позволяя этим трудностям сокрушить себя» (Е.А. Байер, Н.А. Григорян).

В рамках данной статьи станем понимать под жизнестойкостью личностное качество человека, помогающее ему преодолевать жизненные трудности и не впадать в депрессивное состояние. Вслед за Е.А. Байер и Н.А. Григорян будем рассматривать это личностное качество как формирующееся на протяжении всей жизни, а не как передающееся генетически [3]. С этой точки зрения следует сделать вывод, что огромное влияние на формирование жизнестойкости у человека оказывают его ценностные ориентации, которые могут меняться в зависимости от социума, в котором он находится, от политической и социокультурной ситуации в стране и мире.

Каждая эпоха характеризуется ориентацией на опре-

деленные ценности. Так, к примеру, в эпоху рыцарства был развит культ дамы и благородства. В эпоху 90-х в России господствовали вседозволенность и сила. Эти два полярных примера демонстрируют то, что не всегда ценностные ориентации можно рассматривать со знаком «плюс». Ценности, на которые ориентируется личность, определяют, какие цели она перед собой ставит, какими средствами будет достигать эти цели [4]. И это действительно так. Ценностные ориентации, выступая ведущей характеристикой любой личности, определяют вектор направленности развития человека во всех сферах деятельности, ведут его к достижению поставленных целей или же деградации, помогают осознать суть собственного «Я», формируют мировоззрение и усиливают или снижают интеллектуальную, социальную и творческую активность. Сформированные ценности порождают потребности, поэтому очень важно, чтобы установившиеся ценности соответствовали культуре, обычаям, традициям, религиозным взглядам и территориальному мировоззрению страны, области, города.

Исследователи считают, что система ценностей личности является ее основной характеристикой и определяет степень ее зрелости [5]. Когда личность имеет четкую систему ценностных ориентаций, она знает, чего хочет от жизни и умеет ставить перед собой цели. А если при этом у нее хорошо развита жизнестойкость, то и поставленных целей ей будет достигать легче.

Если человек принимает тот социум, в котором он живет, то и ценности этого социума он с легкостью принимает, присваивает себе. С.Л. Рубинштейн полагал, что ценности являются основой интереса человека к миру, определяют, какие стороны мира будут для него значимые, и, в целом, как сложится его жизнь [6].

Следует отметить, что в контексте данной статьи понятия «ценности» и «ценностные ориентации» выступают как синонимичные, так как в широком смысле можно рассматривать ценности как устойчивые убеждения, а ценностные ориентации – как совокупность этих устойчивых убеждений. Заметим, что совокупность ценностей каждого конкретного человека является основой его системы ценностных ориентаций.

Существует множество классификаций ценностей. В психологии они представлены в трудах Б.Г. Ананьева, Х. Мориса, М. Рокича, В.А. Ядова и многих других. С точки зрения В.А. Ядова, вершиной иерархии ценностей личности является «жизненный идеал» или социально-культурный, морально-нравственный образ желаемого будущего [7].

Интересная схема системы ценностных ориентаций представлена в статье П.Л. Закриевой «Ценности и ценностные ориентации в структуре личности» (2019 год). Схема простая, компактная, но достаточно содержа-

тельная, включающая все основные понятийные компоненты. Так, ценностные ориентации, по мнению автора, включают естественные (безопасность, обеспеченность, комфорт, любовь), материальные (богатство, коллекция, жилища, сладости), социальные (власть, карьера, семья, известность) и духовные (религия, предназначение, традиции, мудрость) ценности [8]. По этим четырем направлениям можно охарактеризовать, на наш взгляд, ценностные ориентации любого человека.

Но как же трактуется термин «ценностные ориентации» различными исследователями?

Ученые полагают, что ценности – это качества личности, которые регулируют поведение человека в социуме, позволяют определять приоритеты целей [9].

Педагоги относят ценностные ориентации к системе устойчивых взаимоотношений личности и окружающего мира, когда человек дает себе собственные фиксированные установки на ценности как материальной, так и духовной культуры общества [10].

Д.А. Леонтьев считает, что ценностные ориентации определяют всю жизнедеятельность человека, а изучение индивидуальных или групповых ценностей может дать психологам знание о реальном поведении человека или группы в конкретной ситуации [11].

Перейдем к вопросу взаимосвязи жизнестойкости и ценностных ориентаций личности. Интерес исследователей сосредоточен на изучении взаимосвязей ценностных ориентаций и жизнестойкости личности нормативных и девиантных подростков (О.И. Ефимова, С.В. Игдырова, А.А. Ощепков), студентов (А.А. Климов, О.А. Репин), молодежи, склонной к самопожертвованию и саморазрушающему поведению (А.А. Ощепков, В.В. Фриауф), пожилых людей (В.С. Большакова) и др. В ходе обозначенных исследований были сделаны значимые выводы. А.А. Ощепков и В.В. Фриауф, например, пришли к мнению, что жизнестойкость в купе с устойчивой системой ценностей личности может выступать в роли адаптационного фактора, усиливающего личностный потенциал молодежи в трудных жизненных ситуациях. Кроме того, авторы установили, что молодые люди, не склонные к самоповреждающему и саморазрушающему поведению нацелены на взаимодействие с другими людьми и нацелены на успех в социуме, а противоположная им категория (склонные к самоповреждающему и саморазрушающему поведению) имеет низкий уровень ориентации на коммуникацию и не претендует на успешность в обществе [12].

Исследования, посвященные изучению взаимосвязей ценностных ориентаций и жизнестойкости у курсантов, нам не встретились. Но ценностные ориентации курсантов и их жизнестойкость исследуются специалистами по отдельности, не во взаимосвязи. Акцент при

исследовании, как правило, делается на специфику профессии и процесс обучения. К примеру, И.В. Никитин изучает жизнестойкость как личностный ресурс курсанта при выполнении профессиональных задач. Ю.Г. Хлоповский рассматривает ценностные ориентации курсантов как составляющую профессионального мировоззрения.

Примечательно исследование С.А. Прокопьевой и А.В. Платоновой, посвященное сравнительному анализу ценностных ориентаций студентов и курсантов. Если у курсантов в ходе эмпирического исследования были выделены такие ценности, как «гедонизм», «самостоятельность» и «доброта», то у студентов – «конформность» и «достижение». Исследователи приходят к выводу, что в целом в современном обществе происходит изменение структуры ценностей личности, социальные приоритеты сдвигаются в сторону индивидуализма и собственного благополучия, индивид отходит от общих социальных приоритетов и чувства коллективизма, «ценности, связанные с традициями, теряют свою значимость и привлекательность, а преобладают ценности с выраженной ориентацией на достижение и личный успех» [13].

Следует отметить, что исследователи чаще говорят о профессионально-ценностных ориентациях курсантов. Действительно, ценности военнослужащего неотделимы от его профессии, ведь служба становится для него не просто профессией, призванием, а частью жизни. В этом ключе интересно понимание жизнестойкости Т.В. Наливайко. Она понимает под ней «личностно-психическую характеристику, формирующуюся в процессе развития личности и позволяющую человеку противостоять развитию профессионально-личностной дезадаптации» [14]. То есть и здесь мы обнаруживаем значимую связь, на этот раз уже жизнестойкости, с профессиональным поприщем.

Таким образом, рассмотренный нами материал исследований позволяет сделать вывод, что жизнестойкость курсантов военных вузов и их ценностные ориентации крайне важны для их успешной профессиональной деятельности в любых условиях обстановки. Это основные составляющие военной службы. Сформирование у курсантов таких ценностных ориентаций, как патриотизм, героизм, мужество и отвага, любовь к Родине, чувство долга и ответственности, послужит хорошей мотивацией для добросовестного исполнения служебных обязанностей и выполнения боевых задач. В свою очередь такая мотивация и осознание профессиональной успешности повысят уровень жизнестойкости курсанта и облегчат преодоление тягот военной службы в целом.

Особо следует отметить, что в ходе данного теоретического обзора наметилась перспектива эмпирического исследования взаимосвязей жизнестойкости курсантов и их ценностных ориентаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Khoshaba D., Maddi S. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. V. 63. № 2. P. 265–274.
2. Брентано Ф.О. происхождении нравственного познания. СПб., 2000. С. 17.
3. Байер Е.А., Григорян Н.А. Исследование феномена жизнестойкости: теория и практика педагогической системы // Развитие личности. 2018. № 4. С. 86-99.
4. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 41.
5. Ковалева Г.В., Пустоселова М.Ю. Понятие о ценностных ориентациях личности // Наука сегодня: вызовы, перспективы и возможности. Материалы международной научно-практической конференции. Научный центр «Диспут». 2018. С.127.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Питер, 2015. С. 369.
7. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998. 595 с.
8. Закриева П.Л. Ценности и ценностные ориентации в структуре личности // Шаг в науку. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. 2019. С. 536-543.
9. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. / К.М. Хоруженко. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. С. 534.
10. Слостенин В.А., Чижикова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
11. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: «СМЫСЛ», 1992. С. 2.
12. Ощепков А.А., Фриауф В.В. Особенности системы ценностных ориентаций и структуры жизнестойкости личности молодежи, склонной к самоповреждающему и саморазрушающему поведению // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 1 (40). С. 42-47.
13. Прокопьева С.А., Платонов А.В. Сравнительный анализ ценностных ориентаций у студентов и курсантов высших учебных заведений // Вестник современных исследований. 2018. № 7.1 (22). С.154.
14. Наливайко Т.В. Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности: автореф. дис. . . . канд. псих. наук. Челябинск, 2006. 32 с.

© Галиев Рустам Ринатович (rusgaliyev185@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ

Косолапова Анастасия Владимировна

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»;
Avkosolapova@mail.ru

CROSS-CULTURAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF COPING WITH STRESS

A. Kosolapova

Summary: The article highlights the issues of cross-cultural characteristics of coping with stress. The analysis of the main directions in the study of coping behavior in foreign and domestic psychology is carried out. Stress-overcoming personality behavior is understood as a complex dynamic process that includes assessment of the situation, cognitive and behavioral coping strategies due to personal and situational factors. It is shown that the choice of strategy and coping style is influenced by a stressful situation, personality traits, socio-psychological, socio-cultural and ethno-cultural variables. The analysis of cross-cultural studies of coping with stress is carried out, demonstrating the ethno-cultural features of coping strategies with stress.

Keywords: stress, coping with stress, coping behavior, coping strategies, cross-cultural analysis.

Аннотация: В статье освещаются вопросы кросс-культурных особенностей совладания со стрессом. Проведен анализ основных направлений в изучении совладающего поведения в зарубежной и отечественной психологии. Стресс-преодолевающее поведение личности понимается как сложный динамический процесс, который включает оценку ситуации, когнитивные и поведенческие стратегии преодоления, обусловленные личностными и ситуационными факторами. Показано, что на выбор стратегии и стиля совладания оказывают влияние стрессовая ситуация, особенности личности, социально-психологические, социокультурные и этнокультурные переменные. Проведен анализ кросс-культурных исследований совладания со стрессом, демонстрирующий этнокультурные особенности стратегий совладания со стрессом.

Ключевые слова: стресс, совладание со стрессом, копинг-поведение, стратегии совладания, кросс-культурный анализ.

Проблемы кросс-культурного анализа совладающего со стрессом поведения не теряют своей актуальности в настоящее время. Важность кросс-культурного исследования стресс-преодолевающего поведения людей обусловлена культурно-этническим разнообразием современного общества, связанного, с одной стороны, с ростом миграционных процессов, с другой с расширением культурных и образовательных связей между странами, актуализирующих процессы этнокультурной и межкультурной адаптации людей к новым социокультурным условиям жизнедеятельности. В этой связи кросс-культурная проблематика стресса и совладания со стрессом раскрывается не только в контексте теоретического осмысления этнических различий стресс-преодолевающего поведения, но и их специфики в феноменологии этнокультурной и межкультурной адаптации людей к новой культурной среде. В то же время необходимо отметить высокий уровень социальной напряженности современного мира в разных странах, связанный с различными неблагоприятными социально-экономическими факторами, которые также вызывают необходимость исследования этнокультурных различий стресс-преодолевающего поведения.

Кросс-культурный подход к исследованию совладающего со стрессом поведения базируется на общетеоретических представлениях о стрессе, о психологических закономерностях и механизмах стресс-преодолевающего

поведения, о видах стратегий совладания со стрессом. В настоящее время в отечественной и зарубежной науке описаны различные виды стрессовых ситуаций и показано, что социально-психологические последствия стресса отражаются на физиологическом, личностном межличностном и социальном уровнях функционирования личности человека [3; 5; 11]. Понятие стресса как научной дефиниции анализируется в русле различных по содержанию адаптационных концепциях. Начало к изучению стрессовой реакции человека на действие неблагоприятных факторов было положено в адаптационной концепции Г. Селье, который ввел понятие стресса в научный аппарат при описании общего адаптационного синдрома (general adaptation syndrome, GAS). Рассматривая общий адаптационный синдром как динамическое образование, ученый выделил стадию мобилизации адаптационных резервов («тревога»), стадию сопротивления (резистентности) и стадию истощения, уделяя больше внимания физиологическим механизмам стрессовой реакции человека [7].

К настоящему времени научные представления о стрессе значительно усложнились, существует значительное число определений стресса. Традиционным является представление о стрессе как стрессовой реактивности организма на стрессор. Стресс, по мнению Л.П. Гримака, представляет собой сильную неспецифическую реакцию на действие стрессора, требующую функцио-

нальной перестройки организма [1]. Физиологический стресс определяется Р. Лазарусом в качестве ответа организма, сопровождающийся «выраженными физиологическими сдвигами на воздействие различных внешних и внутренних стимулов физико-химической природы» [5, с. 202]. На психологическом уровне реакция организма на действие неблагоприятных факторов отражается в психологическом стрессе, феноменология которого стала предметом внимания многих исследователей.

В отличие от физиологического стресса, как отмечает Т.Л. Крюкова, изучение психологического стресса требует анализа индивидуально-психологических детерминант стрессового реагирования, а именно «значимость ситуации для субъекта, особенностей интеллектуальных процессов, личностных характеристик. Эти психологические факторы обуславливают и специфику ответных реакций» [3, с. 20]. Далее автор отмечает, что «в отличие от физиологического стресса, при котором ответные реакции являются высоко стереотипными, при психологическом стрессе они индивидуальны и не всегда могут быть предсказаны» [3, с. 20].

В развитии стресса как социально-психологического явления определенную роль играют этнокультурные и межкультурные факторы. Исследование стресса в рамках этнокультурной адаптации человека, которая определяется И.А. Мнацаканян «как сложный, многогранный и многосторонний процесс знакомства, привыкания и приспособления личности к условиям жизни в новой культурной среде» [6, с. 54-55], показало, что взаимодействие с иной культурой может вызвать достаточно сильное психическое потрясение, для обозначения которого в кросс-культурной психологии американским антропологом К. Обергом введен термин «культурный шок». Культурный шок сопровождается негативными чувствами, переживается как стрессогенный, имеющий негативные последствия комплекс переживаний [10].

Общим для всех моделей стресса является его социально-психологическая природа, предполагающая исследование психологических предпосылок и закономерностей проявления тех или иных реакций человека, которые определяются как индикаторы психических процессов в стрессовых ситуациях.

Кросс-культурный анализ проблемы совладания со стрессом предполагает изучение общетеоретических подходов к проблеме совладающего (coping) поведения. В зарубежной науке выделяется три основных подхода к изучению совладающего поведения личности: диспозиционный, ситуационный и интегративный подход. С точки зрения диспозиционного подхода совладающее со стрессом поведение раскрывается в контексте взаимосвязи индивидуально-личностных особенностей человека со способами стресс-преодолевающего поведения. С

этих позиций такие «личностные черты, такие как оптимизм, негативная аффективность, враждебность, влияют на те способы, какими люди справляются со стрессом» [3, с. 22]. Стресс-преодолевающее поведение с точки зрения ситуационного подхода обусловлено такими факторами, как оценка степени угрозы, оценка ресурсов, необходимых для совладания с ситуацией, оценка собственных действий в преодолении стресса, то есть человек «в одних случаях, главным образом, использует одну форму совладания, например, эмоциональные стратегии, а в других – прибегает к стратегиям решения проблемы путем изменения отношения «личность – окружающая среда» [3, с. 23]. Ведущей идеей интегративного подхода является представление о том, что выбор способов стресс-преодолевающего поведения детерминирован как особенностями личности, так и ситуационными факторами, где особое внимание уделяется качествам личности, обеспечивающим выбор эффективных способов стресс-преодолевающего поведения [3].

В отечественной психологии термин совладающее поведение появился в конце XX века. Вопросы развития стресса и его преодоления исследуются в рамках отечественной методологической традиции с точки зрения системного, личностно-средового и субъектного подходов. С позиции психологии субъекта, совладающее поведение не является пассивным интегратором внутренних и внешних условий существования человека, хотя и представляет собой результат аккумуляции наиболее типичных способов сознательного поведения в стрессовой ситуации, сформировавшихся у субъекта. Функции совладающего поведения заключаются в том, что «оно не только охраняет субъекта от актуального воздействия стресса, служа буфером, но и поддерживает его чувство самооценности, целостности с прошлым и антиципируемым будущим, помогает восстановить дострессовый уровень активности» [3, с. 30].

Стресс-преодолевающее поведение личности, являясь сложным динамическим процессом, прежде всего, начинается с когнитивной оценки стрессовой ситуации, что обусловлено как личностными и ситуационными факторами, так и этнокультурными различиями. Это подтверждено результатами исследований, проведенных И.О. Куваевой, которые показали, что стресс «у армян реализуется в терминах состояния и последствий, у татар – причин и последствий стресса, у китайцев – признаков состояния и управления, у русских – признаков состояния, последствий и управления; у турок – причин и состояния» [4, с. 14], что связано с особенностями ментального опыта преодоления стрессовых ситуаций у представителей различных этнических групп. Следует отметить и религиозные верования как фактор, влияющий на то, как люди различных этнокультурных и религиозных групп оценивают стрессовую ситуацию и осуществляют выбор стратегий стресс-преодолевающего поведения.

Стресс-преодолевающее поведение человека характеризуется широким диапазоном, что привело к выделению разных видов стилей реагирования на стресс. В самом общем виде стили реагирования на стресс включают защитные, при которых личность реагирует на стресс в форме психологической защиты, и на конструктивные, при которых личность проявляет осознанную активность на разрешение стрессовой ситуации. Конструктивные формы поведения в стрессе получили название копинг-поведения. Ведущим критерием разграничения понятий «психологическая защита» и «копинг-поведение», по мнению Э.И. Киршбаум, А.Н. Еремеевой, является то, что психологическая защита «протекает на бессознательном уровне и направлена на маскировку актуальной недееспособности (в том числе маскировку перед самим собой), на снижение тревоги, вытеснение информации, которая противоречит Я – концепции» [2, с. 36].

Копинг-поведение в отличие от психологической защиты, как отмечает Т.Л. Крюкова, является «осознанной стратегией действий, направленных на устранение угрозы, помехи, лучше адаптирующая человека к требованиям ситуации и помогающая преобразовать ее в соответствие со своими намерениями, либо выдержать, вытерпеть те обстоятельства, изменить которые человек не может» [2, с. 21]. В выделении стилей совладания традиционной считается классификация, предложенная Р. Лазарусом, С. Фолкманом, которые выделили проблемно-фокусированные стратегии (11 копинговых действий) и эмоционально-фокусированные стратегии (62 копинговых действия) [11]. Т.Л. Крюковой выделены три основных стили копинг-поведения: проблемно-ориентированный стиль, направленный на рациональный анализ проблемы (самостоятельный анализ, обращение за помощью, поиск дополнительной информации); эмоционально-ориентированный стиль как следствие эмоционального реагирования на стрессовую ситуацию (погружение в переживания, самообвинении, вовлечении других в свои переживания); избегание как уход от проблемы [3, с.25]. В развитии стресс-преодолевающего поведения личности культурный контекст выступает самостоятельной детерминантой успешного или неуспешного совладания, определяя выбор конкретных стратегий преодоления стресса. Выраженность и частота выбора проблемно-ориентированного совладания в большей степени зависит от социо-культурных и социально-психологических факторов [3]. В этой связи следует отметить и религиозный фактор, поскольку «различия в конкретных религиозных верованиях влияют на то, как люди понимают стрессовые события. Концептуализация стрессовых ситуаций в аспекте религиозного совладания может быть рассмотрена в позитивном и негативном аспектах» [4, с. 65].

Теоретические положения, раскрывающие обще-

теоретические подходы к сущности и феноменологии стресса, специфику и стили стресс-преодолевающего поведения позволяют осмыслить особенности кросс-культурных различий совладающего поведения. В настоящее время интерес исследователей к проблеме стресс-преодолевающего поведения привел к изучению этнокультурных факторов, оказывающих влияние на восприятие, оценку и выбор стратегий совладания у представителей различных этнических групп.

В исследовании Е.В. Серёжкиной показано, что формирование рабочего стресса на примере программистов ИТ-фирм России и Франции имеет существенные различия в восприятии одних и тех же стресс-факторов, а именно «различный институциональный контекст определяет восприятие стресса как индивидуальной проблемы, связанной с психологическими изъянами личности российскими участниками исследования, и как социальной проблемы независимой от индивида, французскими участниками исследования... что определяет разный порог стресса у российских и французских программистов и различия в способах его преодоления» [8, с. 12]. Результаты исследования Е.Ю. Чеботаревой продемонстрировали, что в стратегиях совладания со стрессом российская молодежь в отличие от французов чаще принимает на себя ответственность в трудных ситуациях, подвергает когнитивной оценке причины и последствия, проявляет гибкость и вариативность стратегий совладания [9]. При этом, как показано в исследовании Т.Л. Крюковой, русские чаще применяют стратегию самообвинения по сравнению с молодежью из Польши и Австралии [3]. Исследование совладающего поведения у студентов различных этнических групп, проведенное И.О. Куваевой, показало, что преобладающей копинг-стратегией в стрессовых ситуациях у русских студентов также выступает самообвинение. В отличие от русских студентов, для китайских студентов в стрессовой ситуации характерна – организация общественных действий, а у армян, татар и турок – религиозная поддержка [4, с. 14]. Автор пишет, что «специфика социального совладания состоит в том, что армяне, турки и китайцы организуют общественные действия для разрешения затруднений; китайцы нуждаются в друзьях; татары – в социальной и профессиональной помощи. Значимой стратегией для армян и татар выступает чувство принадлежности» [4, с. 165]. Анализируя стратегии совладания со стрессом у русских студентов, И.О. Куваевой отмечается, что они «не демонстрируют специфических социальных стратегий, а обращаются к субъектной стратегии самообвинения, которая является отличительной особенностью совладания у русской молодежи» [4, с. 165]. Полученные результаты отражают этнокультурные особенности совладания со стрессом у представителей разных этнокультурных групп, которые отражаются как на уровне когнитивной оценки стрессовой ситуации, так и на уровне выбора стратегий совладания со стрессом.

Таким образом, кросс-культурный анализ совладающего поведения позволяет по-новому осмыслить механизмы и закономерности стрессового реагирования с учетом этнокультурных особенностей, что необходимо

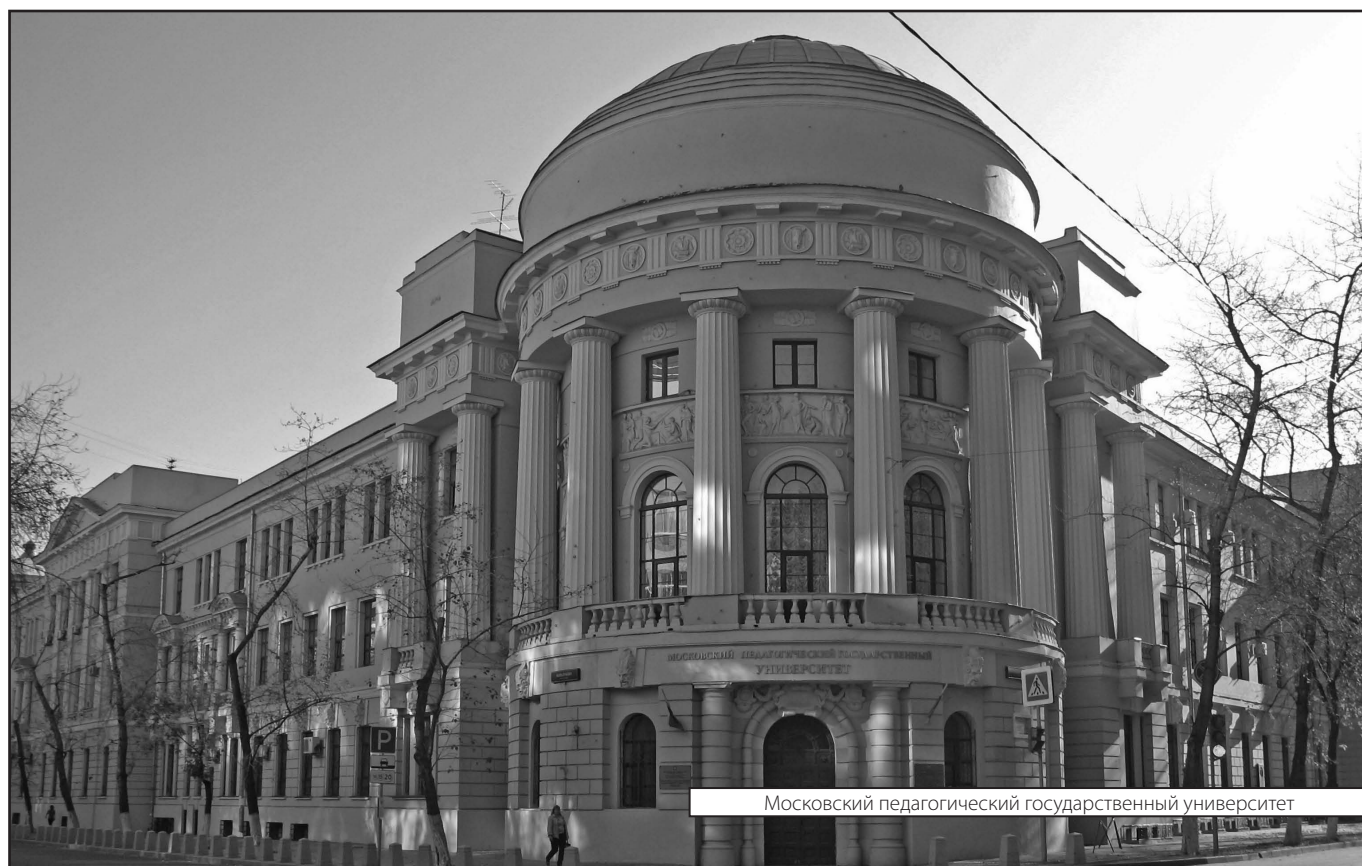
использовать в рамках различных направлений психологической поддержки и помощи людям, принадлежащим различным этническим группам, оказавшимся в стрессовых ситуациях жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности. – М.: Либроком, 2016. – 238 с.
2. Киршбаум Э.И. Психологическая защита / Э.И. Киршбаум, А.Н. Еремеева. – СПб.: Питер 2005. – 176 с.
3. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: дис. ... д-ра психологических наук: 19.00.13/ Крюкова Татьяна Леонидовна. – Кострома, 2005. – 473 с.
4. Куваева И.О. Соотношение организации концепта Стресс и совладающего поведения у студентов разных этнокультурных групп: дис. ... канд. психологических наук: 19.00.13 / Куваева Ирина Олеговна. – М., 2020. – 263 с.
5. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс; под ред. Л. Леви. – Л.: Медицина, 1970. – 328 с.
6. Мнацаканян И.А. Адаптация учащихся в новых социокультурных условиях: дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.07, 19.00.05 / Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2004. – 191 с.
7. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 2009. – 123 с.
8. Серёжкина Е.В. Социально-организационный подход в исследованиях феномена стресса на работе (на примере ИТ-фирм России и Франции): дис. ... канд. социологических наук: 22.00.01 / Серёжкина Екатерина Васильевна. – 2016. – 184 с.
9. Чеботарева Е.Ю. Кросс-культурные особенности копинг-стратегий российских и французских студентов в контексте психологического благополучия // Известия Саратовского ун-та. – 2018. – Том 7. Вып. 2 (26). – С. 156-162.
10. Oberg K. Cultural Shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. – 1960. – № 7. – P. 177 – 182.
11. Folkman S., Lazarus R.S. Coping and emotion // Stress and Coping. – N.Y., 1991. – P. 207-227.

© Косолапова Анастасия Владимировна (Avkosolapova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

ТИПОЛОГИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

TYPOLOGY OF AGGRESSIVE BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

**L. Khromova
K. Gurevich
A. Arkhangelskaya
B. Tsygankov**

Summary: Within the framework of medical examinations, it is possible to identify abnormalities both at the level of somatic health and at the level of mental health. Within the framework of psychological support, it is possible to identify in the early stages tendencies towards deviant behavior and various forms of aggression, as well as the factors provoking them. These factors include not only conflicts within educational institutions, but also crisis situations within the family, deviations in adolescent behavior, and also assess the influence of factors such as nutrition. So far, no correlation studies have been carried out in the framework of the influence of adolescent eating habits on deviant behavior, as well as the establishment of a link between studies of bioimpedance «Medass» and deviant and aggressive behavior.

Considering the possible consequences of aggressive and deviant behavior, a preventive program is needed at the stage of early detection of such adolescents, before their transition to dispensary observation by district psychiatrists. One of such approaches can be the use of Medass bioimpedance as part of preventive medical examinations of adolescents aged 14-18 years. Based on the results of the joint application of psychological counseling and research with the «Medass» apparatus, it is possible to change the diet, considering the psychological characteristics of adolescents.

This review provides brief information on the basic concepts of aggressive and deviant behavior in adolescents, as well as examines the possible aspects of the factors causing them, and also considers aspects of therapy for adolescents with aggressive behavior.

Keywords: aggression, deviant behavior, suicidal behavior.

Хромова Людмила Константиновна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный
медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова
r-lyusia@mail.com

Гуревич Константин Георгиевич

д.м.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный
медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова»
kgurevich@mail.ru

Архангельская Анна Николаевна

к.м.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный
медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова»
Cattiva@list.ru

Цыганков Борис Дмитриевич

д.м.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный
медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова»; ФГБОУ ВО «МГУ им. М. В. Ломоносова»
boristsygankov@yahoo.com

Аннотация: В рамках медицинских осмотров, возможно выявить отклонения как на уровне соматического здоровья, так и на уровне психического здоровья. В рамках психологического сопровождения возможно выявить на ранних стадиях наклонности к девиантному поведению и различным формам агрессии, а также факторы их провоцирующие. К таким факторам можно отнести не только конфликты внутри учебных заведений, но и кризисные ситуации рамках семьи, отклонение в поведении подростка, а также оценить влияние таких факторов, как питание. До сих пор, не проводились корреляционные исследования в рамках влияния пищевых пристрастий подростков на девиантное поведение, а также установки связи между исследованиями биоимпедансом «Медасс» и девиантным, и агрессивным поведением.

С учетом возможных последствий агрессивного и девиантного поведения, необходима профилактическая программа на этапе раннего выявления таких подростков, до перехода их на диспансерное наблюдение к участковым психиатрам. Одним из таких подходов может быть использование биоимпеданса «Медасс» в рамках профилактических медицинских осмотров подростков в возрасте 14-18 лет. По результатам совместного применения психологического консультирования и исследования аппаратом «Медасс» возможно внесение изменение в схему питания, с учётом психологических особенностей подростков.

В этом обзоре дается краткая информация об основных понятиях агрессивного и девиантного поведения подростков, а также рассматриваются возможные аспекты факторов их вызывающих, также рассматриваются аспекты терапии подростков с агрессивным поведением.

Ключевые слова: агрессия, девиантное поведение, суицидальное поведение.

На сегодняшний день, остаётся много пробелов в рамках единого понимания проблемы и систематизации к подходу. Данный факт можно отнести как к медицинскому аспекту в рамках формирования медицинских классификаций, которые так же

либо не имеют точек соприкосновения, либо отстают в адаптации, так и к психологическому аспекту. Отсутствие единой концепции понимания проблемы не даёт возможности стандартизировать подходы профилактики.

Согласно определению ВОЗ (1947), здоровье следует рассматривать не только как аспект соматического здоровья, но и психического здоровья. Несмотря на огромное внимание психическому здоровью, остается целый ряд неоднозначных терминов, одним из которых, на наш взгляд, является агрессия.

Агрессия, как явление, играет важную роль в выживании видов по определению D. Charles [6,7]. По данным, агрессивность увеличивает шансы на выживание и размножение. [20] Это верно для млекопитающих, включая человека. Однако в случае чрезмерности последствия агрессивных действий могут быть неадекватными [18,22].

В настоящее время термин «агрессия» рассматривается с различных точек зрения и имеет множество различных трактовок. Термин «агрессия» произошёл от лат. «aggredior», буквально означает «нападать, идти вперед, приближаться», а также от французского «aggressif» — нападающий, воинственный. Однако, если рассматривать более детально, то лат. «aggredi» понимается, как «предъявлять притязание, требовать чего законным порядком», что само по себе носит положительный окрас. В англ. «aggressiveness» так же заложен двойной смысл этого термина: с одной стороны агрессивность и враждебность, а с другой настойчивость и напористость.

В большинстве случаев под агрессией понимается такой вид поведения, который наносит непосредственный вред. По мнению А.Н. Buss (1961), агрессия, это такой вид поведения, который содержит как угрозу, так и наносит ущерб, а D. Zillman (1979) рассматривал агрессию, как «попытку нанести другим повреждения, телесные или же физические». [5,23] Есть мнение, что агрессия может быть воспринята, как тенденция приближения к объекту или же удаления от него (L BENDER., 1963), а так же, что агрессивность является поведенческой реакцией, которая может характеризоваться проявлением направленной силы в попытке нанести вред или ущерб личности или обществу [3].

В большом психологическом словаре дано следующее определение термина «агрессия» - мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленному и неодушевленному), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.) [32]. Так же в словаре даётся и определение агрессивного поведения, а именно как одну из форм реагирования на различные неблагоприятные в физическом и психическом отношении жизненные ситуации, вызывающие стресс, фрустрацию и т. п. состояния.

Многие авторы расценивают агрессию, как негативное явление, целью которого является причинение вреда или ущерба другому лицу (L Berkowitz, R. Baron, D. Richardson,). R. Baron, D. Richardson (2000) дают следующее определение термину агрессия – «Агрессия — это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения».[2,4,27]

К проблеме в определении понятия «агрессия» обращались многие авторы и исследователи. Так, Л.М. Барденштейн и Ю.Б. Можгинский дали определение патологической агрессии в виде группы феноменов деструктивного поведения, сутью которых являются разрушительные действия и словесные угрозы, которые обусловлены взаимодействием трёх факторов (биологических, психологических и психопатологических) [26].

Важно отметить и тот факт, что имеет место быть смешение двух понятий: агрессии, как формы поведения и агрессивности, как психического свойства личности (Б.Д. Цыганков, Ю.А. Берсенева, 2012) [28]. При этом смешивание этих двух понятий, ведет к еще более размытым границам каждого из них.

Термин «агрессия» неоднозначен: было найдено множество интерпретаций, и он часто используется как синоним насилия. В DSM-5 насилие определяется как «состояние чрезмерной психомоторной активности, сопровождающееся повышенным напряжением и раздражительностью», приводящее к непродуктивному и повторяющемуся поведению» (2016) [12].

В терминологии часто встречается такое понятие, как «аутоагрессия», т.е. такой вид агрессии, который направлен на себя. Аутоагрессия определяется как намеренная (осознаваемая или неосознаваемая) деятельность, направленная на причинение себе вреда во всех сферах (физической, психической, социальной) (Ф.Р. Агазаде, 1987, 1989; Д.И. Шустов, 2005). [25,61] М.В. Нэнси (1998) оценивает аутоагрессию, как психологический механизм защиты. Г.Я. Пилягина (2013,2014) считает, что в возникновении аутоагрессии необходимо как минимум три компонента: фрустрированный человек с формирующимся внутренним конфликтом, подавляющий свою агрессию, и одновременно отрицающий свои социализированные навязанные убеждения, психотравмирующая ситуация и обратная отрицательная связь в виде несбывшихся ожиданий по отношению к объекту и увеличивающимся напряжением ситуации, агрессивностью субъекта а также непреодолимой потребностью разрешения внутрилличностного конфликта [35,36].

А.В. Ипатов (2012) рассматривает аутоагрессию, как патологическое психическое состояние, характеризующееся социально-психологической дезадаптацией на

фоне личностного конфликта [31]. О.В. Деривянкина, А.В. Савина (2016) указывают на понимание аутоагрессивного поведения, как вторичной психологической защиты, в ходе чего человек перенаправляет негативный аффект на себя [29].

Согласно определению С.С. Степанова (2004) аутоагрессия понимается как вид агрессивного поведения, при котором агрессия не может быть направлена на раздражающий объект, а направлена на самого себя [39]. А.М. Каминер, Е.А. Майорова (2003) оценивают такое поведение, как поведение лиц, которые страдают депрессивными или невротическими расстройствами [32].

МКБ-10, трактует агрессию как поведение, наносящее вред, направленный на самого себя или же на других, а так же мотивированный гневом. Возрастные особенности агрессивного поведения учитываются в МКБ-10. Согласно МКБ-10, агрессивное поведение подростков включено в раздел - расстройства поведения (F91) и характеризуется, как повторяющееся, устойчивые образцы необщительного, агрессивного или вызывающего поведения, при этом степень выраженности больше, чем обычное детское непослушание или подростковая недисциплинированность, и может длиться значительное время (6 месяцев и дольше). При этом необходимо исключать такие заболевания, как шизофрения (F20), аффективные расстройства настроения (F30 – F39), общие расстройства психологического развития (F 84), смешанные расстройства поведения и эмоций (F92).

В тоже время DSM-IV (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders IV) выделяет четыре типа расстройств поведения: агрессия по отношению к другим, уничтожение имущества, обман или воровство, серьезные нарушения правил. При этом не делается акцента на длительность данных расстройств. Более того, в DSM-IV нет четкого определения термина «агрессивного поведения». На наш взгляд, термин «агрессивное поведение» четко не определен и в DSM-V, так как отдельно не выделен. В классификации DSM-V, агрессивное поведение взрослых рассматривается, как симптом таких заболеваний как: биполярное аффективное расстройство, шизофрения, деменции различной этиологии, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и острое стрессовое расстройство. В тоже время подростковая агрессия как симптом включена в расстройства аутистического спектра, умственной отсталости, синдром дефицита внимания / гиперактивности (СДВГ) (KE Saylor, BH Amann, 2016) [17].

По данным исследователей, значительная доля правонарушений с агрессивным поведением приходится на пациентов больных шизофренией (А.Р. Мохонько, Е.Я. Щукина, 2001; P.J. Taylor, J. Gann, 1999)[19,34].

Агрессивное поведение является одной из наиболее частых причин направления подростков на консультацию в психоневрологический диспансер (ПНД), в психиатрические клиники и может сочетаться с психическими или неврологическими расстройствами (Д.Ф. Коннор, 2002; К.З. Бамбауэр, Д.Ф. Коннор 2006; П.С. Дженсен, 2007) [9,10,13].

Среди отечественных исследователей особое внимание уделили агрессивному поведению подростков Л.М. Барденштейн и Ю.Б. Можгинский[26]. В своей работе выделили 3 клинических формы патологической подростковой агрессии, а именно ситуационная, импульсивная и сверхценная. Так, авторы рассматривают ситуационную агрессию, как ответ на психотравмирующую ситуацию и связана по большей части с проявлением конфликтной реакции. При определении импульсивной агрессии делается упор на наличие симптомов расстройств двигательной сферы и садистических компонентов. При сверхценной форме агрессии, авторы обращают внимание на наличие патологических идей неприязни, месть или же ненависти. Так же авторы считают, что виды патологической агрессии можно разделить на психотическую с наличием галлюцинаторно-бредовой симптоматики, депрессии тяжелой степени, расстройств сознания и импульсивно-стереотипных действий. А при отсутствии вышеупомянутых симптомов, как не психотическую. Исследователи подчеркивают важность клинического анализа каждого конкретного случая.

А.А. Реан (1997,2001) в своих исследованиях проблемы подростковой агрессии предложил ввести понятие «аутоагрессивный паттерн личности». Аутоагрессия, по его мнению, представляет собой сложный личностный комплекс, функционирующий и проявляющийся на различных уровнях и выделил 4 субблока: характерологический субблок, коррелирующий с некоторыми чертами и особенностями характера, самооценочный субблок в обратно пропорциональной зависимости: чем выше аутоагрессия личности, тем ниже самооценка собственных способностей. Интерактивный субблок в виде связи аутоагрессии личности со способностью/неспособностью к успешной социальной адаптации. Уровень аутоагрессии личности отрицательно коррелирует с общительностью и положительно — с застенчивостью. Социально-перцептивный субблок — наличие аутоагрессии связано с особенностями восприятия других людей [38].

Некоторые исследователи обращают своё внимание на взаимосвязи между различными видами агрессии и девиантного поведения у подростков. Так Д.А. Дубровина (2015) в своей работе делает акцент на взаимосвязь вербальной агрессии и девиантного поведения подростков и получила данные о тесной взаимосвязи между вербальной агрессией и отклоняющимся поведением у подростков [30].

Исследования подростков показали, что подвержены вербальной форме агрессии 66,5% и физической агрессии 32,0%. (ANP Esteban, CCT Contreras, SPO Rodríguez, MSC Aldana, LMD Bueno, BADPN Silva)[11]. Так же, было показано, что 69,5% подростков были свидетелями, 35,8% потерпевшими, 14,2% агрессорами. В этом роде агрессия, в виде травли, проявляется как широкий и градиентный спектр, который включает физическое, психологическое, социальное издевательство и насилие, связанное с нарушением личностных границ (D. Olweus 2013)[16]. В рамках изучения проблемы «буллинга» становится понятно, что в основе могут находиться конкурентные отношения в школьном контексте. Ряд исследователей высказывают предположение, что это может быть оправдано попыткой быть принятыми другими группами, которые считаются более популярными, что ставит молодых людей, которые являются жертвами, на более низкие позиции, порождая зависимость и уязвимость. У этих молодых людей может быть дефицит социальных навыков, что мешает им заводить друзей и быть принятым в обществе.

Зарубежные исследователи обращают своё внимание на связь реактивной агрессии у подростков и депрессивных расстройств (F. Vitaro, M. Brendgen, R.E. Tremblay 2002) [21]. Существует мнение, что эта связь может влиять на суицидальное поведение подростков (K. R. Conner, S. Meldrum, W.F. Wiczorek, P.R. Duberstein, J.W. Welte, 2004) [9].

Важно понимать, что подобные отклонения поведе-

ния влекут за собой негативные последствия в виде социальной дезадаптации. Так в проведенных испанскими учеными исследованиях было выявлено, что 6264 правонарушителя были в возрасте от 14 до 15 лет, а 9 908 - в возрасте от 16 до 17 лет, большинство из которых были осуждены за тяжкие преступления (4 758) (Национальный институт статистики Испании, 2012) [14].

Выводы

Исходя из проведенного анализа становится понятно, что до сих пор не выделено единого подхода в определении девиантного поведения и агрессии, а также выделения четких границ, где заканчивается одно и начинается другое. Большое количество исследований по проблеме агрессии свидетельствует о том, что эта тема важна и интересна. Таким образом, анализ проблем агрессивного и девиантного поведения показывает сложности в формировании единой концепции профилактики и терапии девиантного и агрессивного поведения, так как исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о том, в рамках чего рассматривать данные виды отклонений. Остаётся много пробелов в рамках единого понимания проблемы и систематизации к подходу. Данный факт можно отнести и к медицинскому аспекту в рамках формирования медицинских классификаций, которые так же либо не имеют точек соприкосновения, либо отстают в адаптации. Отсутствие единой концепции понимания проблемы не даёт возможности стандартизировать подходы профилактики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bambauer KZ, Connor DF. Characteristics of aggression in clinically referred children. *CNS Spectr*. 2005 Sep;10(9):709-18. doi: 10.1017/s1092852900019702. PMID: 16142211.
2. Baron R., Richardson D. Агрессия: пер. с англ. – С.Петербург, «Питер», 1997. – 330 с.
3. BENDER L. Mental illness in childhood and heredity. *Eugen Q*. 1963 Mar;10:1-11. doi: 10.1080/19485565.1963.9987536. PMID: 13967340.
4. Berkowitz, L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation. *Psychological Bulletin*, 106(1), 1969, 59–73.
5. Buss A.H. The psychology of aggression. N.Y., John Willy, 1961.
6. Charles D., *The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex* (1st ed.), London: John Murray, 1971
7. Charles D., *On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life* (Full image view 1st ed.), London: John Murray, 1859 -с. 502.
8. Conner K.R., Meldrum S., Wiczorek W.F., Duberstein P.R., Welte J.W. The association of irritability and impulsivity with suicidal ideation among 15- to 20-year-old males // *Suicide and life-threatening behavior*. - 2004. - Vol. 34. - P. 363-373.
9. Conner K.R., Meldrum S., Wiczorek W.F., Duberstein P.R., Welte J.W. The association of irritability and impulsivity with suicidal ideation among 15- to 20-year-old males // *Suicide and life-threatening behavior*. - 2004. - Vol. 34. - P. 363-373
10. Conner KR, Hesselbrock VM, Schuckit MA, Hirsch JK, Knox KL, Meldrum S, Bucholz KK, Kramer J, Kuperman S, Preuss U, Soyka M. Precontemplated and impulsive suicide attempts among individuals with alcohol dependence. *J Stud Alcohol*. 2006 Jan;67(1):95-101
11. Esteban ANP, Contreras CCT, Rodríguez SPO, Aldana MSC, Bueno LMD, Silva BADPN. Bullying in adolescents: role, type of violence and determinants. *Rev Esc Enferm USP*. 2020 Oct 26;54:e03625. Spanish, English. doi: 10.1590/S1980-220X2019026003625. PMID: 33111736.
12. Garriga M, Pacchiarotti I, Kasper S, Zeller SL, Allen MH, Vázquez G, Baldaçara L, San L, McAllister-Williams RH, Fountoulakis KN, Courtet P, Naber D, Chan EW, Fagioli A, Möller HJ, Grunze H, Llorca PM, Jaffe RL, Yatham LN, Hidalgo-Mazzei D, Passamar M, Messer T, Bernardo M, Vieta E. Assessment and management of agitation in psychiatry: Expert consensus. *World J Biol Psychiatry*. 2016;17(2):86-128. doi: 10.3109/15622975.2015.1132007. PMID: 26912127.
13. Jensen PS, Youngstrom EA, Steiner H, Findling RL, Meyer RE, Malone RP, Carlson GA, Cocco EF, Aman MG, Blair J, Dougherty D, Ferris C, Flynn L, Green E, Hoagwood

- K, Hutchinson J, Laughren T, Leve LD, Novins DK, Vitiello B. Consensus report on impulsive aggression as a symptom across diagnostic categories in child psychiatry: implications for medication studies. *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry*. 2007 Mar;46(3):309-322. doi: 10.1097/chi.0b013e31802f1454. PMID: 17314717.
14. McWilliams, N, PSYHOANALYTIC DIAGNOSIS Understanding Personal Structure in the Clinical Process / Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. — М.: Независимая фирма "Класс", 2001. — 480 с. — (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 49).
 15. Nacional de Estadística. Estadística de condenados: Menores. Año 2012. Condenadas Personas: Resultados Nacionales. INE; 2012. [13 apr. 2018].
 16. Olweus D. School bullying: development and some important challenges. *Annu Rev Clin Psychol*. 2013;9:751-80. doi: 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516. Epub 2013 Jan 3. PMID: 23297789.
 17. Saylor KE, Amann BH. Impulsive Aggression as a Comorbidity of Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder in Children and Adolescents. *J Child Adolesc Psychopharmacol*. 2016 Feb;26(1):19-25. doi: 10.1089/cap.2015.0126. Epub 2016 Jan 8. PMID: 26744906; PMCID: PMC4779282.
 18. Takahashi A, Miczek KA. Neurogenetics of aggressive behavior: studies in rodents. *Curr Top Behav Neurosci*. 2014;17:3-44. doi: 10.1007/7854_2013_263. PMID: 24318936; PMCID: PMC4092042.
 19. Taylor PJ, Gann J. Homicides by people with mental illness: myth and reality. // *Br. J. Psychiatry*, 1999, Vol. 174, Jan., pp. 9-14
 20. Veroude K, Zhang-James Y, Fernández-Castillo N, Bakker MJ, Cormand B, Faraone SV. Genetics of aggressive behavior: An overview. *Am J Med Genet B Neuropsychiatr Genet*. 2016 Jan;171B(1):3-43. doi: 10.1002/ajmg.b.32364. Epub 2015 Sep 8. PMID: 26345359.
 21. Vitaro F, Brendgen M, Tremblay R.E. Reactively and proactively aggressive children: Antecedent and subsequent characteristics // *Journal of child psychology and psychiatry*. - 2002. - Vol. 43. - P. 495-505.
 22. Waltes R, Chiochetti AG, Freitag CM. The neurobiological basis of human aggression: A review on genetic and epigenetic mechanisms. *Am J Med Genet B Neuropsychiatr Genet*. 2016 Jul;171(5):650-75. doi: 10.1002/ajmg.b.32388. Epub 2015 Oct 22. PMID: 26494515.
 23. Zillman D. Hostility and aggression. Hillsdale, N.J., 1979.
 24. Агазаде Н.В. Применение методики определения уровня аутоагрессивности для активного выявления суицидальных тенденций // *Азмеджурнал*. — 1986. — № 2. — С. 51–54.
 25. Агазаде Н.В. Типология аутоагрессивных явлений при психической патологии и меры их профилактики: методические рекомендации. — Баку, 1989.
 26. Барденштейн Л.М., Можгинский Ю.Б.. Патологическая агрессия подростков - Изд. 2-е, перераб. и доп. - М. :Медпрактика-М, 2005 (ПИК ВИНТИ). - 259 с. : ил., табл.; 20 см.; ISBN 5-98803-020-3 (в обл.)
 27. Басс А.Г. Психология агрессии. Вопросы психологии. М.: ТЦ Сфера, 1967, №3. -204 с.
 28. Берсенева Ю.А., Цыганков Б.Д. Внутрибольничная агрессия в психиатрическом стационаре. Монография. — М. — 2011. — 293 с.
 29. Деривянкина О.В., Савина А.В. Психолого-педагогические аспекты появления аутоагрессивного поведения у подростков в школе // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. — 2016. — Т. 29. — С. 126–131.
 30. Дубровина Д.А. Взаимосвязь вербальной агрессии и отклоняющегося поведения подростков // *Педагогическое образование в России*. 2015. №6.
 31. Ипатов А.В. Личность аутодеструктивного подростка. Исследование и Коррекция. Монография. — СПб.: Издательство «Аура Инфо», 2012 г. — 248 с.
 32. Каминер А.М., Майорова Е.А. Психолого-педагогические аспекты девиантного поведения подростков и молодежи: Учебно-методическое пособие - М.: АПК и ПРО, 2003. -83 с.
 33. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. 3-е издание. М., 2002.
 34. Мохонько А.Р., Шукина Е.Я., Клинико-эпидемиологический анализ психических больных, совершивших общественно опасные действия, Психиатрия и общество. — М., 2001, с. 275-284.
 35. Пилягина Г.Я., Чумак С.А., Предикторы формирования и рецидивирования саморазрушающего поведения // *Суицидология*. 2014. №2 (15).
 36. Пилягина Г.Я., Особенности патогенеза эквивалентной формы саморазрушающего поведения // *Суицидология*. 2013. №3 (12).
 37. Попова А.А. Основные научные подходы к исследованию феномена агрессии // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2015. №2 (158).
 38. Реан, А.А. Психология личности в трудах зарубежных психологов. Хрестоматия. — 1-е издание. — Санкт-Петербург, 2001. — 320 с. — (Хрестоматия). — ISBN 5-272-00143-5
 39. Степанов С.С. Дефектология. Словарь справочник. — М.: Сфера.- 2004 —208с.
 40. Шипова Л.В. Агрессия подростков с умственной отсталостью: психологический контекст: учебное пособие/ Сост. — Саратов, 2015. — 202 с.
 41. Шустов Д.И. Аутоагрессивность и иллюзия бессмертия // *Журнал практической психологии и психоанализа*. №1 март. — 2005.

© Хромова Людмила Константиновна (r-lyusia@mail.com), Гуревич Константин Георгиевич (kgurevich@mail.ru),
Архангельская Анна Николаевна (Cattiva@list.ru), Цыганков Борис Дмитриевич (boristsyganikov@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОСПРИЯТИЕ МУЗЫКИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Швецова Ольга Юрьевна

*К.культурологи, доцент, ФГБОУ ВО «Нижевартовский
государственный университет»
O.Y.N.rus@yandex.ru*

Корчагина Анастасия Олеговна

*музыкальный руководитель МАДОУ ДСН[№]37; ФГБОУ ВО
«Нижевартовский государственный университет»
89227818737@mail.ru*

PERCEPTION OF MUSIC AS AN OBJECT OF RESEARCH IN PSYCHOLOGY

**O. Shvetsova
A. Korchagina**

Summary: The perception of music is a complex multi-level process, including the physical hearing of music, its understanding, experience and evaluation, as well as the sensory perception of the sound side of musical material. The purpose of the study was to identify the multidimensionality of the problem of music perception, the main characteristics and mechanisms of the process of music perception. The object of research is the process of perception of music within the framework of musicology in the works of domestic and foreign authors: from the original meaning, where the main emphasis was on psychophysiological processes, and musical perception was studied in conjunction with sensations, hearing, perception to the allocation of psychological characteristics and specific properties, such as integrity, figurativeness, constancy, musical and intonational specificity, temporal sequence. The authors come to the conclusion that the specificity of musical perception is due to the intonational nature of music as an art.

Keywords: musical perception, psychology, musical activity, research, process.

Аннотация: Восприятие музыки – сложный многоуровневый процесс, включающий физическое слышание музыки, ее понимание, переживание и оценку, а также чувственное восприятие звуковой стороны музыкального материала. Цель исследования заключалась в выявлении многоаспектности проблемы восприятия музыки, основных характеристик и механизмов процесса восприятия музыки. В качестве объекта исследования выступает процесс восприятия музыки в рамках музыкознания в трудах отечественных и зарубежных авторов: от первоначального значения, где основной акцент делался на психофизиологических процессах, а музыкальное восприятие изучалось во взаимосвязи с ощущениями, слухом, восприятием до выделения психологических характеристик и специфических свойств, таких как целостность, образность, константность, музыкально-интонационная специфика, временная последовательность. Авторы приходят к выводу, что специфика музыкального восприятия обусловлена интонационной природой музыки как искусства.

Ключевые слова: музыкальное восприятие, психология, музыкальная деятельность, исследование, процесс.

Процесс восприятия музыки сопровождает все виды музыкальной деятельности. Исходя из этого положения, изучение специфики и закономерностей восприятия музыки является актуальным, так как способно помочь в поиске новых путей и методов развития музыкальной педагогики.

Отечественные ученые, занимавшиеся изучением восприятия, рассматривали данный вопрос комплексно. Так, Е.В. Назайкинский отводил центральную роль в решении проблем восприятия музыкознанию, особо выделив важность четкого, осознанного и последовательного отражения их в теоретическом аппарате музыковедческих дисциплин. [1]. Восприятие музыки обладает процессуальным характером. А.Н. Сохором описываются такие стадии, как процесс установки на восприятие и зарождение интереса; непосредственно прослушивание, понимание и переживание; личная интерпретация и оценивание [2]. З.Г. Казанджиевой-Велиновой также выделено три стадии восприятия музыки: докоммуникативная основана на готовности слушать; коммуникативная является отражением процесса восприятия; посткоммуникативная стадия предполагает

осмысливание музыкального произведения по завершению прослушивания.

Психология музыки в виде специализированной научной дисциплины выделилась еще в первой половине прошлого века, и была структурно представлена направлением музыкальной теории в связке с психологией. Фундаментом для ее развития стало направление экспериментальной психофизиологии, в рамках которого исследовались качественные показатели органов слуха, производились измерения частотного диапазона и определялись основные характеристики чувствительности слуха. Результаты измерений использовались исключительно в качестве дополнительных материалов, позволяющих уточнить взаимосвязь процесса восприятия и реальных возможностей органа слуха. Связь звуковысотной, динамической и тембровой составляющих слуха, а также особенности их функционального механизма детально описал в своих трудах Г. Гельмгольц. Ученый смог обосновать и подтвердить связь экспериментальных показателей со всеми основными закономерностями музыки [Цит.по 1, с.13]. На основании развернутых исследований звуковых колебаний и спец-

ифики их обработки органом слуха удалось определить, что решающее значение в формировании конечных слуховых ощущений имеют процессы анализа частотных составляющих звука. Ученый рассмотрел практически весь спектр вопросов, затрагивающих слуховое восприятие музыкальной информации. На основании результатов предпринятых исследований Г. Гельмгольцем была выдвинута резонансная теория слуха, которая стала предпосылкой для дальнейшего развития направлений физиологической (психофизиологической) и музыкальной акустики.

Предпринятые на нынешнем этапе развития научной мысли исследования слуха позволили более точно оценить отдельные составляющие восприятия музыки. Направление музыкальной и физиологической акустики стало темой множества работ ученых. В одной из них Н.А. Гарбузовым и А.А. Володиным была обоснована возможность дальнейшего совершенствования психологии слуха [Цит. no 1, с.22].

Перечень вопросов, которые рассматриваются в учении о музыкальном слухе, включает все главные составляющие восприятия музыки, в том числе изучение роли сенсорных материалов, а также влияния на особенности восприятия музыкального контента индивидуальных качеств слуха.

Швейцарский музыкальный психолог Эдвард Курт посвятил одну из своих работ детальному рассмотрению основных закономерностей восприятия музыки и обосновал взаимную зависимость музыкально-теоретической и психологической составляющих этого процесса. При подготовке работы, которая описывала возникающие при прослушивании музыки личные впечатления и переживания, ученый использовал методы гештальтпсихологии, а также весь арсенал средств интроспективной психологии. Анализируя логику восприятия музыки, Э. Курт описал его как наполняющую музыкальное пространство энергетику движения, способную преодолеть эмоциональную определенность звуковой информации [Цит. no 1, с.26].

Интонационное восприятие музыки – фундамент формирования базовых способностей, необходимых в разных видах музыкальной деятельности. основоположники советского музыкального образования Б.Л. Яворский и Б.В. Асафьев подчеркивали, что задача воспитания слуха и мышления у музыкальной личности является фундаментальной проблемой музыкальной педагогики в целом [3]. Б.В. Асафьев выдвинул принципиально отличную от куртовской теории восприятия концепцию музыкальной формы как некоего «комплексного процесса». Предложенная им теория была основана на жанровой и общественно-языковой детерминации музыкальных произведений и влияющих

на их восприятие таких неотъемлемых категорий, как интонация, речь и интонационный словарь. Эволюция музыкальных форм, согласно Б.В. Асафьеву, заключается в увеличении продолжительности восприятия и максимальном наполнении завоеванного звукового пространства [Цит. no 1, с.28].

Со временем понятие музыкальное восприятие существенно обогатилось, будучи представленным уже не только соотносительной психологической характеристикой, но и указанием на специфические свойства: целостность, образность и константность. Как подчеркивал Е.В. Назайкинский, идеи российских и зарубежных специалистов – психологов и применение принципов гештальтпсихологии позволило более точно сформулировать основные принципы музыкального восприятия. Этот процесс, соединивший в себе взаимоисключающие черты – целостность и дифференцированность, тем не менее, обличается абсолютно целостным подходом. Ему присуща возможность движения от главного к частностям, или наоборот – от частей к общему, и это качество является неотъемлемым свойством любой музыкальной деятельности. Динамика объединяющей и разграничивающей составляющих процесса направлена на конкретную цель – доведения материала до объекта воздействия. При этом качество восприятия им музыки определяется множеством факторов, в том числе личностной установкой слушателя.

Б.М. Теплов изучал процесс музыкального восприятия, рассматривая его составляющие с многих позиций. Ученый обратил особое внимание на корректирующую функцию восприятия, существенно влияющего на исполнение и в целом на музыкальное творчество. Кроме того, он выявил и детально описал основные закономерности, от которых зависит успех восприятия и формирование соответствующих навыков в процессе психического развития личности [4]. Исследователь детально остановился на роли, которую играют моторные компоненты восприятия, а также обосновал, что одним из определяющих факторов воздействия музыки является её эмоциональная составляющая. Получило всеобщую известность определение, которым Б.М. Теплов описал суть музыки как важнейшего эмоционального средства познания окружающего мира.

Правильному пониманию музыкального восприятия способствовали работы представителей различных направлений психологии, в которых авторы конкретизировали процессы формирования психики, обосновали роль опережающего отражения и значение психологических установок, а также особенностей долговременной и оперативной музыкальной памяти. В рамках изучения составляющих процесс восприятия перцептивных действий значительный интерес для исследователей представляют работы ученых А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева

и ряда других авторов [5-6]. В их исследованиях восприятие рассматривается не просто в качестве вида психической активности, но и как перцептивное действие, которое ориентировано на решение конкретной задачи и служит предпосылкой для выстраивания образов, соответствующих реальности и особенностям деятельности индивида. По мнению А.Н. Леонтьева, особенность развития психики состоит в том, что этот процесс происходит посредством присвоения объекту воздействия определенного социального опыта. К примеру, запечатленного в созданных человеком предметах, орудиях труда и произведениях искусства [6]. Речевую информацию и музыку в этом контексте можно рассматривать в качестве различных видов звуковой активности, которые способны обеспечить формирование навыков восприятия и развивают воспринимающую систему объекта.

Кроме прочих составляющих, восприятие музыки содержит в себе так называемые пространственные компоненты. Так принято называть связанные с музыкальным материалом изображения и образы. Они многообразны и могут выглядеть как соответствующие ритму рисунки, визуализации нотных текстов и любые другие объемные или двумерные композиции. Главная особенность этих компонентов заключается в том, что все они являются продуктом впечатлений, связанных со звуковой локализацией или пространственными свойствами звучания.

Эрнст Курт отмечал, музыкальные пространства имеют структуру с множеством корней, а ощущения, которые они создают у слушателя, не случайны, а функционально связаны со слухом и проявляются в виде сформированных фантазий [7]. В своих работах ученый представил детальный анализ проявлений пространственности, уточнив при этом такие понятия, как вертикаль, горизонталь и глубина музыкального пространства. Также Э.Курт подчеркнул значение и важную роль в восприятии мелодий и других музыкальных форм, которые создают зрительные, осязательные, слуховые и моторные предпосылки.

Известный исследователь музыкальной психологии А. Веллеком писал о неразрывной связи внешнего слухового пространства и создаваемых им впечатлений с общими музыкальными законами [Цит. по 1, с.31]. Наш соотечественник Б.М. Теплов также подчеркивал значение пространственных представлений, ответственных за целостный охват объектом музыкального произведения [4].

Изучая проблему пространственности восприятия музыки, следует обратить внимание на звуковысотные характеристики произведений. Формируемые звукоорядом пространственные представления тесно связаны с аккордикой, на них влияют тембры, регистры и взаимное расположение голосов, а также составляющие многоголосое целое отдельные линии и фактурные пласты. Связать пространственные представления с восприяти-

ем музыки позволяют присущие музыкальным звукам свойства, которые имеют не только временной, но и пространственный характер. Получить информацию о пространственно-временных характеристиках исполнения можно при помощи зрения и слуха. Чтобы обеспечить правильное восприятие музыкального материала, следует учесть факторы, которые влияют на точное определение расположения в пространстве источников звука – исполнителей, отдельных инструментов и оркестра в целом:

- связь тембра и громкости с расстоянием до источников звука;
- корреляция тембровых и амплитудных характеристик источников звуковых сигналов в зависимости от расположения;
- обусловленность звуковой волны расстоянием;
- различие в направленности, параметрах громкости и задержки прихода звуковых сигналов.

Комплекс реальных акустических предпосылок является основой для возникновения у объекта восприятия пространственных ощущений, образное и эстетическое наполнение которых зависят от контекста звуковой картины [1]. Фундаментальной базой, на основании которой происходит формирование пространственных ощущений и представлений, служит двигательный опыт. У воспринимающего пространство объекта одновременно активируются ощущения зрительного, осязательного и мышечного характера. Так, несколько простых звуков равной длительности при различных движениях дирижерской палочки могут восприниматься по-разному и иметь различный метрический смысл.

Иницируемые движением пространственные образы обычно бывают тесно взаимосвязаны с изобразительным характером произведений. К примеру, в целом симметричная тема прогулки во всемирно известной сюите М.П. Мусоргского «Картинки с выставки» создает у слушателя впечатление движения – сначала в одну, а потом в обратную, прямо противоположную сторону, по одному и тому же пути. Важное значение имеет жанровая основа пространственно-двигательных образов. Так, прослушивание написанного М. Глинкой в форме увертюры симфонического произведения «Камаринская» может рождать у слушателя стойкие представления о кружении в вальсе или плавном движении в полонезе. Наиболее ярко способны формировать пространственно-двигательную составляющую восприятия народные песни и балетная музыка – материал, основой звуковой организации и динамики мелодического рисунка которого в первую очередь является именно движение. Возникающие в сознании слушателя пространственно-двигательные представления могут быть определены различными двигательными компонентами. Например, соответствующие движения рук вызывают стойкие ассоциации с крыльями, движущимися облаками или вол-

нами морского прибора. Создаваемые образы служат свидетельством органичной взаимозависимости двигательных составляющих восприятия и совокупности мелодических, ритмических и эмоциональных средств музыки. Следовательно, кроме непосредственно звуковых сигналов на восприятие музыки существенное влияние оказывает двигательная область (моторика) и зрительные процессы. Известный музыкальный педагог В.Н. Холопова считает, что именно двигательный момент является основным связующим звеном, обеспечивающим эффективное взаимодействие слухового и визуального восприятия [Цит. по 8, с. 134]. Зрительное подкрепление в контексте музыкального восприятия основано на формировании непосредственных впечатлений во время прослушивания музыки, а также ассоциативном ряде, основанном на ранее полученном опыте.

Даже нейтральные звуки благодаря их взаимодействию с всевозможными тематическими конструкциями и интонационными оборотами способны становиться яркими и вызывать впечатления, идентичные тематическим построениям. Е.В. Назайкинским при анализе музыкальных форм прямо указывается на необходимость рассмотрения отдельных звуков и их повторений в качестве тематически значимых, обладающих как музыкальным смыслом, так и эмоциональной окраской [Цит. по 8, с. 134]. Впечатления, которые создаются благодаря отдельным звукам, по мнению Д.К. Кирнарской, Н.И. Киященко, К.В. Тарасовой и др. объединяются в более крупные объекты восприятия, а музыкально-смысловое единство целого способствует лучшему восприятию отдельных элементов. Звуки, неизменные во всех отношениях, не способны объединяться в целое, в то время как даже незначительные звуковые модификации способны восприниматься как движение, объединяющееся в целое [9].

Вопросы генезиса музыкального восприятия детально рассмотрены в ряде работ А.Л. Готсдинера. На основе проведенных экспериментальных исследований ученый описал основные составляющие, а также этапы формирования активного интереса и совершенствования способностей к восприятию музыкальной информации. В их числе:

- стадия сенсомоторного научения. На этом этапе происходит адаптация слухового аппарата к восприятию окружающих звуков, ребенок учится извлекать полезные звуки и отфильтровывать шумы. Слуховой рефлекс (ориентировочный) сопровождается эмоциями и элементарной мыслительной деятельностью. Однако на данной стадии наблюдается пассивность развития слухового восприятия, что обусловлено отсутствием у ребенка активных мышечных движений;
- стадия перцептивных действий. Благодаря развитию движений у ребенка появляется возможность исследования слышимых им звуков, а также

развивается способность подражания и развития соответствующих звуковым раздражителям мышечных реакций. Слуховая система данного возрастного этапа позволяет ребенку отслеживать звукочастотные и ритмические контуры мелодий, а также динамические изменения звучания (с неточным различением звуков);

- стадия, на которой образуются эстетические модели, формируется относительно устойчивое эмоциональное и оценочное отношение к музыке. В это время происходит обобщение представлений о ладах, жанровой окраске, музыкальной форме и стилях;
- эвристическая стадия, представленная непосредственно процессами восприятия музыки, на которой формируется способность проявлять слуховую активность и предвосхищать развитие музыкального произведения [10, с. 242-243].

Как считает В.В. Медушевский, стиль восприятия музыки слушателем структурно подобен композиторскому и исполнительскому, ему присуща эволюция, которая происходит на основе развития личности и использования индивидуумом собственного, уникального и неповторимого кода распознавания [11].

Е.В. Назайкинским процессы музыкального восприятия описаны в качестве осмысленного, художественного и образного восприятия, которое адекватно формируется в массовом сознании и обогащает музыкальную культуру идеалами, нормами понимания и личной оценки. Ученый писал, что все эти составляющие способны обеспечить понимание музыки как вида искусства, являющегося художественным и эстетическим феноменом [1]. По мнению автора, успех восприятия обусловлен целями, которые свойственны данному социуму. В качестве примера Е.В. Назайкинским приводил такие категории, как самосовершенствование, художественное познание, развитие личностных качеств и т.д. Уровень соответствия реального восприятия опыту художественной культуры можно считать критерием адекватности восприятия, одним из главных условий которого служит наличие активно-творческого подхода личности, которая стремится как к наиболее полному освоению явлений культурной действительности, так и обнаружению в них глубинных смыслов с собственной точки зрения [1, 135].

С психофизиологических позиций музыкальному восприятию присущи такие свойства, как ассоциативность, эмоциональная напряженность, чувственный характер, образность и осмысленность. А в качестве обобщенных характеристик объекта музыкального восприятия выступают целостность, дифференцированность, константность, временная последовательность, устойчивость структуры и музыкально-интонационная специфика [12, с. 382].

Л.А. Безбородова анализировала процессы восприятия музыки в качестве важной составляющей музыкальной педагогики, помогающей слушателям глубже знакомиться и изучать музыкальные произведения любого стиля и жанровой окраски. Эффективное восприятие музыки во всех случаях является результатом совместного воздействия всего арсенала средств художественной и музыкальной выразительности. В их число входят динамические и темповые оттенки, изменения регистра, компоненты метроритмической специфики и другие нюансы [13].

Для трудов О.А. Апраксиной характерно отождествлений понятия музыкального восприятия с общим восприятием музыки и другой звуковой информации в зависимости от содержания. По мнению автора, восприятие музыки является частной формой эстетического восприятия. Слушатель воспринимает произведения не в виде механической суммы отдельных звуков, а слышит и эмоционально сопереживает музыкальным образам во всем богатстве художественного отображения [14]. В работах В.Н. Шацкой отмечается, что полноценное музыкальное восприятие невозможно без эмоциональной отзывчивости слушателя и его способности формировать собственные суждения о музыке [15]. Е.С. Борисова характеризует процесс восприятия музыки как сложное многоуровневое действие с необходимыми составляющими физического слушания и понимания музыкального материала, способности переживать и оценивать его, а также во всей полноте улавливать непосредственно-чувственный компонент музыкального материала [16]. С точки зрения Б.С. Рачиной, в работе с детьми особенно необходимо активное обучение и развитие способностей музыкального восприятия. Это длительный процесс, успех которого приходит с постепенным развитием музыкального слуха, языка и речи, и совершенствованием такого важного инструмента, как музыкальная память [17].

Восприятие музыки удобно представить в виде сложного чувственного процесса, объединяющего тонкое ощущение сенсорики звуков и совершенства зву-

чий, возрождающего воспоминания былого и создающего образные ассоциации с реалиями сегодняшнего дня. Полноценное восприятие музыки включает в себя умение принимать и понимать музыкальные образы, следить за их развитием по ходу произведения и вырабатывать собственные ответные реакции. Кроме того, слушатель должен обладать способностью узнавать конкретные сочинения по особенностям темпа, ритма, лада, гармонии и всему разнообразию формальных схем и средств музыкальной выразительности. Следовательно, одной из базовых основ восприятия музыки является умение слушателей воспринимать составляющие произведений, способные активизировать их эстетические чувства.

По мнению Д.К. Кирнарской, процесс изучения реального музыкального восприятия выдвигает перед исследователем ряд проблем. Это создание музыкально-психологических категорий, которые являются обозначениями целостного слухового образа музыки в сознании слушателя, а также создание типологии возникающих в процессе восприятия музыки индивидуальных различий. Решение этих вопросов предполагает переход от изучения композиционных закономерностей к исследованию музыкально-психологических операций, производимых сознанием для осмысления музыкального целого [18].

Таким образом, первоначально понятие «музыкальное восприятие» рассматривалось в более узком значении, и основной акцент делался на психофизиологических процессах и их взаимосвязи с ощущениями, слухом и т.д. Со временем ученые включили в круг рассматриваемых психологических характеристик музыкального восприятия дополнительные специфические свойства – целостность, образность, константность, музыкально-интонационные особенности и временную последовательность. Зарождение и становление музыкального восприятия предполагает наличие стадии развития способностей к восприятию музыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назайкинский Е. О психологии музыкального восприятия / Е. Назайкинский. – М.: Музыка, 1972. – 201 с.
2. Сохор А.Н. Вопросы социологии и эстетики музыки / А.Н. Сохор. – Ленинград: Советский композитор, 1980. – Том 1. – 295 с.
3. Дмитриев В.А., Швецова О.Ю. — Воспитание музыкального слуха и культура интонирования музыканта-исполнителя // Культура и искусство. – 2017. – № 8. – С. 23 - 33.
4. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей / Б.М. Теплов. – М.: Наука, 2003. – 282 с.
5. Запорожец А.В. Роль Л.С. Выготского в разработке проблем восприятия. // Избр. психол. тр. Т. 1. М., 1986.
6. Леонтьев А.Н., Запорожец А., Гальперин П., Эльконин Д. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Академия, 2013. – 352 с.
7. Курт Э. Музыкальная психология: Области и границы музыкальной психологии / Э. Курт // Альманах музыкальной психологии. – М., 1994.
8. Лобова Л.Г. Специфика и закономерности восприятия музыки / Л.Г. Лобова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 133-137.
9. Психология музыкальной деятельности: Теория и практика: Учеб. пособие для студ. муз. фак. высш. пед. учеб. заведений / Д.К. Кирнарская, Н.И. Кия-

- щенко, К.В. Тарасова и др.; Под ред. Г.М. Цыпина. – Москва: «Академия», 2003. – 368 с.
10. Готсдинер А.Л. О стадиях формирования музыкального восприятия. Проблемы музыкального мышления / А.Л. Готсдинер. – М.: Музыка, 1974. – С. 230-251.
 11. Медушевский В.В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки / В.В. Медушевский. – М., 1976. – 253 с.
 12. Зураева А.М. Влияние музыки на психофизиологическое состояние человека. Особенности восприятия музыки разных жанров / А.М. Зураева, Б. К. Лалиев // Молодой ученый. – 2018. – № 23 (209). – С. 381-384. – URL: <https://moluch.ru/archive/209/51300/> (дата обращения: 18.12.2021).
 13. Безбородова Л.А. Сущность теории музыкального образования / Безбородова Л.А., Алиев Ю.Б. // Методика преподавания музыки в общеобразовательных учреждениях: учеб. пособие для студентов музыкальных факультетов педвузов. – М., 2002. – 416 с.
 14. Апраксина О.А. Методика музыкального воспитания: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / О.А. Апраксина. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
 15. Шацкая В.Н. Музыкально-эстетическое воспитание детей и юношества / В.Н. Шацкая. – М.: Просвещение, 1986. – 200 с.
 16. Борисова Е.С. Психологические особенности восприятия музыки современной молодежью: монография / Е.С. Борисова. – Самара: СамНЦ РАН, 2013. – 126 с.
 17. Рачина Б.С. Технологии и методика обучения музыке в общеобразовательной школе / Б.С. Рачина. – СПб.: Композитор, 2017. – 544 с.
 18. Кирнарская Д.К. Музыкальное восприятие: проблема адекватности: дисс. доктора искусствоведения: 17.00.02 / Д.К. Кирнарская. – 1997. – 266 с.

© Швецова Ольга Юрьевна (O.Y.N.rus@yandex.ru), Корчагина Анастасия Олеговна (89227818737@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижневартровский государственный университет

ПСИХОСОМАТИЧЕСКАЯ ТРАВМА КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ АЛЛЕРГИИ

PSYCHOSOMATIC TRAUMA AS A CAUSE OF ALLERGY

V. Yanchikov
Yu. Solovyova

Summary: To date, studies have shown that allergic diseases are a real scourge of our time. In recent years, the number of sick patients has increased several times and is still growing [1].

Human health is one of the most important criteria for the quality of life of an individual as a whole, and therefore the creation of favorable conditions for the formation of a strong and resistant to negative external and internal (for example, such as allergies) factors of the body is one of the main tasks of society [4].

The purpose of this article is to describe the psychosomatic nature of the reasons for the emergence of allergy in a person. As a methodological basis of the work, methods of observation, analysis, synthesis, accounting, deduction, as well as diagnostic, statistical and logical methods were used.

As a result of the research, the psychological prerequisites for the emergence of allergies in humans were identified, three levels-criteria for the formation and four types of manifestation of psychosomatic trauma were considered, and the features of identifying psychosomatic trauma in children with allergies were revealed.

Since in the process of describing the psychosomatic nature of the causes of allergies, it was revealed that the study and clarification of the essence of psychosomatic traumas (both in general and in a particular person) can improve the quality and increase the effectiveness of psychocorrection of clients with allergies in general, it is natural to conclude that conducting further research on this topic.

Keywords: allergy, psychosomatic trauma, psychosomatics, psychocorrection of allergy, diagnostics of psychosomatics.

Янчиков Владимир Николаевич

клинический психолог, Институт доказательной психосоматики «ЭВИРА», г. Москва
emoallergy@yandex.ru

Соловьёва Юлия Олеговна

клинический психолог, Институт доказательной психосоматики «ЭВИРА», г. Москва
js07@mail.ru

Аннотация: На сегодняшний день исследования показывают, что аллергические заболевания - настоящий бич современности. За последние десятилетия количество заболевших данным недугом увеличилось в несколько раз и при этом все еще продолжает расти [1].

Здоровье человека – один из важнейших критериев качества жизни личности в целом, а потому создание благоприятных условий для формирования крепкого и устойчивого к негативным внешним и внутренним (например, таким как аллергия) факторам организма – одна из главных задач общества [4].

Целью настоящей статьи является описание психосоматической природы причин возникновения у человека аллергии. В качестве **методологической основы** работы были использованы методы наблюдения, анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также диагностический, статистический и логический методы.

В результате проведенных исследований были выявлены психологические предпосылки возникновения у человека аллергии, рассмотрены три уровня-критерия формирования и четыре типа проявления психосоматической травмы, а также раскрыты особенности выявления психосоматических травм у детей-аллергиков.

Поскольку в процессе описания психосоматической природы причин возникновения аллергии было выявлено, что изучение и уточнение сущности психосоматических травм (как в общем, так и у конкретного человека) позволяет улучшить качество и повысить эффективность психокоррекции клиентов с аллергией в целом, закономерным является **вывод** о необходимости и целесообразности проведения специалистами дальнейших исследований по данной тематике.

Ключевые слова: аллергия, психосоматическая травма, психосоматика, психокоррекция аллергии, диагностика психосоматики.

Актуальные статистические данные, свидетельствующие о непрекращающемся росте заболеваемости населения аллергией по всему миру, не могут не настораживать специалистов [2].

Аллергия чревата не только отрицательным влиянием на качество жизни заболевшего в целом, которое может проявляться, например, в насморке, кожном зуде, повышенном слезоотделении или отечности, но и опасными для жизни человека (в случае крайней чувствительности последнего к аллергену) реакциями, такими как отек Квинке или анафилактический шок.

Следовательно, поскольку аллергия несет прямую угрозу человеческим жизни и здоровью, особую актуальность приобретают проблемы снижения роста заболеваемости данным недугом, а также поиска эффективных методов лечения аллергии.

Однако для того, что предотвратить, а равно вылечить какое-либо заболевание у человека, необходимо сначала понять причины и условия его возникновения. В связи с этим важнейшее, на сегодняшний день, место среди актуальных вопросов аллергологии занимает именно тема причин и условий возникновения аллергии [3, с.8].

При этом, последние проведенные исследования убедительно доказывают, что большая часть аллергических реакций напрямую связана со стрессом, а значит, и с психикой человека [8]. Соответственно, закономерным и логичным является тезис о психологической, а вернее - психосоматической природе аллергии и причин ее возникновения.

Другими словами, разумным представляется утверждение о том, что аллергия является своего рода физиологическим ответом организма на определенное психоэмоциональное состояние человека. А это самое психоэмоциональное состояние – назовем его «психосоматическая травма» - в свою очередь, и является причиной возникновения аллергии [7].

Обоснованным следствием указанного утверждения становится вывод о необходимости применения психологической терапии, а именно психосоматической коррекции клиента специалистом-психологом в целях излечения от аллергии (а если точнее – в целях проработки причин проявления психосоматической реакции в форме аллергии в организме клиента, а также снижения остроты аллергических реакций вплоть до полного избавления от последних).

Необходимо также дополнительно отметить (и практически в каждом исследовании на этом делается особый акцент), что поскольку не любой стресс и не любое психоэмоциональное состояние запускают в организме человека психосоматическую реакцию (при этом не важно, в какой форме проявляется последняя - аллергия, крапивница, гастрит, нейродермит и проч.), поиск конкретной психотравмы (либо психотравм), в результате которой (либо которых) и возникла психосоматика, становится одной из главных задач психолога в рамках психосоматической коррекции [7]. Ведь именно от корректности итогов данного поиска во многом зависит выбираемая методика и конечный результат психокоррекции клиента.

А это значит, что должно быть и обязательно есть что-то, что позволяет выявить и выделить психосоматическую травму (психотравма, в результате которой возникает психосоматическая реакция) среди любых других психоэмоциональных состояний и психотравм. Иными словами, у психосоматической травмы имеются свои характерные признаки-критерии [7].

Учитывая результаты многолетних исследований [6], авторы статьи предлагают разделять данные признаки-критерии на три уровня, в процессе условного «прохождения», по которым специалист выявляет потенциальную психосоматическую травму клиента и проводит ее системную оценку.

В качестве первого уровня предлагается использо-

вать критерий наличия в психоэмоциональном состоянии клиента внутреннего конфликта по типу «хочу, но не могу» либо «не хочу, но надо». После удостоверения в соответствии состояния клиента данному признаку, специалист переходит к следующему по уровню критерию.

Второй уровень – критерий наличия у клиента состояния (состояний) бессилия, беспомощности и (или) безысходности.

Рассмотрим, что включает в себя каждое состояние подробнее.

Бессилие – состояние клиента, откалиброванное им самостоятельно и вписывающееся в словесную формулу “я сделал все что мог, но моих сил и возможностей не хватает для разрешения сложившейся ситуации”.

Беспомощность – состояние клиента, откалиброванное им самостоятельно и вписывающееся в словесную формулу “разрешить сложившуюся ситуацию я сам не могу и мое окружение не может”.

Безысходность – состояние клиента, откалиброванное им самостоятельно и вписывающееся в словесную формулу «разрешить сложившуюся ситуацию я сам не могу, мое окружение не может и у ситуации в целом нет решения».

Стоит отметить, что для формирования психосоматической травмы клиенту необязательно испытывать по нарастающей все указанные (бессилие, беспомощность, безысходность) состояния (очевидно, что каждое последующее состояние включает в себя предыдущие). Уже на стадии бессилия, ощущаемого человеком на протяжении промежутка времени в среднем от трех до четырнадцати дней, в чувствительном организме запускается психосоматическая реакция.

В практических целях на этапе проверки данного критерия в некоторых случаях необходимо также дополнительно ввести понятие состояния высокой степени неопределенности.

На физиологическом уровне для психики человека с точки зрения формирования психосоматической травмы разницы между состоянием высокой степени неопределенности и состояниями бессилия, беспомощности и безысходности нет. Однако с точки зрения психолингвистики у некоторых клиентов запускается реакция отрицания на лексическую калибровку у себя состояний бессилия, беспомощности или безысходности, при этом формулировка «состояние высокой степени неопределенности», условно означающая «не понимаю, что происходит и что делать дальше», воспринимается этими клиентами спокойно.

Следовательно, задача специалиста в данном случае заключается в том, чтобы, не ограничиваясь строгой терминологизацией того или иного состояния, выяснить содержание и эмоциональную сущность последнего, построив свою психолингвистику под личность клиента в целях корректного выявления триггерной ситуации, послужившей базой для формирования психосоматической травмы.

После удостоверения в наличии у клиента состояния (состояний) бессилия, беспомощности и (или) безысходности, специалист переходит к перепроверке последнего критерия.

Третий уровень – критерий превышения порога психоэмоциональной адаптации клиента.

Несмотря на то, что фактическое состояние - основа психосоматической реакции как таковой - формируется у клиента уже на предыдущих уровнях, реальной психосоматической травмой оно (состояние) становится только после того, как начинает превышать порог эмоциональной адаптации конкретного клиента.

При этом само превышение порога эмоциональной адаптации напрямую зависит как от силы воздействия конкретной травмирующей ситуации на человека (насколько тяжело воспринимает это событие или этот факт непосредственно данный человек), так и от времени. В течение которого длится указанная ситуация.

Упомянутое в предыдущем пункте время от трех до четырнадцати дней является примерным, усредненным. В процессе же терапии время, необходимое для превышения состоянием порога эмоциональной адаптации, определяется для каждого клиента индивидуально, в зависимости от особенностей его психики.

В случае, если все три уровня критериев были соблюдены, специалист делает вывод о наличии у клиента психосоматической травмы и приступает к психосоматической коррекции.

При этом избранная методика, скорость и результаты терапии напрямую будут зависеть от того, к какому типу относится выявленная психосоматическая травма.

В случае, если психосоматическая травма относится к первому типу, то есть является точечной (травмирующая ситуация произошла единожды, длилась относительно короткий период времени, но из-за интенсивности влияния на психику превысила порог эмоциональной адаптации), клиенту потребуются краткосрочная (около двух часов) терапия, в результате которой психосоматическая реакция (в форме, например, аллергии) будет устранена полностью.

Если выявленная специалистом психосоматическая травмы принадлежит ко второму типу - точно-кумулятивная (травмирующая ситуация происходила несколько раз (можно выявить количество), каждый из которых длилась относительно короткий промежуток времени, но из-за частоты повторяемости порог эмоциональной адаптации был превышен), это означает, что клиенту предстоит пройти несколько сеансов психокоррекции (в среднем, в общей сложности около 10-12 часов), в результате которых психосоматическая симптоматика будет устранена с 90-95% вероятностью. Необходимо также отметить, что в случае принадлежности психосоматической травмы ко второму типу, сложность диагностики и, как следствие, устранения последствий травмы (по сравнению с психокоррекцией психосоматической травмы первого типа) повышается, поскольку если специалист не проработает хотя бы один из случаев проявления травмирующей ситуации – симптоматика психосоматического заболевания останется, хотя и в меньшей степени, чем до терапии.

При отнесении специалистом выявленной психосоматической травмы к третьему типу – кумулятивно-точечная (травмирующая ситуация происходила несколько (точное количество выявить крайне затруднительно) раз, каждый из которых длилась относительно продолжительный промежуток времени, из-за частоты повторяемости порог эмоциональной адаптации был превышен), клиента следует ориентировать на курс психокоррекции средней продолжительностью от 20 до 40 часов. При этом оба – и специалист, и клиент - должны понимать, что наиболее вероятный результат терапии при психосоматической травме третьего типа – это устранение 60-65% симптомов психосоматической реакции, но не полное избавление от нее. Причина подобной статистики кроется в наличии некой неопределенности относительно точного количества психотравмирующих ситуаций, повлекших за собой возникновение психосоматики. Соответственно, основная цель специалиста в данной терапии – помочь клиенту сформировать новую стратегию реагирования на триггер (например, аллерген), запускающий психосоматическую реакцию.

Наконец, в случае выявления у клиента психосоматической травмы четвертого типа – кумулятивная (травмирующая ситуация происходит регулярно на протяжении долгого времени (точное количество раз выявить невозможно, человек как бы «живет в травме»), из-за длительности нахождения в травмирующей ситуации порог эмоциональной адаптации был превышен), специалисту необходимо помочь клиенту научиться распознавать триггерные ситуации и управлять уже сформированным паттерном поведения в них. Психосоматическая травма четвертого типа прикреплена к глубинному ядру личности и, по сути, становится частью образа жизни человека – клиент может лишь различать контексты, в рамках

которых проявляется «травмированная» модель поведения. Из-за этого практически невозможно найти точку отсчета - «нулевую» травмирующую ситуацию, которая и запустила процесс формирования психосоматической травмы. В связи с этим, результаты терапии, на которые возможно и следует ориентироваться – это своего рода «социализация травмы», по итогам которой клиент сможет управлять проявляющимися психосоматическими симптомами и сосуществовать со своей травмой, сохраняя при этом максимально возможное качество жизни. Процент эффективности психокоррекции в данном случае просчитать невозможно – все зависит от конкретного случая и мотивированности клиента изменить текущую ситуацию. Терапия в среднем занимает 60 и более часов.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в случае работы с первым и вторым типами психосоматической травмы терапия будет максимально эффективной, в ситуации же психокоррекции третьего или четвертого типа психосоматической травмы эффективность терапии значительно снижается.

Таким образом, как уже утверждалось ранее, классификация психосоматической травмы по типам имеет не только теоретическое значение с точки зрения систематизации научных знаний, но и обладает практической ценностью, а именно:

- диагностической – выявление типа психосоматической травмы составляет основу диагностики клиента на психосоматику и позволяет спланировать дальнейшее течение терапии;
- терапевтической – от типа психосоматической травмы напрямую зависят избираемые специалистом методики и техники психокоррекции. Кроме того, именно на основе результатов исследований типологии психосоматических травм была создана авторская модель Эмоционального Возникновения и Развития Аллергии (ЭВИРА), ставшая в свою очередь базой для разработки Метода эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения (МЭДАП) В.Н. Янчикова [6];
- прогностической – знание типа психосоматической травмы клиента позволяет специалисту заранее спрогнозировать длительность и ожидаемые результаты психокоррекции.

В связи с этим, выявление психологических причин аллергии, и дальнейшая типизация данных причин, согласно предложенной в статье системе, становятся залогом улучшения состояния клиента по итогам психосоматической коррекции.

Отдельного внимания заслуживает также вопрос о детских аллергиях и их психологических причинах.

В первую очередь, следует отметить, что в большинстве случаев причины аллергии ребенка кроются в психоэмоциональном состоянии матери. При этом степень, в которой влияет данное состояние на ребенка, напрямую зависит от возраста последнего.

Практика консультирования показывает следующие данные:

Возраст ребенка от рождения до 3 лет – 100% влияния психоэмоционального состояния матери. После проведения с ней психокоррекции психосоматика у ребенка проходит.

Возраст ребенка от 3 до 5 лет – 85-90% влияния психоэмоционального состояния матери, остальное – собственный психоэмоциональный опыт. После прохождения матерью психокоррекции симптоматика заболевания у ребенка проходит либо значительно снижается.

Возраст ребенка с 5 до 7 лет – около 60% влияния психоэмоционального состояния матери, остальное – собственный психоэмоциональный опыт. В связи с этим, основную психокоррекцию проходит мать, однако с ребенком также проводится терапия в игровой форме, в результате чего психосоматика либо исчезает полностью, либо же ее симптоматика значительно снижается.

Возраст ребенка с 7 до 12 лет - соотношение влияния психоэмоционального состояния примерно 50 на 50%, где половина - собственный психоэмоциональный опыт, а половина - психоэмоциональное состояние членов семьи (чаще всего - мать, отец). Как следствие, в зависимости от конкретной ситуации может требоваться индивидуальная терапия как для ребенка, так и для членов семьи.

Возраст ребенка с 12 до 20 лет – соотношение влияния психоэмоционального состояния 70 на 30%, где 70% - собственный психоэмоциональный опыт, а 30% - психоэмоциональное состояние членов семьи. Как следствие, в зависимости от конкретной ситуации может требоваться индивидуальная терапия как для ребенка, так и для членов семьи.

Возраст 20 лет и старше – значение имеет собственный психоэмоциональный опыт, соответственно психокоррекция аллергии проводится с самим человеком.

Логичным следствием всего вышеописанного становится вывод о том, что при проработке запроса на психокоррекцию аллергии у ребенка специалисту чаще всего приходится работать как с самим ребенком, так и с членами его семьи (преимущественно – с матерью).

Подводя итог настоящей статье, необходимо еще раз

акцентировать внимание на том, что, поскольку в большинстве случаев аллергия является психосоматическим заболеванием, огромное значение имеют поиск и выявление психотравм, в результате которых в организме запустилась психосоматическая реакция [5].

В связи с этим в процессе диагностики психосоматики специалисту следует внимательно анализировать психоэмоциональное состояние клиента на соответствие приведенным в статье критериям-признакам психосоматической травмы. Кроме того, особую важность

для дальнейшей психокоррекции представляет определение типа выявленной психосоматической травмы.

Поскольку в процессе описания психосоматической природы причин возникновения аллергии было выявлено, что изучение и уточнение сущности и типа психосоматических травм позволяет улучшить качество и повысить эффективность психокоррекции клиентов с аллергией, закономерным является вывод о необходимости и целесообразности проведения специалистами дальнейших исследований по данной тематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметова И. Аллергия — наиболее часто встречающийся недуг, не выбирающий ни возраста, ни пола [Электронный ресурс]. URL: <https://balticmedicalcentre.co.uk/informatsiya-dlya-klientov/polezno-znat/semejnyaya-meditsina/allergiya-naibolee-chasto-vstrechayuschisya-nedug-ne-vybirayuschij-ni-vozrasta-ni-pola/> (дата обращения 11.08.2022).
2. Либерман М. Аллергическая тенденция [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3313997> (дата обращения 11.08.2022).
3. Лусс Л.В. Аллергия и псевдоаллергия в клинике // Врач. 1997. №6. С.7-9.
4. Постановление Правительства РФ от 31.03.2021 N 512 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие здравоохранения» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381522/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения 11.08.2022).
5. Сапольски Р. Психология стресса. 3-е изд. СПб.: Питер, 2020. С. 312-320.
6. Янчиков В.Н., Янчикова С.А. Психологическая модель возникновения и развития аллергических реакций немедленного типа // Актуальные проблемы современной науки. 2006. №5 (32). С.72–79.
7. Янчиков В.Н. Психологическая травма как причина возникновения аллергии // «Вестник НЛП», 2014.
8. Mee-Ri Lee, Bu-Soon Son, Yoo-Ri Park, Hye-Mi Kim, Jong-Youn Moon, Yong-Jin Lee, Yong-Bae Kim The Relationship Between Psychosocial Stress and Allergic Disease Among Children and Adolescents in Gwangyang Bay, Korea [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3514467/> (дата обращения 11.08.2022).

© Янчиков Владимир Николаевич (emoallergy@yandex.ru), Соловьёва Юлия Олеговна (js07@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТИКА И ПРАВОСУДИЕ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ETHICS AND JUSTICE: THE PROBLEM OF INTERACTION

A. Vasyaev

Summary: The article attempts from various sides to investigate the moral and ethical issues of modern legal proceedings in the multidimensional space of legal reality and to identify the degree of possible correlation of justice and justice as philosophical categories with the requirements of law in practice. The author acknowledges the fact that such a category as equity is rather difficult to evaluate in terms of efficiency. Also, there is no obvious method for assessing the effectiveness of the criminal process from the perspective of justice. Moreover, in some situations, the interests of justice conflict with the interests of efficiency.

Keywords: ethics, justice, justice, legal proceedings, judicial practice.

Васяев Александр Александрович

К.ю.н., доцент, Московский экономический институт
advokat.mgka2@gmail.com

Аннотация: В статье предпринимается попытка с различных сторон исследовать этическую проблематику современного судопроизводства в многомерном пространстве правовой действительности и выявить степень возможного соотношения справедливости и правосудия как философских категорий с требованиями права на практике. Автор признает тот факт, что такая категория как справедливость довольно сложна для ее оценки с точки зрения эффективности. Также не существует очевидного метода для оценки эффективности судебного процесса с позиции справедливости. Более того, в некоторых ситуациях интересы справедливости вступают в противоречие с интересами эффективности.

Ключевые слова: этика, правосудие, справедливость, судопроизводство, судебная практика.

Этические основания судопроизводства присутствуют в законодательстве большинства государств, определяя во многом не только правовую характеристику осуществления судопроизводства, но и морально-нравственные основания вынесения судебного решения. Ключевой категорией выступает справедливость как основное условие результативности деятельности всех участников судебного процесса, и прежде всего суда.

Различные аспекты функционирования судебной системы часто являются предметом научного и общественного обсуждения в этическом контексте. Разработка подобной проблематики направлена прежде всего на повышение эффективности правосудия, предполагая развитие доктринальное формирование надлежащей этической оценки правосудия. Тем не менее, следует проявлять осторожность в стремлении максимизации трактования правосудия в этическом контексте.

Несомненным является тот факт, что взаимоотношения между судебной властью и социумом должны исходить из принципа взаимного уважения. Подобный этический посыл во многом обуславливает независимость судебных органов. Особым моментом является то, что как с правовой, так и с этической точки зрения любое ненадлежащее и противоправное вмешательство в процесс правосудия недопустимо. Отсюда следует, что суды могут действовать только в рамках существующего закона. Независимость судов также получает свою реализацию лишь в том случае, если судопроизводство осуществляется в соответствии с законом, и тем самым обеспечивается судебская беспристрастность.

Базисом этической конструкции судопроизводства является принцип справедливости.

На наш взгляд, наиболее показательными примерами реализации принципа справедливости в основном законе страны являются следующие:

- Финляндия, где в ст. 21 Конституции[1] фактически закрепляет принцип справедливости в качестве базового принципа правосудия. Согласно данной статье, любой человек обладает правом на то, чтобы его дело было рассмотрено надлежащим образом и без «безосновательного замедления» было рассмотрено судом или иным публичным органом;
- Канада в Конституционном акте которой также достаточно подробно останавливается на этико-правовых основаниях осуществления судопроизводства. Так, в соответствии с п. 11 акта, указывается: «каждый обвиняемый в совершении какого-либо преступления имеет право:
 - a) быть информированным без неоправданных задержек о характере правонарушения, которое ему инкриминируется;
 - b) быть судимым в течение разумного периода времени;
 - c) не быть принуждаемым свидетельствовать против самого себя в любой стадии процесса в отношении инкриминируемого ему правонарушения;
 - d) считаться невиновным до тех пор, пока он в соответствии с законом не будет объявлен виновным независимым и беспристрастным судом в открытом судебном заседании;
 - e) не быть лишенным без обоснованной причины

права находиться на свободе под залог разумного размера;

- f) за исключением случаев совершения правонарушения, рассматриваемого на основе военного права органами военной юстиции, быть подсудным суду присяжных в случае, когда максимальный срок наказания за правонарушение составляет пять лет лишения свободы или влечет за собой более суровое наказание;
 - g) не быть объявленным виновным за совершение какого-либо действия или бездействия, которое в момент его совершения не рассматривалось как правонарушение в соответствии с внутренним правом Канады или международным правом или которое не было уголовным в соответствии с общими принципами права, признаваемыми сообществом наций;
 - h) не быть вновь судимым за правонарушение, в отношении которого он был признан невиновным, и не быть вновь судимым и наказанным за правонарушение, за которое он был признан виновным и наказан;
 - i) будучи признан виновным за правонарушение, подвергаться менее суровому наказанию, если наказание было изменено в промежуток времени между моментом совершения правонарушения и моментом вынесения приговора».[2]
- Также особое внимание уделяется установлению «права на защиту от жестокого и необычного обращения или наказания» (п.12), а также «права на то, что никакие свидетельские показания, которые он дал, не будут использованы для обвинения в другом судебном процессе, кроме случаев, касающихся нарушения присяги или дачи ложных показаний» (п. 13);

— Хорватия, где в ст. 29 Конституции закреплён следующий комплекс прав человека и гражданина, а именно:

- «на справедливое разбирательство его дела в надлежащем суде, установленном законом;
- в кратчайший срок быть извещенным об основаниях предъявленного обвинения и о доказательствах его вины;
- на защитника и на беспрепятственное общение с защитником, и об этом праве он должен быть поставлен в известность;
- на судебное разбирательство дела в его присутствии, когда это возможно, а также защищать себя сам либо с помощью избранного им защитника»:[3]

— Швеция, где в главе 11 Конституции [4] регламентировано, что ни один орган власти, не может определить, какой именно приговор должен вынести судебный орган в конкретной ситуации и каким конкретно образом суд должен и в других ситуациях использовать правовые нормы по кон-

кретному производству. Это положение исходит из того, что правовой спор между гражданами не может в силу законодательства решаться другим, помимо суда, органом.

Следует отметить, что анализ иных конституций стран мира выявляет в подавляющем большинстве случаев закрепление принципа справедливости в качестве особого процессуального этико-правового фактора. Роль гаранта справедливости в этой ситуации возложена на суд, особенно в ситуациях, когда обвинение выдвигается государством. При этом у человека и гражданина появляется право и возможность защищаться на равных условиях с представителями государства. Следовательно, при реализации конкретных действий, отталкиваясь от этико-правовых постулатов, определенных в конституциях, судебные органы могут реализовывать правосудие, обеспечивая соблюдение стандартов прав, свобод и законных интересов независимо от каких-либо субъективных желаний и стремлений.

Вместе с тем, чувство справедливости человека, равно как и осознание справедливости, которое может значительно отличаться в рамках разных обществ. Тем не менее, даже с точки зрения правовых деклараций подерживается равенство интересов между обвиняемыми и потерпевшими (истцом и ответчиком), а также удовлетворяется социальный интерес (на уровне определенных сообществ). Это правило действует даже в том случае, если преступление устремлено не против определенного лица, а в целом против общества.

Такая категория как справедливость довольно сложна для ее оценки с точки зрения «эффективности». Сомнительно, что есть точные ответы на вопросы, сколько подсудимых должно оправдываться, сколько судебных дел должно быть рассмотрено и пр. Также не существует очевидного метода для оценки эффективности судебного процесса с позиции справедливости. Более того, в некоторых ситуациях интересы справедливости вступают в противоречие с интересами эффективности. Например, в судебном процессе США особой значимостью обладает принятие справедливого решения по уголовному делу при условии уважения свобод и прав гражданина и человека, беспристрастности, корректности к сторонам процесса и полной осведомленности о предмете данного спора.[5]

Данный подход подразумевает наличие в организованном таким способом судопроизводстве: а) самостоятельности сторон в собирании, предоставлении и исследовании доказательств в собственных интересах; б) возможности сторон контролировать процесс судопроизводства; в) автономии суда (абсолютной при пассивном участии в процессе установления обстоятельств дела в случае, когда он только выслушивает аргументы

и доводы сторон); г) обязанности судьи гарантировать равноправие сторон при строгом следовании сторонами уголовного дела правилам изложения доводов и доказательств; д) исключительного права судебного органа на решение по данному делу.[6]

Вытекающая из этого необходимость защиты прав и свобод человека подразумевает реализацию соответствующего этико-правового порядка судопроизводства. Цель, которую оно выражает, заключается в достижении справедливости (процессуальной или материальной). Данный подход к реализации судопроизводства фактически стал экстраполяцией положений Конституции США.[7] Ее основанием, в свою очередь, является доктрина справедливой и равной для всех граждан судебной процедуры, при помощи которой можно отделить свою автономию от произвола государственной власти. Развитие этой идеи привело к формированию некой идеализированной версии того, как в целом должна работать система судопроизводства, не уходя от принципа «верховенства права» и не допуская его нарушений.

Другими словами, в англо-американском судопроизводстве право – это не то, что находится в предустановленных правилах (нормах, велениях), а то, что при помощи них либо в них «откроют», или же то, что определяют или на что укажут судьи, как закон относительно какого-либо частного случая.[8] Как раз поэтому не нормы позитивного права помогают судье принять верное решение, а большей частью следование своей совести или естественным правам, каким априори отдается большее предпочтение при конфликте с общественным интересом.[9] Судопроизводство в такой ситуации предстает своего рода испытанием притязаний сторон спора, а также статутов и прецедентов, которые лежат в их основании.[10]

Таким образом, следует признать, что этические основания судопроизводства косвенно закрепляются в процессуальном законодательстве многих государств, определяя во многом не столько правовую характеристику осуществления судопроизводства, сколько морально-нравственные основания вынесения судебного решения. В данном случае ключевой категорией выступает справедливость.

Однако если исходить из самой природы правосудия, его основное предназначение состоит, зачастую, в разрешении конфликта в интересах субъекта, чьи права нарушены. Подобный подход формализован в ст. 18 Конституции России. Однако конституционной нормой адекватно выражена не только объективная правовая цель правосудия, но и фактически заданы этические параметры функционирования института судебной власти в России.

Определяемые конституционным положением критерии доступности правосудия, а также справедливого публичного осуществления судебного разбирательства в определенные законом сроки должны отражать осуществление судом на основе принципов независимости и беспристрастности специфические стороны реализации судопроизводства.

Этико-правовой задачей судопроизводства при этом является адекватное выявление смысла существующих принципов. Обязанность в этой связи судов по осуществлению судопроизводства в строгом соответствии с принципами правосудия позволяет определить во взаимосвязи с ними реальный этический смысл применяемых процессуальных норм, что при юридической квалификации правоотношений имеет определяющее значение.

Вместе с тем, первоосновой справедливого правосудия как теоретической конструкции и способом его трансформации в практическую плоскость выступает реализация права на доступ к правосудию.

Тем не менее, в силу своей этико-правовой значимости необходимость разработки содержания права на доступ к правосудию до настоящего времени является актуальной исследовательской задачей. Существующие подходы в рассмотрении права на доступ к правосудию как в узком контексте – только как право на обращение в суд,[11] так и в более широком – с позиции распространенного в зарубежной литературе «всеобъемлющего подхода», [12] только подтверждает эту значимость.

Достижение цели защиты прав, свобод и законных интересов как конечной цели правосудия предполагает развернутую деятельность суда, связанную с рассмотрением и разрешением судебного дела, проверкой правильности принятого судебного решения и обеспечением исполнения судебного решения.

При этом задача надлежащей защиты как нарушенного, так и неправомерно оспариваемого права требует для своего решения адекватного и справедливого рассмотрения и разрешения судебного дела, что указывает не только на необходимость строгого соблюдения требований материального и процессуального закона, но и определенных этических требований.

В современном правовом государстве сфера правосудия должна обладать особой системой социальных регуляторов, комплексно способных обеспечить судопроизводство. В ее состав должны входить как нормативные, так и ненормативные регуляторы. При этом нормативным системам в сфере правосудия свойственно идеальное отражение возникающих между участниками судебного процесса отношений. Судеб-

ной властью уточняется абстрактное содержание правовых норм в отношении частных обстоятельств возникшего спорного правоотношения. Поэтому и этика правосудия играет определяющую роль в деятельности, связанной с установлением объема и вида субъективных прав и обязанностей всех участников спорных правоотношений.

Реализация этики правосудия в судопроизводстве исходит из ключевого права, связанного с обеспечением доступности правосудия. Данное право представляет собой необходимое условие для получения любым субъектом судебной защиты. В силу особой роли этики правосудия в рамках российского судопроизводства практически любому его механизму, опирающемуся на общепризнанные принципы отправления правосудия, будут свойственны гарантии обеспечения прав, свобод и законных интересов как граждан, так и организаций. Осуществление доступа к правосудию посредством учета отраслевых процессуальных особенностей позволяет обеспечить отсутствие серьезных препятствий для инициирования, развития и получения надлежащего результата отраслевого судопроизводства. Со своей стороны, наличие цели обеспечения доступа к правосудию на уровне отраслевого процессуального права позволяет сформировать отраслевую этико-правовую модель отраслевого судопроизводства, обеспечив тем самым более широкий круг прав, свобод и законных интересов граждан.

На основании изложенного отметим, что проблема справедливости судебного разбирательства, как процессуальной процедуры, так и судебного решения, как итогового судебного акта, распространяется на всю систему правосудия. При этом фактически ключевыми ее элементами часто выступают субъективные факторы, тесно связанные с личными нравственным принципами и личным выбором судьи. Подобное положение не должно иметь место в рамках судебной деятельности, так как лишь наличие нормативно закрепленных этических принципов и их неуклонное соблюдение будет способствовать реальной социальной, этической и правовой ценности судебного решения. Вместе с тем, мы отмечаем тот факт, что в настоящее время, на уровне конституций различных стран мира мы наблюдаем процесс «этизации» правосудия, связанный, прежде всего, с углублением понимания категории прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц.

Таким образом, постановка проблемы отражения этики прав человека в судопроизводстве исходит прежде всего из их наполнения в правоприменительной практике морально-нравственным содержанием. В данной связи восприятие прав, свобод и законных интересов человека как первоосновы процессуальных норм, задающей параметры всей правовой системы, способствует трансляции этических принципов как в законодательство, так и в правоприменительную практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов С.В. Доступность суда как условие реализации конституционного права на судебную защиту в РФ: дис... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.
2. Гуценко К.Ф. Уголовная юстиция США: Критич. анализ правовых ин-тов, обеспечивающих уголов. репрессию. - Москва : Юрид. лит., 1979. - 207 с.
3. Козлихин И.Ю. Право и политика / И.Ю. Козлихин; Санкт-Петербургский гос. ун-т, Юридический и специальный юридический фак. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. - 191 с.
4. Конституция Финляндии [Электронный ресурс] -URL:<http://worldconstitutions.ru/?p=139> (дата обращения: 15.06.2022).
5. Конституция Канады [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=47> (дата обращения: 15.06.2022).
6. Конституция Хорватии [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=107> (дата обращения: 15.06.2022).
7. Конституция Швеции [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=161> (дата обращения: 15.06.2022).
8. Конституция Соединенных Штатов Америки. Толкование и применение в эпоху империализма / Бойченко Г.Г. М.: Изд-во ИМО, 1959. - 242 с.
9. Мур Д.Н. Верховенство права: обзор // Верховенство права. Сборник: Перевод с английского. М.: Прогресс, 1992. С. 27.
10. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. Монография. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006. С. 115.
11. Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. 3-d edition. West Publishing Company, College & School Division, 2002. - 625 p.
12. Sossin L., Roach K. Access to Justice and Beyond // University of Toronto Law Journal. 2010. Vol. 60. P. 373-396.

© Васяев Александр Александрович (advokat.mgka2@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (КРИТИКА МЕТОДОЛОГИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА И ПОСТТРАНСФОРМИЗМА)

THE SIGNIFICANCE OF WORLD VIEW METHODOLOGY IN THE EDUCATIONAL PROCESS (CRITIQUE OF THE METHODOLOGY OF POSTMODERNISM AND POST-TRANSFORMISM)

**A. Davydenkova
M. Ermilova
A. Vasilenkova**

Summary: In educational activities, the methodology of the approach and general assessments of a person's worldview positions are important. This paper analyzes the methodology of postmodernism. It is noted that in the professional philosophical community the tendency to criticize postmodern constructions in line with the so-called phenomenon of «pseudo-rationality» or «creativity from the magma of imaginary social meanings» is gradually increasing. It is emphasized that the theory of post-transformism leads to the rejection of traditional cultural values and spiritual guidelines of life, which deprives a person of the meaning of his existence, reducing life to a biological component. Historical pessimism in its methodology also denies a person the right to be the creator of both his own destiny and to be the subject of changes in social relations. Understanding a person as an object from external forces leads to the thesis about the controllability of his activity and the possibility of manipulating mass consciousness. As an antithesis of postmodernist methodology, the methodology of practical philosophy is proposed, which has the potential of integrating knowledge. This knowledge is necessary against the background of modern challenges of both a social nature and the development of science and technology, the main purpose of which is to serve humanity. This requires a revision of the theory and methodology of vocational education, which is happening in our country today. Changing the educational environment should be discussed. Therefore, the School of the Future magazine can confidently raise issues related to education and upbringing in the future: what to change, what traditions to preserve, how to allow a person to remain a person, what experience in teaching to maintain.

Keywords: professional education, methodology, postmodernism, posttransformism, posthistory, culture, human spiritual world, prospects for education and upbringing.

Давыденкова Антонина Гилеевна

*Д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет*

Ермилова Мария Вячеславовна

*К.б.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет
maryevro@yandex.ru*

Василенкова Анастасия Анатольевна

*К.ф.н., Санкт-Петербургский государственный аграрный
университет
a-vasilenkova@inbox.ru*

Аннотация: В образовательно-воспитательной деятельности важна методология подхода и общие оценки мировоззренческих позиций человека. В настоящей работе проведён анализ методологии постмодернизма. Отмечается, что в профессиональном философском сообществе постепенно возрастает тенденция критики постмодернистских построений в русле так называемого феномена «псевдорациональности» или «творчества из магмы воображаемых социальных смыслов». Подчёркивается, что теория посттрансформизма ведёт к отказу от традиционных культурных ценностей и духовных ориентиров жизни, что лишает человека смысла его существования, сводя жизнь к биологической составляющей. Исторический пессимизм в своей методологии также отказывает человеку в праве быть творцом как своей судьбы, так и быть субъектом изменений общественных отношений. Понимание человека как объекта со стороны внешних сил приводит к тезису об управляемости его деятельности и возможности манипуляции массовым сознанием. В качестве антитезиса постмодернистской методологии предлагается методология практической философии, которая обладает потенциалом интегрирующего знания. Данное знание необходимо на фоне современных вызовов как социального характера, так и развития науки и технологий, основное назначение которых служить человечеству. Это требует пересмотра теории и методики профессионального образования, что сегодня и происходит в нашей стране. Изменение образовательной среды должно быть обсуждаемо. Поэтому журнал «Школа будущего» может с уверенностью ставить на обсуждение вопросы, связанные с обучением и воспитанием в перспективе: что изменять, какие традиции сохранять, как позволить человеку оставаться человеком, какой опыт в преподавании поддерживать.

Ключевые слова: профессиональное образование, методология, постмодернизм, посттрансформизм, постистория, культура, духовный мир человека, перспективы обучения и воспитания.

Профессиональное образование в рамках высшей школы в своих требованиях (знать, уметь, владеть) предполагает формирование не только профессиональных навыков, но и мировоззренческих позиций обучающихся. Этому способствуют чаще всего универ-

сальные компетенции, предлагаемые ФГОСами. Отвечают за их обеспечение большей частью социально-гуманитарные дисциплины: история, философия, педагогика, психология, правоведение. Мы находимся сегодня в особой ситуации пересмотра нашего отношения к цен-

ностям, духовным ориентирам жизни. А это значит, что происходят изменения и в методиках обучения в школе, колледже, университете. В воспитательном процессе на перспективу значимыми являются вопросы: что изменять, какие традиции сохранять, как позволить человеку оставаться человеком, какой опыт в преподавании подерживать.

Содержательная сторона методологических подходов к исследованию феноменов общества, культуры и науки, образовательно-воспитательного процесса как основополагающего в социализации индивида как личности главным образом связана с изменениями общефилософского характера. Белорусский историк философии А.А. Грицанов пишет в связи с этим: «Значимую роль в разработке философских проблем методологии сыграли Сократ, Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Декарт, Кант, Шеллинг, Гегель и др. ... Сложность отношений методологии и философии, как известно определялась тем, что и методология может трактоваться с позиции философии, и философия может характеризоваться в рамках некоей обобщённой методологии. Пока в науке доминировала вера в незыблемые познавательные стандарты, философия реконструировалась в категориально-понятийных комплексах общей методологии познания. Но поскольку в 20 в. познавательные стандарты обнаружили собственную зависимость от самого процесса познания, от развитости познающего субъекта и от типа познаваемых объектов, постольку в основаниях методологии выявились социально-исторические, человеческие, личностные, культурные измерения, потребовалось их принципиально иное философское осмысление» [1, с. 628-629]. Одним из таких общеуниверсальных теоретических подходов и стала философия постмодернизма.

Постмодернизм представляет собой в этом контексте широкое интеллектуальное явление, общекультурный феномен цивилизации Запада, призванный отразить культурную установку и умонастроения людей двадцатого с переходом в двадцать первое столетие. Методологически он характеризуется радикальным пересмотром традиционных, базисных философских понятий. Философ и теоретик культуры У. Эко (1932 – 2016), долгое время изучавший различные формы культуры – от «высокой» до «массовой», – пришел к выводу, что, несмотря на сохранившиеся традиционные и обыденные современные представления об их противостоянии, эти формы имеют сегодня между собой весьма размытые границы. Это «размывание» произошло тогда, когда модерн как тип культуры до конца использовал свои возможности, а метаязык, описывающий его, подошёл к своим границам. В философии это коснулось таких понятий как «социальный прогресс», «общество», «развитие» и т.д. от как Эко писал по этому поводу: «Постмодернизм – это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыс-

лить» [2]. Переосмысление, по его мнению, приводит к абсолютной «множественной плюральности», делающей в духовном мире человека возможным осмысление религии без Бога, мистики без идеи сверхъестественного и т.п., другими словами – переосмысление современного состояния духовной культуры Запада, отказывающегося постепенно от системы устоявшихся традиционных ценностей: семья, брак, мужское и женское и т.п.

Постмодерн изначально формируется в рамках авангардизма (20-30-е годы двадцатого столетия), который стоял на позициях отвержения литературной традиции как одного из видов искусства культуры модерна. Таким образом складывалась радикально отрицательная (критическая) методология постмодерна. Однако достаточно быстро эта методология критицизма воспринимается научным знанием в виде отказа от идеологии трансформизма. Последний же считается как предшественником, так и продолжателем эволюционной теории, некогда сделавшей революцию как в естествознании, так и науке как таковой. Трансформизм в естественнонаучном знании трактовался как идея о процессе эволюции. По своей сути это представление о том, как постепенно происходит развитие и усложнение всего существующего природного и социального бытия.

Приставочные конфигурации пост- и транс- характеризуют изменение философского отношения к предмету анализа. Концепция трансгуманизма, например, появилась в начале XX века, и многие его восприняли как продолжение философских традиций гуманизма. Однако сегодня трансгуманизм стал движением и идеологией, которые стоят на точке зрения необходимости найти выход за рамки естественно-биологической эволюции человека. Трансгуманисты предлагают совершенствовать тело и разум человека при помощи новых и совершенных технологий, эффективность которых впечатляет, но перспективность вызывает множество вопросов, в частности – об идейном родстве трансгуманизма и печальной памяти евгеники. Вспомним, как представители евгенистических воззрений предлагали селекцию человеческих существ для улучшения их породы, отбор человеческих особей в рамках взращивания элиты.

В области философского знания постмодернизм трактует себя как пост-философия. Это предполагает отказ от исследования философско-традиционных проблемных полей: онтологии, гносеологии, философской антропологии и этики, социальной философии. Как мы отмечали, идёт переосмысление и замена устоявшего философского понятийно-категориального аппарата, классических семантических и аксиологических (ценностных) приоритетов. М.А. Можейко характеризует это следующим образом: «Постмодернизм как философский феномен в принципе не может быть рассмотрен в качестве монолитного, характеризуясь не только атрибутив-

ной, но и программной плюральностью, ... как по критерию моделируемой предметности, так и с точки зрения используемой методологии проектов, среди которых наиболее значительными являются текстологический, номадологический, шизоаналитический, нарралогический, генеологический, симуляционный, коммуникационный и др.» [3, с. 779].

Среди отечественных философов есть достаточно представителей, придерживающихся и в разной степени разделяющих общую постмодернистскую направленность, апогей интереса к которой у нас был отмечен в конце 90-х годов двадцатого – первом десятилетии двадцать первого века. Но, на наш взгляд, в философском сообществе постепенно возрастает тенденция именно критики постмодернистских тенденций в русле так называемого феномена «псевдорациональности» или «творчества из магмы воображаемых социальных смыслов» (термины Корнелиуса Касториадиса (1922-1997) [4]. По словам В.С. Швырева, псевдорациональность есть «отчуждение идеальных конструкций от полноты реального существования» [5, с. 7-30], что на социальной практике, например, приводит к позиции конформизма (приспособления, некритического приятия) к возможной действительности. В.А. Кутырев указывает на такой сдвиг в философствовании постмодернизма, отмечая, что в этом случае «учение о бытии» подменяется «учением о небытии и ничто». С философского учения о бытии (онтология) начинается собственно философская наука в античной культуре. Отказ от онтологии есть дезонтологизация сознания вплоть до нигилизма и «ничтоизма» [6], заявляет в своем анализе этого явления В.А. Кутырев. В коллективной работе по философии уже трёх петербургских авторов «Человечество и Технос: философия коэволюции» суть деконструктивности современного философствования определяется как «постфилософия, соединившая постмодернизм и трансгуманизм в трансмодернизм» [7].

Если говорить о социокультурной специфике постмодернистской методологии, надо отметить основные признаки так называемого «нового мышления» двадцатого столетия, хорошо подмеченные еще выдающимся социологом двадцатого столетия П.А. Сорокиным. Он отмечал, что «новое мышление» это и есть методология постмодерна. Она приводит к искажению видения исторического процесса. По Сорокину, в историческом развитии есть ряд этапов и циклов, которые выражаются в наличии принципов мозаичности и повторяемости. Эту способность культурной эволюции Сорокин назвал «интегральной» [8], то есть он отметил, что достижения культуры как в сфере материальной, так и духовной на определённых этапах чередуются, повторяются. Тем самым происходит рождение новых ассоциаций и оценок. Но это не означает отрицания истории культуры, того, что в постмодерне получило название «пост-история».

Диалогичность и мозаичность в культуре, пластичность в искусстве, представление о так называемой «пост-истории» – ключевые понятия постмодернистской философии. Последнее предполагает отказ от традиционного концепта «история», что и означает и пересмотр содержания всех социальных процессов: отказ от линейного видения социального развития, отказ от логоцентризма как основы линейного социокультурного детерминизма в общественной жизни, наконец, представление о настоящем социокультурном бытии как лишенным возможности качественной новизны. А это означает, что из философского социального дискурса «насильственно убираются» такие основополагающие категории как «общество», «развитие», «социальный прогресс», «история как таковая» и др. Эти характеристики постмодерна подробно были проанализированы Н.А. Хреновым [9, с. 57]. В недавнем диссертационном исследовании И.В. Кутыковой проблема так называемого «конца истории» была детально проанализирована на материале воспитательной работы в школах и вузах Санкт-Петербурга [10].

Теоретическим ключом для осмысления предметной проблематики постмодернизма и его методологических оснований выступает синергетическая парадигма с её установками на то, что

- во-первых, бытие как природное, так и социокультурное есть эволюция сложноорганизованных систем;
- во-вторых, хаос и энтропия, неупорядоченность и нестабильность как таковые дают возможность появлению новых организационных форм, возникающих путём самоорганизации;
- в-третьих, сложные системы имеют право на альтернативные сценарии своего развития;
- в-четвертых, закономерно рассматривать неустойчивость как одно из условий и предпосылок стабильного и динамического развития и т.д. [11].

Как пишет Илья Пригожин, один из родоначальников теории синергетики, «прежде всего, спросим себя: почему именно сегодня в естествознании заговорили о нестабильности, тогда как прежде господствовала точка зрения детерминизма? Дело в том, что идея нестабильности не только в каком-то смысле теоретически потеснила детерминизм, она, кроме того, позволила включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность... Соответственно, нестабильность, непредсказуемость и, в конечном счете, время как сущностная переменная стали играть теперь немаловажную роль в преодолении той разобщённости, которая всегда существовала между социальными исследованиями и науками о природе» [12, с. 47]. Мы полностью разделяем этот тезис нашего соотечественника об интегративном характере синергетики, но указываем на его отличие от философии постмодерна как методологии разобщённости.

Арабский представитель постмодерна Ихаб Хассан указывал на терминологическую двусмысленность постмодернизма. Этот термин, по Хассану, «содержит возражение против себя изнутри». Являясь продуктом культуры двадцатого столетия, постмодерн, как палимпсест (текст поверх другого текста) включает в своё содержание предшествующую культурную традицию, но в то же самое время отрицает её. Мы уже отмечали родство постмодерна и авангардизма в искусстве как источник философии постмодернизма. Прошлые достижения культуры, по Хассану, явно видны на прозрачной ткани современности, но вносят в эту ткань свои коррективы [13, с. 121]. В постмодернизме происходит отождествление самого человека с текстом, поскольку в интеллектуальной атмосфере происходит онтологическое сгущение и кристаллизация языка и текста. В работе отечественных авторов «Постмодернизм как ситуация философствования» мы находим явно критическое отношение к такой методологии: «В постмодернизме утрачены духовная ось общества и вертикаль ценностей, а равноправный диалог культур невозможен из-за разнородности и даже несовместимости ценностной шкалы и культурных норм» [14, с. 77].

Нам близка такая общая оценка постмодерна, поэтому мы и ставим вопрос: что даёт обществу такая философская направленность? Отказ от традиционных культурных ценностей и духовных ориентиров жизни лишает человека смысла его существования, сводя жизнь к биологической составляющей. И если в монографии «Философия личности и культурно-институциональные процессы» анализировались выводы современных философов об обусловленности институциональными изменениями личностных характеристик человека, его «самоидентификации в культурно-институциональных процессах» [15, с. 2] то сегодня впору уже вслед за Фукуямой [16] заявлять о «конце истории» человечества, что совершенно неприемлемо. Исторический пессимизм в своей методологии отказывает человеку в праве быть творцом как своей судьбы, так и быть субъектом изменений общественных отношений. Понимание человек как объекта со стороны внешних сил приводит к тезису об управляемости его деятельности, о возможности манипулирования массовым сознанием.

В выдержавшей уже несколько тиражей книге С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» с точки зрения оценки стиля рассуждений и методологии мышления рассматривается устройство существующей в современности практики манипуляции общественным сознанием как технологии господства. Кара-Мурза подчёркивает, что такая технология господства или новый тип власти применительно к России привели бы к отказу от традиционной культуры с её ценностями, дали бы основу для искажения мышления и языка. Он перечисляет целый набор причин и показателей искажений рациональности в

практике социальной жизни, столь близких постмодернизму: гипостазирование, некогерентность суждений, декларативность заявлений, уход от реальных социальных проблем, утрату способности к интегральным выводам, уход от решения фундаментальных вопросов в пользу технических, отрыв от аутентичных культурных устоев, активное мифотворчество, разрушение критериев соотношения количественного и качественного измерения [17].

Сам переход западного общества с середины двадцатого столетия от рационально-практического восприятия действительности к созерцательно-чувственному породил интерес к антропологии сознания. Об измененных состояниях сознания, современном «мире виртуальных развлечений», цивилизации иллюзий, об изнемогающем от «псевдорациональности и сверхрассудочности» сознания пишет в своих статьях А.А. Белик. В его работе «Культурная (социальная) антропология» есть специальный раздел, посвященный сравнительным характеристикам современной и традиционной культур [18, с. 30-37]. Вывод, который следует из анализа опасностей манипуляции с сознанием человека, следующий: меняются не только биолого-медицинские характеристики сознания, но главным образом изменяется в негативную сторону социальное поведение человека и мир его мотиваций, возрастает мир духовных антиценностей [19].

Обращение к квазифилософским медитационным и прочим транс-практикам заставляют некоторых отечественных авторов определить их познавательную сущность как постфилософию. Так, А.Г. Дугин в монографии «Постфилософия» пишет о том, что вот это новое состояние философии есть индикатор перехода мыслительных способностей современного десакрализованного и виртуализированного человека в новое пространство «звероавтомата» [20]. В.А. Кутырев в своей работе «Бытие или ничто», обосновывая слияние постмодернизма и трансгуманизма, усиливает эту характеристику, заявляя, что в центр философских рассуждений современности постепенно ставится тело. Телесность в этом случае является одной из центральных категорий философии постмодерна. Но речь идёт при этом далеко не о культе тела, который наличествовал в некоторых и прежних философско-религиозных учениях, и традициях, а его трансформации и «демонстраже». «Отождествление человеческого тела, - пишет он, - с любыми другими телами следует считать экстенсивным этапом его информационной реконструкции. Этапом его превращения в «сому», в «плоть» как некий материал для дальнейшего использования» [6, с.281].

Ещё один вариант критики именно с философских позиций теорий трансгуманизма и трансгуманистического движения, их методологии мы находим у В.А. Лектор-

ского в его публицистической статье с эмоциональным названием «Если приходит бессмертие, жизнь теряет смысл» [21]. Мы считаем, что это очень актуальная статья одного из редакторов журнала «Вопросы философии». Лекторский заявляет, что бессмертие не может нести никакого блага для человечества. Оно только усилит экологические и социальные проблемы, обесценит значение человеческой жизни, всех её возможных смыслов.

Тоталитарные интенции находит в трансгуманизме и П.Д. Тищенко. «Если в классическую эпоху, описанную Фуко, - заявляет он, - экспертное знание истины как крепкого узла биовласти как бы центрировала ... локусы идентичности, то в эпоху биотехнологий наблюдается пролиферация децентрированных дискурсов, в которых экспертное знание вступает в равноправный диалог с «профанным». Тем самым биовласть приобретает совершенно иную конфигурацию. Одновременно как результат биоэтикосоучастником подобного рода эксцентричных диалогов становится моральный философ» [22]. Говоря о приземленно-примитивном понимании

человеческого сознания в теории трансгуманизма, он упрекает её сторонников во ненаучности, иллюзорности мечтаний [23].

Критическая сторона исследования философии постмодерна и её практических проявлений в отечественной литературе имеет место. Однако теория любого вопроса имеет и другую задачу: позитивное решение проблемы. Так, например, один из авторов работы «Человечество и Технос: философия коэволюции» В.А. Кутырев предлагает противопоставить планам разрушения сущности и природы человека парадигму «творческого антропоконсерватизма», то есть философию духовного и телесного восстановления и исцеления человека, дающую возможность раскрыть его естественные потенциалы.

По сути предлагается альтернатива коэволюции – слияния человека и технологий. Еще одно предложение мы находим у С.С. Хоружего, который считает необходимым организовать синергичное слияние идей постмодерна с русской религиозной философией [24, с. 276]. Постмодернизм здесь представлен как современная философская и культурная данность, поддержанная традициями отечественной философской мысли: православие, соборность, русская цивилизация. В вузовской практике сегодня актуальны вопросы соединения теоретических знаний с наработками в воспитательной сфере. Так, например, в мае 2021 года в Крымском Федеральном университете имени В.И. Вернадского (г. Симферополь) состоялась «IV-я научно-практической конференция «Практическая философия: состояние и перспективы». На ней вузовские педагоги и социальные практики пытались ответить на многие животрепещущие вопросы современности: социальные перспективы российского общества, потенциалы и пределы науки, связь бурного развития многих технологий с их адекватным социально-осмысленным содержанием, а также возможности ответа на вызовы нестабильности.

Настоящая работа, отметим мы в качестве вывода, является результатом размышлений об актуальности вопроса критического осмысления постмодернистской методологии. Практическая философия, считаем мы, обладает потенциалом интегрирующего знания. Оно необходимо на фоне современных вызовов как социального характера, так и развития науки и технологий, основное назначение которых служить человечеству. Понимание прогресса в науке не может быть иным как служение человеческому процветанию. Это должно учитываться в теории и практике воспитательной деятельности, профессиональном образовании молодых людей как будущих высокопрофессиональных и ответственных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицанов А.А. Методология / Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 628-629.
2. Эко У. Заметки на полях «Имя розы» // Эко У. Имя розы: роман. – М.: Книжная палата, 1989. – 467 с.
3. Можейко М.А. Постмодернизм / Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С.778-781.
4. Касториadis К. Воображаемое установление общества /Пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. - М.: Гнозис; Логос, 2003. – 479 с.
5. Швырев В.С. Рациональность в спектре ее возможностей. Исторические типы рациональности. Монография в 2 т. / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 1995. – Т. 1. – (349 с.) – С. 7-30.
6. Кутырев В.А. Бытие или ничто. – СПб.: Алетейя, 2009. – 496 с.
7. Человечество и Технос: философия коэволюции /В.А. Кутырев, В.В. Слюсарев, Т.М. Хусьянов. – СПб.: Алетейя, 2020. – 260 с.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. /Общ. ред., сост. И предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. С.А. Сидоренко. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
9. Хренов Н.А. Искусство в контексте XX века на фоне повторяющихся флуктуаций в больших длительностях исторического времени // Циклические ритмы в истории, культуре и искусстве: Сб. /Отв. ред. Хренов Н.А. - М., 2004. С. 15-73.
10. Кутыкова И.В. Проблема идентичности «постсоветского человека»: диалектика исторической памяти и современности. Дисс. . . докт. философ. наук. - СПб., 2018. - 480 с.
11. Можейко М.А. Парадигма нелинейности в постмодернистской философии языка и современная синергетика // Вестник Нижегородского университета

- им. Н.И. Лобачевского. - 2014 - № 5. - С. 175 – 185.
12. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. – 1991. - № 6. – С. 46 – 53.
 13. Хассан И. Культура постмодернизма // Современная западноевропейская и американская эстетика. Сборник переводов. - М.: Книжный Дом «Университет», 2002. - (224 с.)
 14. Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодернизм как ситуация философствования / Предисл. Маклецова В. - СПб., 2003. - 192 с. С. 77.
 15. Давыденкова А.Г. Философия личности и культурно-институциональные процессы. Монография. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2005. – 220 с.
 16. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек Электронный ресурс. /Ф. Фукуяма: Перевод с английского М.Б. Левина. Публикуется по изданию ООО «Издательство АСТ», 2004. [электронный ресурс] URL: <http://www.nietzsche.ru>. – (Дата обращения:21.05.2020).
 17. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
 18. Белик А.А. Культурная (социальная) антропология. Уч. пособие. – М. РГГУ, 2009. –(613 с.) - С. 30-37.
 19. Колесникова Г.И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности. Автореф. дис. ... докт. филос. наук (09.00.11 – социальная философия). – Ростов-на-Дону, 2010. – 55 с.
 20. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. –М.: МГУ, 2009. -744 с.
 21. Лекторский В.А. Если приходит бессмертие, жизнь теряет смысл //Новая газета. – 2015, № 35 (6 апреля).
 22. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. – М.: ИФРАН, 2001. – С. 9. - 178 с. [Электронный ресурс] https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2001/Tishchenko_1.pdf (дата обращения 20.02.2022);
 23. Тищенко П.Д. Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. – 2008. № 3. – С. 198-205.
 24. Хоружий С.С. Очерк синергичной антропологии. – М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2005. - 407 с.

© Давыденкова Антонина Гилеевна, Ермилова Мария Вячеславовна (maryevro@yandex.ru),
Василенкова Анастасия Анатольевна (a-vasilenkova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

ПОЗНАНИЕ МИРА – СУБЪЕКТИВНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ДУХА (ПО Г.В.Ф. ГЕГЕЛЮ)

Хилтухина Евгения Геннадьевна

*Д.ф.н., доцент, Финансовый университет при
правительстве Российской Федерации
ana2170@yandex.ru*

COGNITION OF THE WORLD IS A SUBJECTIVE ARTISTIC MANIFESTATION OF THE SPIRIT (ACCORDING TO G.V.F. HEGEL)

E. Khiltukhina

Summary: In this article, based on Hegel "Lectures on Aesthetics", the process of cognition is considered, its first form is sensory cognition, which determines the formation of art as an artistic and imaginative creative activity of a person. This activity is based on the work of the spirit, the subjective spirit, due to the objective-idealistic orientation of the outstanding German philosopher. The stages of sensuality are revealed: sensation, contemplation, imagination, their dialectical connection and interaction. The degree of elevation from the lowest to the highest, from the simple to the complex, is revealed.

Keywords: spirit, subjective spirit, art, artistic activity, sensuality, sensation, contemplation, imagination, image, creativity, dialectic, interaction, contradiction, unity.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель – представитель немецкой классической философии, внес значительный вклад в мировую эстетическую мысль. Именно Гегель выводит абсолютный дух как явление, раскрывающее возможность познавательного процесса в силу рационального-логического развития человека. Ведь познание «должно отличаться от чистого знания», поскольку целью познания становится постижение истины. А истинное знание достигается благодаря познавательному процессу, которое формируется как сознание, ибо сознание и есть знание. Ведь включает в себя несколько этапов вследствие того, что в процессе развития возникает диалектическое формирование от низшего к высшему, от простого к сложному, т.е. диалектическое взаимодействие явлений, процессов, вещей, раскрывающих всеобщий характер познания благодаря интеллекту. Тем более что интеллект выступает творческой мастерской духа, который способствует становлению сознания, поскольку должен решать такие задачи, как, в первую очередь, производить знания об окружающем мире, затем, во-вторых, хранить, т.е. помнить эти знания, и, в-третьих, как закономерность, преобразовывать их в различные планы и проекты по переустройству мира. Иначе, «сам процесс познания, согласно Гегелю, включает в себя три последовательных этапа деятельности интеллекта: созерцание, представление, мышление» [8]. Поэтому необходимо рассмотреть деятельность человека через его

Аннотация: В данной статье на основе «Лекций по эстетике» Гегеля рассматривается процесс познания, его первая форма – чувственное познание, определяющее формирование искусства, как художественно-образной творческой деятельности человека. В основе этой деятельности лежит работа духа, субъективного духа, в силу объективно-идеалистической направленности выдающегося немецкого философа. Раскрываются ступени чувственности: ощущение, созерцание, воображение, их диалектическая связь и взаимодействие. Раскрывается степень возвышения от низшего к высшему, от простого к сложному.

Ключевые слова: дух, субъективный дух, искусство, художественная деятельность, чувственность, ощущение, созерцание, воображение, образ, творчество, диалектика, взаимодействие, противоречие, единство.

субъективный дух, в основе которого, как полагает немецкий философ, лежат такие элементы духа как душа, сознание, самосознание, разум, воля. Все эти элементы раскрывают потребность человека в его познании, поскольку основу жизнедеятельности человека составляет достижение удовольствия, которое возможно благодаря художественной деятельности, т.е. искусству.

Искусство для Гегеля является реализацией идеи, так же, как и сам объективный мир. А не реализацией философии, в силу того, что истину находят, прежде всего, именно через художественное творчество. Значит для немецкого философа естественным становится утверждение, что человек делается бессмертным благодаря искусству. Искусство выступает смягчающим обстоятельством в сложных ситуациях общественной жизни. Оно несет в себе «отношение к минутам внутреннего облегчения, расслабленности духа...» [1, т.1, с. 10], вынесение той внутренней энергии, которая естественно бурлит в сознании человека, иначе раскрепощает деятельность человека, особенно при создании художественных произведений.

Художественно-образная деятельность, как творчество, поглощает всякую случайную особенность, в силу того, что художник всецело может следовать импульсу и полету своего гения, своего вдохновения, проникну-

того исключительно воображаемым и, следовательно, изображаемым предметом. Ведь «он мог воплотить свою истинную самобытность в предмете, созданном им согласно истине» [1, т. 1, с. 309]. В силу того, что любой естественно-закономерный процесс, по мнению последователя гегелевской диалектики Ф. Энгельса, как система, а значит и как результат деятельности обязательно завершается абсолютной истиной. Истина рождается в следствии формирования духа и, прежде всего, субъективного духа, так как «дух способен рассматривать сам себя, обладать сознанием, и именно мысленным сознанием о самом себе и обо всем том, что из него проистекает» [1, т. 1, с. 18]. В результате формируется то истинное знание, которое получает развитие в диалектическом соотношении духа и природы как таковой. И создает так называемую «вторую природу», в которой человек раскрывает свои фантазии, возможности и получает от этого удовольствие. По мнению Гегеля, человек получает удовольствие только когда субъективный дух начинает развиваться в полной мере, в силу того, что осознание своих возможностей и мечтаний создается благодаря именно художественно-творческому процессу. Искусство раскрывает ресурсный потенциал человека, который стремится к наслаждению – гедонизму, и духовному, и материальному, поскольку оно свидетельствует с необходимостью о серьезности и игре, которая существует как жизненный элемент воздействия на людей и без которого невозможна жизнь. Основа искусства, прежде всего, – видимость и обман, «ведь искусство живет в видимости» [1, с. 11]. Ядро видимости составляет обращение к «чувству, ощущению, созерцанию, воображению» [1, с. 11], т.е. обнаруживает ступени чувственного познания. Иначе, для искусства должны работать абсолютно другие органы, нежели для науки и, в первую очередь, ощущения и чувства, ибо они предстают началом познания окружающего мира и становятся основополагающими элементами.

Эта первая форма или ступень познания мира – чувственное познание и созерцание, которое составляет обыденное восприятие мира и представление о мире, каковое и определяет сущность наслаждения. На этой первой ступени познания человек имеет дело с непосредственной действительностью, где основой становится эмпирическая форма, данная в восприятии, т.е. в непосредственном опыте, или на практике. Тем более, что «целостность чувства имеет в качестве своего самостоятельного центра отличную от нее субъективность» [4, т. 4, с. 400], которая в указанной форме непосредственного существования утверждает естественное формирование сознательного, духовного. Это обнаруживает противоположность между бытием и сущностью.

Искусство выступает тем условием, которое создает единство чувственного и рационального, как художественно-творческая деятельность, основу которой со-

ставляет **свобода**, ибо свобода раскрепощает человека и показывает его истинную сущность и внутренний мир, неподвластный мышлению и рациональному пониманию мира. Особенность человеческого существования заключается в потребности фантазии и мечтаний, которые появляются при встрече с окружающим миром, объективной реальностью. И начинают ощущаться и, впоследствии, созерцать этот дивный мир, формирующийся благодаря субъективному духу. Тем более что «целостность чувства предназначена к тому, чтобы поднять до субъективности свое для – себя – бытие из себя самой как находящейся в одной и той же индивидуальности» [4, с. 400]. Результатом этого созерцания впоследствии становится искусство, художественно-творческий процесс создания прекрасного, красоты для своего удовольствия. Тем более, что «чувственное присутствие картины не позволяет воображению увеличить представленный предмет, *она схватывает его так, как он предстает перед взором* – курсив мой – Е.Г. Хилтухиной» [4, с. 34]. Поэтому чувственность рассматривается Гегелем как единство ощущений и чувств, рождающих фантазию и воображение. А потому выступает элементом, необходимым в творении произведения искусства. Тем самым, создающих условие для формирования этого искусства, благодаря мышлению, которое составляет «сокровеннейшую, существенную природу духа» [1, с. 19].

Ведь дух – это логико-рациональное явление, которое строит мыслительные процессы в развитии искусства. «Хотя создания искусства представляют собой не мысль и понятие, а развитие понятия из самого себя, его переход в чуждую ему чувственную сферу» [1, с. 19]. Как полагает немецкий философ, сила мыслящего духа содержится в постижении себя самого, прежде всего, в собственно своей форме, каким является мышление. Однако этот дух начинает проявляться «в своем внешнем и отчужденном состоянии, *в чувстве и чувственности*, – курсив мой – Е. Хилтухиной» [1, с. 19]. Получается, что дух постигает себя в собственном инобытии, превращая отчужденное в мысли. И, тем самым, возвращается к себе. В этом – главная особенность *субъективного духа*, который является началом жизнедеятельности человека и художественно-творческой деятельности, в частности. Тем более, что дух «существует для человеческого духа, а не как чувственное само по себе. Рассматривая ближе, как чувственное начало существует для человека, мы увидим, что оно может находиться в различных отношениях к духу» [1, с. 42]. Получается, что дух, таким образом, должен удваивать себя, поскольку существует как предмет природы, и, одновременно, существует и для себя. В силу того, что познание начинается с чувственности, дух начинает созерцать себя, значит и представлять себе себя, мыслить, и лишь через это деятельное для себя бытие он и становится духом [1, с. 37]. По Гегелю дух предстает служебным элементом бытия искусства, ибо будучи в своей основе субъективным, он раскрывает

особенность искусства через чувственно-эмоциональную основу, которая исходит именно от разумно-мыслительного начала.

Диалектика развития разумного и эмоционального свидетельствует об объектно-субъектных отношениях, осуществляющих единство рационально-общего и чувственно-единичного. Так как «искусство должно оживить черствую сухость понятия, дополнить его бесцветные абстракции действительной жизнью и примирить понятие с действительностью» [1, с. 12]. Здесь возникает диалектическое единство чувства и мысли, пробуждающиеся в человеке, по мнению немецкого философа, и требующие высшую проверку и подтверждение, получаемые из других источников. «Мысль и рефлексия обогнали художественное творчество» [1, с. 16], поскольку мышление предполагает существование духа в мысленном сознании, считает Гегель. Поэтому возникает художественно-творческий процесс, как свободное осознание реализации своих фантазий, своих мечтаний и образов, которые формируют наиболее гармоничные предметы и картины мира. Это есть результат, который соответствует собственной «существенной природе» [1, с. 19]. Получается, что представление имеет своим содержанием такой же чувственный материал, который определяется, по Гегелю, «как мой, как находящийся во мне, и как всеобщность, как соотношение с собой, как простота» [5, с. 45]. Тем самым Гегель раскрывает процесс познания, утверждая сущность содержания, которое включает в себя чувство, созерцание, образ и другие структурные элементы чувственного познания. И, поэтому являются формами такого содержания, «которое остается одним и тем же, будет ли оно чувствуемо, созерцаемо, представляемо или желаемо, будет ли оно только чувствуемо, без примеси мысли, или чувствуемо, созерцаемо и т.д., с примесью мыслей, или, наконец, только мыслимо» [7].

В любой из этих форм или в смешении нескольких таких форм содержание составляет предмет сознания. Ведь, как полагал немецкий философ, в ощущении содержится весь разум, поскольку собирает в себе всю совокупность «материала Духа». Художественно-творческая деятельность и предполагает наличие форм чувственного познания, начинающееся с ощущений, формирующих ту субъективность, которая становится внутренне присущей индивидуальности, дающей себе ответ рассудочным, разумным сознанием [4, с. 400], и претворяющим в жизнь новую гармоничную реальность. В результате, когда содержание делается предметом сознания, определенности этих форм проникают также в это содержание. Так что в каждой из этих форм возникает, по - видимому, особый предмет, соответственно, и то, что само по себе тождественно, может казаться различным [7], или существенным, как предмет для наслаждения, т.е. - произведение искусства.

Гегель считает, что **созерцание** не следует смешивать с представлением [4, с. 404], поскольку их взаимосвязь или отношение раскрываются как для самого человека, так и обособленно от него. Это значит, что ступень созерцания в чувственном познании служит необходимой ступенью к сознательному созданию произведения, в силу того, что «это в созерцании существует лишь в себе и полагается впервые в представлении. В созерцании преобладает предметность содержания - курсив мой - Е. Хилтухиной» [4, с. 404], которая диалектически определяет объективность субъективного духа. Как полагает немецкий философ, созерцание, лишённое духа всего лишь проявляется как чувственное сознание, которое становится внешним по отношению к явлениям и предметам. А «одухотворенное, истинное созерцание, напротив, схватывает субстанцию предмета во всей ее полноте» [4, с. 405]. Такое диалектическое развитие способствовало диалектическому взаимодействию внутреннего и внешнего содержания, которое приводило к совершенствованию, гармонии и удовольствию. Хотя это подкреплялось воображением.

Наиболее значимой ступенью чувственного познания, по - мнению Гегеля, становится **воображение**. Сила воображения заключается в том, что оно заставляет «образы подниматься на поверхность сознания из собственного внутреннего существа «я», которое и является, таким образом, господствующей над ними силой» [1, с. 307]. Воображение выступает как *определение образа*, ибо образ несет в себе суть содержания свободного субъективного духа. Воображение, считает Гегель, существует в трех формах, влияющих на определение образа: воспроизведения, ассоциации, символизации и означения фантазии. Третья форма приводит к формированию памяти, которая свободно объединяет созерцание и представление. Такое объединение утверждает переход представления на главный момент познавательного процесса, т.е. становится основой созерцания и формирует ценности бытия окружающего мира. «Воспроизведение образов осуществляется, однако, силою воображения произвольно и без помощи непосредственного созерцания» [4, с. 409]. Вот и возникает диалектическое единство, в основе которого лежит противоречие, определяющее развитие образа и приводит или допускает, как пишет Гегель, «непроизвольное появление образов» [4, с. 409]. Поэтому истина обеих этих сторон заключается в их единстве, придает образность всеобщему и обобщает данный образ.

Таким образом, художественно-творческая деятельность, или искусство, будучи результатом развития духа, прежде всего, субъективного духа, закономерно предстает духовным явлением, в основе которого лежит чувственная видимость. Значит, чувственный одухотворенный материал становится выше природного, неодухотворенного, а результат художественно-образной дея-

тельности – произведение искусства - «имеет дело лишь со своим достоянием» [1, с. 19]. Будучи объективным идеалистом, Гегель видит в художественном творчестве божественное начало, проявляющееся в активной деятельности Бога. Ввиду того, что природное и духовное – единое, проявляющееся как естественно-закономерный процесс развития духа от низшего к высшему, от простого к сложному имеет диалектическую основу. Поэтому художественное творчество «будучи порождено духом,

приобрело для своего существования соответствующую его природе форму проявления, каковой не является его существование в бессознательной чувственности природы» [1, с. 36], субъективный дух как дух, созидающий, является непосредственно действенным началом гармоничной жизнедеятельности каждого, без исключения. Это утверждает разумность человеческого существования, раскрывающее сущность бытия человека как гармоничного социально-субъективного феномена Вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. – М., Изд-во «Искусство». Т. 1
2. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. – М., Изд-во «Искусство». Т. 2
3. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. – М., Изд-во «Искусство». Т. 3
4. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. – М., Изд-во «Искусство». Т. 4
5. Гегель Г.В.Ф. «Энциклопедия философских наук. Часть 1. Логика
6. Лифшиц М.А. Эстетика Гегеля и современность - М., 1984
7. Речь Гегеля, произнесенная им при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818 г. // http://nnre.ru/filosofija/yenciklopedija_filosofskih_nauk_chast_pervaja_logika/p3.php
8. Труфанов С.Н. Классическая теория познания Вильгельма Гегеля - // <http://hegel.ru/trufanov1.html>
9. Хилтухина Е.Г. Проблема «Запад – Восток» в художественной культуре. – М., Издательство «Восточная литература», 1994.
10. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, Том 20, М., «Государственное издательство политической литературы», 1961 г., с. 276.

© Хилтухина Евгения Геннадьевна (ana2170@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

Arkhangelskaya A. – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov

Bukhlina L. – Assistant professor, Federal State Government-financed Establishment «Penza State University», Penza

Davydenkova A. – doctor of philosophical science, Professor, St. Petersburg State Agrarian University

Ermilova M. – candidate of biological sciences, Associate Professor, St. Petersburg State Agrarian University

Galiev R. – Adjunct, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, (Saratov).

Gaponenko T. – Professor, Honored Artist of the Russian Federation, Academy of Choral Art named after V.S. Popov

Gurevich K. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov

Khiltukhina E. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Khromova L. – postgraduate student, Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov

Kirillova N. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Ural Federal University Name after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

Korchagina A. – music director of MADOU DS No. 37; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhnevartovsk State University"

Kosolapova A. – Moscow Pedagogical State University

Qin Siying – Professor, Heihe University

Sarkisov V. – Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof., Krasnodar State Institute of Culture

Shao Jialing – Associate Professor, Heihe University

Sharina K. – Federal State Government-financed Establishment "Penza State University", Penza

Shvetsova O. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhnevartovsk State University"

Solovyova Yu. – clinical psychologist, Institute of Evidence-Based Psychosomatics "EVIRA", Moscow

Tsygankov B. – MD, Professor, Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov; Moscow State University named after M.V. Lomonosov"

Vasilenkova A. – candidate of philosophical sciences, St. Petersburg State Agrarian University

Vasyaev A. – Candidate of Law, Associate Professor, Moscow Economic Institute

Yanchikov V. – clinical psychologist, Institute of Evidence-based Psychosomatics "EVIRA", Moscow

Yazykov E. – Teacher, Krasnodar Higher Military School named after Army General S.M. Shtemenko

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).